

ЦѢНА № 15 коп.

ПЕРВЫЙ ПЕДВЕР

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

ВЪ РОССІИ:

за 1 годъ	6 руб.	1/4 года	3 руб.	1 мѣсяцъ	30 коп.
за 1 годъ	3 руб.	1/4 года	1 р. 50 к.	1 мѣсяцъ	30 коп.
за 1 годъ	3 руб.	1/4 года	2 руб.	1 мѣсяцъ	30 коп.

Подписка принимается только съ 1-го числа какого мѣсяца. За переводу адреса 20 коп.

ТАКСА НА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

Вперед тексты—60 коп. Позже тексты—40 коп. За строку и шпатель въ 1/4 формата страницъ.

КОНТОРА И РЕДАКЦІЯ:

Васнева, Стрѣлочный пер., д. 4, кв. 13. Тел. 4-78-94.

Контора открыта съ 10—4 час. дня.

Редакция открыта для личныхъ объясненій по понедельникамъ и пятницамъ отъ 5 до 6 час. и по воскресеньямъ отъ 12—2 час. дня.

Принятая рукопись, въ случаѣ надобности, подлагать се правкѣ и измѣненію по усмотрѣнію Редакціи.

Статьи, выходя изъ редакціи не возвращаются и не подлежатъ возврату.

№ 42

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. Къ предстоящей сессіи Госуд. Думк. Л. Ш.
- II. Къ вопросу "радуги". О. З.
- III. Къ вопросу "радуги". А. Д.
- IV. Къ вопросу "радуги". И. О.

Московская типография
 Печать и полиграфия
 Печать и полиграфия
 Печать и полиграфия
 Печать и полиграфия

У Клерка Юнге. М. Ш.

ДРАМАТИЧЕСКІЙ

КОМПАНИИ

Дозволено цензурою. Кіевъ, 18 1901.

19 18 01 21

КІЕВЪ.

Типографія И. И. Чоколова, Фундуклеевская ул., № 22.
1901.

к

*Х. Раушановъ
Шельменко,
волостной писарь
комедія*

Шельменко, волостной писарь.

КОМЕДІЯ.

Шельменко

а
об
н
ч

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Губернаторъ.
Порошковскій, членъ врачебной управы.
Секретарь рекрутскаго присутствія.
Чаркодуевъ, повытчикъ.
1-й писецъ.
2-й писецъ.
Трофимычъ, волостной голова.
Шельменко, волостной писарь.
Никита Михайловъ, крестьянинъ.
Степанида, мать его.
Софронъ, крестьянинъ.
Бутылочникъ, трактирщикъ.
Унтеръ-офицеръ, просители крестьяне и крестьячки, солдаты и слуги трактира.

Дѣйствіе происходитъ въ губернскомъ городѣ.

ШЕЛЬМЕНКО.

Дѣйствіе первое.

Простая изба. Разсвѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

НИКИТА въ цѣпяхъ сидитъ у стола, на которомъ ломоть хлѣба, кружка и догорающая свѣча. У дверей **СОФРОНЪ** и **КРЕСТЬЯНЕ** спятъ, прислонясь къ стѣнѣ, въ рукахъ дубинки.

Никита (вздыхаетъ и помолчавъ). Вотъ ужъ и разсвѣтаетъ, а я и глазъ не смыкалъ! Что то со мною будетъ? Тоска нестерпимая! Говорятъ люди, что только и житья, что богатыхъ, что имъ все удастся, что всѣ ихъ уважаютъ... (схва-
тываетъ цѣпь). Вотъ какъ уважаютъ! За что на меня такая несправедливость? Не придумаю. Что я кому сдѣлалъ?... Эхъ! кабы я былъ одинокъ! Послужилъ бы Богу и государю вѣрой и правдою, со всѣмъ усердіемъ и охотою, все свое имущество роздалъ бы бѣднымъ, роднымъ и чужимъ.... Но матушка! На кого мнѣ ее покинуть? (плачетъ). Въ бѣдѣ найдутся и враги и обиралы: доведутъ ее, мое сердечушко, до нищенской сумы... А постигнетъ болѣзнь, въ старости... Кто ее приметреть? (болѣе плачетъ). Кто ее успокоитъ? Кто (горько зарыдалъ), кто закроетъ ей глаза? О матушка моя! Родная моя! Одну ты имѣла на свѣтѣ радость, и той тебя лишили, и не дали несчастному сыну твоему принять послѣдняго благословенія...

Софронъ (*между тѣмъ проснувшійся*). А! Ну, што ты, Микита? Знай все плачешь? Слезами ничего не поможетъ. Терпи!

Никита. Хорошо бы и терпѣть, да и на все итти, кабы я одинъ былъ; но какъ вспомню про родную, да подумаю: на какую горькую жизнь она остается, такъ вѣришь ли? Господи прости! самъ бы на себя руки поднялъ. Ты, Софронъ, чай былъ на сходкѣ; скажи мнѣ, Мироновичъ, на милость: за что меня присудили въ отлачу? Недоимка за мной не числится, общественная работа не стоитъ; я одинъ отъ отца, дядя сами по себѣ, и служба за ними есть уже. За что меня приговорили?

Софр А кто тебя знаетъ! На сходкѣ я не былъ; а знашь, за чѣмъ? за тѣмъ, што на тебя и сходки-та не было Тебя отдаютъ такъ на-чисто: пришла бумага—вотъ и все тутъ. Кто тебя знаетъ, я не знаю.

Ник. Бумага? Стало же, отъ начальства? А я родясь, кромѣ капитанъ-исправника, другого начальства и въ глаза не видалъ, и въ городъ не бывалъ; дурныхъ дѣлъ и по слуху не знаю, не то чтобы самому бездѣльничать. Покойный отецъ мой не на то меня грамотъ научалъ, чтобы я сталъ недобрымъ и негоднымъ, а старался наставить меня на добрый путь.

Софр. Ну, вотъ вишь ли: какой тебѣ путь лучилъ, такъ и терпи. А объ матушкѣ не кручинься; ино дѣло кабы бѣдность, а то не бось: проживеть вѣкъ, да и не охнетъ вспоминаячи тебя.

Ник. (*вздыхаетъ и молчитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и ШЕЛЬМЕНКО въ тулупъ и шапкѣ; на плечахъ большой войлокъ. СОФРОНЪ торопливо разбуждаетъ крестьянъ, кои вскочивъ становятся у дверей съ дубинами.

Шельменко (*снимая съ себя войлокъ и протирая глаза*). О, та й змерзъ же я цупко! Але ничего й не бачу. Та й дрижкаивъ наився. Аговъ! Калавурни, чи все у васъ справно?
Софронъ. Да што? Кажись, всѣ цѣлы и мы—и некрутъ. Вотъ всѣ на глазахъ.

Шельменко (*отдавая ему войлокъ*). Визьми жъ опанчу та заховай, тай гляды якъ ока; а то мижъ москалями й не-счучешся, якъ стягнуть. А голова бувъ?

Софронъ. Нѣтъ, не бывалъ ещо.

Шельм. Де винъ тамъ у гаспыда блукае! Ще шобъ не втягъ чого на пакость. Видъ москаля усего станеться. (*Подойдетъ къ задумавшемуся Никитѣ, садится подлѣ него*). Здоровъ, Мыкыто! Чого бо ты журисся? Оце ще! Гай, гай! не-знать-що ты, голубчыку, робышь! Чого такы плакаты?

Ник. Какъ мнѣ не плакать, Кондрать Терентичъ?

Шельм. Та такъ далеби-що ничего. Не ты одынъ будешъ у служби. Слава тоби Господы! Е салдатовъ по всему свиту тысячи чотыре, колы й не билшъ; не дадутъ зажуры-тысь. Годи жъ, годи; гляды веселенько (*надѣваетъ на него свою шапку*). Дывысь! якый, будучы, съ чорта гарный москаль буде! Э! кынъ лыхомъ объ землю! Я жъ кажу, тилкы й страшно урохы, покы прымиряють та оглядають; а дали якъ крыкнуть: лобъ! такъ де тая й хвабристь визметця! Э, Мыкыто, Мыкыто! Ты есы дурень, не знаешь своего щастя.

Ник. Какое, дядюшка, счастье?

Шельм. Якъ, яке? Якъ надинуть на тебе, будучы, мундѣръ та позаципають усюды гаплыкамы, та тее-то, и сюды кытыци и туды кытыци, а тутъ, будучы сказать, гудзыкы; такъ такый, стало быть, будешъ страшный, що до тебе ни прыступу. Та ще, будучы, може въ насъ на сели, тее-то, й на кватери стоятымешъ; та якъ пидешъ по юльци: шапка на тоби козацька, кытыци телипаютця, а тее-то, шаблюка у боку тилкы: брязъ, брязъ, брязъ! Або якъ выйдешъ на вечерыня, та якъ утнешъ на шпорахъ гоцака, такъ, будучы, дивчы-уси за тобою, та знай крычатимуть: москалю! господа служывый! А ты, будучы сказать, на нихъ и не дывысса, тилько тее-то, покрыкуешь: аштѣ, та на штѣ, та пайди геть себѣ! А якъ, будучы, прыйдешъ на кватеру, заразы и крычы: хазяйка! давай, таво, вечерять паскарѣича! А вона й пытаеться: а чого звольте, господа москалю? а ты й прыказуй, будучы сказать: курку звары, другу спечы, яешню спряжы, та молошну кашу до перцю, та подавай гарѣлки-ста. Оттакъ-то, Мыкыто, й ты, будучы сказать, и ты будешъ. А що? правда моя?

Ник. (*не слушая его*). Бѣдная моя матушка! На кого она останется?

Шельменко. Та объ паньматци не тужи. Вже стало быть якъ намъ ии покынуты? А, будучы, знаешъ що, Мыкыто? Я тебе завсегда, тее-то, любивъ, мовъ брата риднесенького, то якъ, будучы сказать, забрюють тоби лобъ, то я однаково у васъ захожый, сырота, ни батька, ни матери; то я, тее-то, визьму ии замисць матери, и, будучы, вже въ ней й жытыму и глядитыму ии; а якъ, будучы, помреть, то поховаю, стало быть, нываче мищанку: девьять обидивъ справлю и, тее-то, усихъ старцивъ нагодую. Колы й ты вернесся, то будемо жыты, гмъ! якъ браты; а колы, будучы, не вернесся, що, нехай Богъ боронить, тебе вбьють, то я й тебе видпоминаю и, тее-то, и у граматку запышу *убыенного Мыкыту*. Не журыся жъ, братику. Бачъ, вже я съ тобою, будучы сказать, и побратався. Не журыся: твоий матери буде добре.

Ник. Все такъ, дядюшка; да ты не будешъ ей сыномъ!

Шельм. Та далеби-що буду! Отъ ей! вельке слово! Бачъ, ажъ, будучы, забожывся. Я жъ тоби, стало быть, кажу: що якъ виддамо тебе та вернуся до дому, то такъ, будучы, у твою хату мершій и перейду, та й буду доглядаты худобы и, будучы, и матери твоеи. Будь же, тее-то, веселенький. Та якъ, будучы сказать, приведуть тебе у приводъ, то не дывысь сторчъ, якъ теперь дывыся; а такъ, тее-то, веселенько, мовъ дивчата зъ тобою жартуютъ. Та ще, слухай, ось що: якъ стануть тебе у приводи судящи пытаты, якъ тебе, будучы, зовуть, або-що, то ты имъ кажы по пысьменному. Чы знаешъ, якъ-то по пысьменному?

Ник. Я теперь и ничего не знаю.

Шельм. Ось бачъ: тебе зовуть Мыкытою, а ты по пысьменному кажы, будучы, Мыкыхворъ. Прозываеся ты, козаче, тее-то, Михайловъ, а по пысьменному треба-нада, стало быть, Миняйловъ.

Ник. Да я, дядюшка, пишуся Михайловъ.

Шельм. Эге! та що будешъ робыты, колы по справци такъ оказалось! Чы ты читавъ, будучы тее-то—ревызькии сказкы?

Ник. Нѣтъ, дядюшка, я только церковное читаю.

Шельм. А гражданське?

Ник. Только и читаль, что «путь ко спасенію».

Шельм. А скоропысне утнешъ?

Ник. Нѣтъ, не дошелъ до такой премудрости.

Шельменко. Такъ такый-то ты, бачу, пысьменный! (*смѣется*). Ге, ге, ге, ге! а бодай васъ вчылась! Дывыся жъ, голубчыку: та що жъ то мыни зъ невченымъ и толкуваты! Ты мене, будучы, и не второпашъ, що я тоби казатыму. Слухай же, якъ воно е. (*Разводитъ пальцами по столу*). Ось-озьдечка Михайловъ, а оттутечка Миняйловъ; такъ оце, будучы, узавшы видъ Михайлова и хиръ-азъ-ха ха-ий, та й прытулыты, тее-то, до Миняйлова; а видъ его вырваты и-нашъ азъ-на-на-ий, та й залататы дирку, будучы, у Михайлова. Чы розумно тоби? Ось такъ усе учени роблять: де имъ не до-шмыгы, то й вырвуть, а де кинцивъ не зведуть, такъ тамъ чымъ попада латають. Та се вже слидователно, будучы сказать, хоть до якого хочъ дяка пида, то ты, тее-то, Мыкыхворъ Миняйловъ; такъ и видкыкайся, а то якъ панамъ та не по пысьменному, стало быть, скажешъ, то-то росердятця! та ще гляды, щобъ и не налаялы. Эге, зъ панамы такъ: я вже ихъ дуже знаю. Та й годивъ тоби кажы, будучы сказать, двадцать чотыри.

Никита. Не будетъ, дядя; мнѣ только двадцать.

Шельм. Ни, не такъ. Я жъ самъ, будучы, у метрыши читавъ, що тоби, тее-то, двадцать чотыри годы. Та на отъ и самъ подывыся, дучче всего (*подаетъ пустую бумажку*).

Ник. Не знаю цифыры.

Шельм. Чого жъ и спорышъ, колы ничего не тямышъ! Се вже, будучы, справди неваче на велькихъ школахъ вчений, про все спорыть, а воно, тее-то, якъ по справци оказуетця, и гражданського не вкусыть. (*Смѣется*). О, бодай тебе! (*вставъ*). Ну теперь, будучы, зовсимъ. Говъ! сторожа! А кете-лышнень чого поснидаты!

Софр. Да гдѣ я тебѣ возьму? Ничего нѣту-тѣ.

Шельм. (*осердясь дразнитъ его*). Табъ, табъ! А ты, будучы, не вмешъ звычайнише назваты. Се ты не зъ своимъ братомъ мужыкомъ, будучы, вернякаешъ, а бачъ, тее-то, съ паномъ пысаремъ; такъ такъ бы и звельчавъ, якъ тамъ, будучы, кажуть, дядюшкою, або, тее-то, пане пысарю Терентовычъ. Ато зъ дуру, якъ съ печи. Эка мужыкъ! Унесы жъ сюды, будучы, я привизъ мерзлой тарани, то кете сюды, та поснидайте и орестанта нагодуйте

Ник. Благодарствую, дядя; мнѣ ѣда и на умъ не идетъ. Вотъ и вчерашній ужинъ, я къ нему и не дотрогивался. Я

вотъ все о чемъ думаю: за что на меня такая напасть? По какому резонту меня отдають?

Шельменко (*важно*). А по такому резонту, що, будучы сырчъ обаче и поелику, гмъ, гмъ! тее-то... то що тутъ базикаты: якбы ты вмивъ скоропысне, то ты бъ самъ и прочытавъ, що тутечка написано (*вынимаетъ ту же бумажку*). Слухай, я тоби, будучы, прочытаю: ме—ме—ме—дондеже будучы—ме—ме—ме—можаху—ме—ме скоропостыжно, представить, ось бачъ! представить, эге! пом-слово-титла-пом, оце-то насъ и заплутало! а ось-озьде: виддаты у рекруты; бачъ! у рекруты, эге! охъ, головонько наша бидная! ану, що дальше: бачъ, хотъ самъ чытай: нашъ-и-ны, Ны, како-ы-кы, кы, Ныкы, хвертъ-онъ-хво, хво, Ныкыхво, ерцы-азъ-ра, а по верхамъ, Ныкыхвора Миняйлова; слидователно, тутъ справка чыстая: тебе виддаты у рекруты. Гмъ! такъ що ты пился сего будешъ робыты? се, голубчыку, предпысаніе видъ начальства; а пысаніе глаголетъ: скачы, враже, якъ панъ каже.

Никита. Да не можно ли, дядюшка Кондрать Терентьичъ, какъ-нибудъ, знаешь? Поклонился бы твоей милости сотенкою.

Шельм. Та що се ты мени говорышь? мени душа ще й самому згодытця, а не то щобъ за мою брехню чортякы моимъ языкомъ, тее-то, мовъ ополонькомъ, кыпъячу смолу мисалы, а мене бъ, будучы, потрошылы на лыпыну для пидпалкы. Ей не можу ни узяты, ни тебе вызволыты. Мыни тебе жалко; такъ отъ самъ бачышь, будучы, предпысаніе (*встаетъ и надъвываетъ шубу, въ сторону*). Утикты мерщій, ато дуже жалибно просытця, щобъ я иноди не спиткнувся; щобъ за сотнямы, та не процвиндрывъ его тысячи. Хлопци! я пиду головы сыкаты, а колы, будучы, винъ буде тутечка-здесечка, такъ нехай, тее-то, мене дожда тута-здеся. Глядыжъ, будучы, Мыкыто, не забувай, що я тебе вчывъ. (*Отходя*) Навчывъ его на все добре; буде дякуваты.

Ник. (*по уходитъ его*). Все-таки я не узналъ, за что именно меня отдають; за что, какъ скотину на убой ведутъ на явную погибель? Почему я изъ Никиты Михайлова долженъ стать Никифоромъ Мъняйловымъ? Отъ чего судьи разсердятся, коли я не такъ назовуся? судьи должны знать святую правду. О! кабы я возымѣлъ смѣлость, да рассказалъ бы имъ всю истину! Не надѣюсь... проймутъ слезы и погибъ несчастной Никита! Нѣтъ у меня ни пріятели, ни добраго челоуѣка, кто бы далъ

мнѣ благой совѣтъ. Словно сумасшедшій! словно во снѣ все вижу... О! кабы я заснулъ навѣки сію же минуту...

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же и СТЕПАНИДА входитъ поспѣшно.

Степанида (*бросаясь къ сыну*). Вотъ мое ясное солнышко! Вотъ мой Микитунка! голубчикъ мой! (*обнимаетъ его*).

Никита (*въ большой радости*). Матушка родная моя! Ты мнѣ какъ ангелъ съ небеси явилась!

Степ. Ещо меня Богъ помиловалъ! ещо далъ мнѣ тебя увидѣть-та. Да штожь ты это, мой родимой, закованъ? Ужь не наказалъ ли тебя Богъ?...

Ник. Нѣтъ, родная! Я все твой честный сынъ; все ещо молитвами твоими сохраненъ отъ всякаго зла. Ты развѣ ничего не слыхала обо мнѣ въ нашей деревнѣ?

Степ. Ничево, мой соловушка! Вотъ какъ позвали тебя къ головѣ и ты пашоль, да тебя и нѣту-тѣ. Я ждаты-пождаты, да и горюю! охъ моя головушка! а тамъ ужъ и плачу и тебя, мое утѣшеніе, разыскую. Нихто мнѣ ничего не говоритъ; я къ головѣ; онъ, знашь, мужикъ гордой, велѣлъ меня въ зашей вытолкать (*голосомъ головы*). «По чему я знаю, гдѣ твой бурлака гуляетъ!» Господи милостивой! заплакала я: ужъ какой-то мой Микитунка бурлака? Онъ словно красная дѣвица! Ну! и плачу, и пошла къ нашему писарю, къ хахлу-та; а онъ началъ меня на смѣхъ подымать да матушкой называть, да што-та по своему индюшечьему разговору квакаль-квакаль, я и не разобрала; да иду, плачучи, къ батюшкѣ священнику посоветоватца-та: а кума, знашь, Василиса мнѣ на встрѣчу, да и сказала, што тебя, моего сыночка, моево Микитунку, повезли за калауромъ въ губернію. Вотъ я поскорѣй къ тебѣ и пріѣхала.

Ник. Какъ же ты, родная, добралася сюда?

Степ. Племянниковъ Мירוха, спасибо ему, знамши мою бѣду и видячи, што я плачу, што вотъ какъ рѣка лѣтца и убиваюсь словно рыба на пескѣ, взявши, сторжился со мной довести сюды-та. Вотъ, какъ вѣхали въ городъ, гляжу: большой! домовъ много! а въ какомъ ты? неизвѣстно! Кого спро-

шать и гдѣ искать? Горе меня одолѣло! Мироха и говоритъ, што онъ знаетъ дворъ, гдѣ наше начальство вѣзжаетъ. Ну, вези же, голубчикъ, когда знаешь! Вотъ и доѣзжаемъ: какъ я—глядь! Шельменко-то, писарь нашъ, шмыгъ сюда во дворъ; я такъ и закричала: тутъ мой Микитушка, тутъ мой ясной мѣсяць!

Ник. Онъ же не слыхалъ тебя?

Степ. Нѣтъ, я еще по-одаль отъ него была, да и подумала: незмы какъ онъ выйдетъ, тогда ужъ я пойду отыскивать своего Микитушку. Ушъ на все пойду, смерть себѣ отъ враговъ найду, да ушъ хоть бы мнѣ взглянуть-та на него.

Ник. О матушка моя, Степанида Гавриловна! самъ Богъ тебя послалъ! Теперь мнѣ веселѣе и горе свое встрѣчать, что я вижу тебя, получу родительское благословеніе.

Степ. Да што же ты, мое красное солнышко, скованъ? Што ты имъ сдѣлалъ?

Ник. Ничего я, матушка, никогда худого не сдѣлалъ и вѣкъ не сдѣлаю, а заковали меня затѣмъ, что... родная моя! перенеси горе, на убивай себя! Меня... велѣно отдать... въ рекруты!

Степ. (вскрикиваетъ). Кто повелѣлъ?

Ник. Начальство прислало указъ.

Степ. (поражена, удерживается, чтобы не зарыдать и едва можетъ говорить). Указъ? Воля Божья и государева! Больно мнѣ... охъ! тяжко... Што жъ, Микитушка! не моги спорить противъ начальства. Богъ тебѣ поможетъ и меня горькую, мать безчальную, не оставитъ! Да за што-та тебя повелѣваютъ отдать? Што ты кому сдѣлалъ, и почему начальство тебя знаетъ?

Ник. Ничего не понимаю. Не плутни ли это головы съ плутомъ писаремъ?

Степ. Да ты же говоришь, што бамага объ тебѣ пришла?

Ник. Читалъ мнѣ ее писарь; да кто знаетъ, правда ли еще? Мы люди темные, что можемъ сдѣлать противъ ихъ хитростей?

Степ. Да погоди же. За што эдакая на насъ напасть? Какъ таки можно у челоука послѣдній глазъ вынимать? Какъ отнять у матери послѣдняго сына, и кормилца, и оберегателя? Вѣстимо, што это враги наши убиваютъ насъ. Кто насъ теперва защититъ? Пусть возьмутъ все богатство, ничего не

пожалѣемъ, а штобъ только насъ не разлучали, не уводили бы тебя, маё сокровище, въ конецъ свѣта, дали бы мнѣ бѣдной горькой сиротиночкѣ наравдаться тобою, женить тебя, налюбоватца тобою въ парочкѣ, навеселитца твоими птенчиками...

Ник. Прошли наши радости, родная! Благослови меня теперь на новую жизнь! дають мнѣ въ жены саблю острую, приданое беру пули свинцовыя...

Степ. Да коли жъ его голова съ писаремъ мудрятъ, такъ по какой же это правдѣ?

Ник. Скажи мнѣ, матушка, какъ мы пишемся: Михайловы или Мѣняловы?

Степ. Вотъ! Мы Михайловы, кормилецъ, отъ дѣда да и еще повыше; а Мѣняловы особо, въ нашей таки деревнѣ, да вымерли безродные. Одинъ остался, да и тотъ съ семьей бѣжалъ на вольныя земли.

Ник. Что жъ это, родная; Шельменко наказывалъ мнѣ много, чтобы я назывался Мѣняловымъ? Такъ и бумагу читалъ. Не плутни ли это его съ головой?

Степ. Да таки взаправду што плутни. Съ чего бы тебя одного въ семьѣ, да и брать? Ужъ не пожалѣтца ли мнѣ на такую обиду? Да только—кому? Чай тутъ въ губерніи есть какой голова, да можетъ еще старшій надъ нашимъ? Побѣгунка я къ нему, да стану просить за тебя, чтобы не брали тебя-та.

Ник. Иди, моя матушка, моя отрада! Проси за меня; а здѣсь не голова, здѣсь губернаторъ—надъ барами баринъ, надъ господами господинъ.

Степ. Охъ, Микитушка! Да коли жъ онъ надъ господами господинъ, такъ онъ въ наши мужицкія дѣла и не помѣшаетца-та.

Ник. Нѣтъ, матушка, не такъ. Мы все дѣти у нашего батюшки-государя. Ему все равны: что баря, что мужики, что богатые, что бѣдные. Онъ всякаго изъ насъ жалѣетъ, и дай Богъ ему многія лѣта! желаетъ, чтобы никто не обижалъ другъ друга. Но какъ царство его обширное, дѣтушекъ много, а до Бога высоко, до царя далеко, такъ онъ и поставляетъ губернаторовъ, изъ выбранныхъ выбраннаго и изъ усердныхъ усерднаго; вотъ и поручаетъ насъ ему и крѣпко приказываетъ, чтобы никто не былъ обижень, и чтобы всюду была

правда и порядокъ. Иди, матушка! Богъ тебѣ мысль послалъ. Проси губернатора; и коли я по правдѣ отдаюсь, такъ благослови меня, и не вздохнемъ; поручу тебя милосердію Божию и съ радостію пойду на врага, хоть на Нѣмца, хоть на Француза, и не боюся басурмана Турка. Исполню волю царскую, за то Богъ меня не оставитъ и возвратитъ къ тебѣ здрава и нерушима. Коли же нѣтъ обо мнѣ правды, то губернаторъ все узнаетъ, меня отпуститъ и тебя обрадуетъ.

Степ. Головушка наша бѣдная! Какъ до него доступить? Когда до нашего головы не поступишь, а ушь тутъ въ губерніи начальникъ, чай гордѣй нашего сельскаго.

Ник. Нѣтъ, моя родная! Кто изъ мужиковъ дослужится хоть до маленькаго начальства, тотъ всегда и на всякомъ мѣстѣ останется мужикомъ: все гордится и недоступенъ, все требуетъ, чтобъ его уважали; анъ напротивъ: за его гордость всѣ презираютъ и почтенія ему душевно нѣту. А кто изъ барина баринъ, такъ его чѣмъ ни поставь, куда ни опредѣли, онъ все одинаковъ: все ласковъ; всѣхъ допускаетъ, выслушиваетъ и любить правду, паче злата и топазія и бисера многоцѣннаго.

Степ. Микитушка! соловушка мой! Штожь я ему поднесу? Нѣтъ у меня тутъ ни курочки, ни хлѣбушка, да и деньжонокъ мало схватила.

Ник. Избави Господи! Не носи ничего.

Степ. Какъ же? Когда приказано къ головѣ безъ приносу не ходить, а тутъ побольше его...

Ник. Вотъ то-то и есть, моя родная! У мужика и обычай все мужицкіе, все подлое да гнусное; онъ для злата не боится прогнѣвать Бога, отвѣчать предъ царемъ, и стыда не страшится. А господинъ ни самой маленькой не пойдетъ на такое беззаконіе: онъ знаетъ судъ Божій и царскій, и стыдъ отъ людей. Иди, матушка, не медли!

Степ. *(поспѣшно собирается)*. Иду, Микитушка! Сейчасъ бѣгу, ясное мое солнушко! и принесу тебѣ радощну вѣсточку. Чуетъ мое сердце, што губернаторъ насъ пожалуетъ. *(Собравшись, останавливается)*. Да куда жъ я пойду-та? Гдѣ его искать?

Ник. Спроси, матушка, рекрутской приводъ; тамъ и губернаторъ; проси всѣхъ, поступи къ нему и расскажи всю правду. Поспѣши, моя родная! Утро, скоро меня въ приводъ

поведутъ, тогда ничѣмъ не воротись. Богъ тебѣ поможетъ; о себѣ стараешься.

Степ. *(поцѣловавъ его въ голову)*. Иду, мой сыночекъ! Все расскажу ему, все... *(скоро уходитъ)*.

Ник. Ахъ! кабы она не опоздала, кабы доступна! *(Бросается на свою скамью)*. Грусть меня замучитъ, пока узнаю мою судьбу. Меня такъ скоро схватили, что не успѣлъ взять своей псалтыри, отцовскаго благословенія. Теперь въ горѣ читалъ бы и пользовался, и получалъ бы утѣшеніе. Утѣшеніе!... *(Вздыхаетъ и пригорюнивается)*.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же, ТРОФИМЫЧЪ и за нимъ ЧАРКОДУЕВЪ.

Трофимычъ. Што? все ли у васъ исправно-та?

Софронъ *(кланяясь)*. Все хорошо.

Троф. А панъ Шельменко былъ ли здѣсь-та?

Соф. Былъ и онъ. Спросалъ вашей милости, да и пошолъ себѣ.

Троф. *(Чаркодуюеву)*. Ну, Савастьянъ Ахрѣмичъ! смотри, годитца ли? Вѣдь мы знаемъ, што въ тебѣ вся сила.

Чаркодуюевъ *(вошедъ, осматривалъ все, и увидя на столѣ кружку, съ радостію бросился на нее; отвѣдалъ, и съ неудовольствіемъ оставилъ)*. Смотрѣлъ, вселюбезнѣйшій! и даже отвѣдалъ. Тьфу! охти мнѣ! Прѣсная вода, которая мнѣ очень вредна и которой я, благодаря моей комплекціи, лѣтъ десятокъ не употребляю.

Троф. Да не то; осмотри-тка парня-то.

Чарк. Охъ, вселюбезнѣйшій, не могу. Глухая привычка отъ малыхъ ногтей и отцовская, на смертномъ одрѣ заповѣдь—гмъ! прежде дѣла—испить малу толику.

Троф. Охъ, Савастьянъ Ахрѣмичъ, да гдѣ взять-та? здѣсь не кабакъ, да кому жъ и некогда. Огляди-тка парня-то, да и пойдемъ, куда желаешь.

Чарк. Основательно, обдуманно. Но хотя кваску же, устн смочить. *(Трофимычъ приказываетъ)*. Со вечера до полудночи и такъ далѣе, у одного отдатчика трудились, ей! до

положенія ризъ. Едва-едва голову, едва на плечахъ (*подаютъ ему пить; пьеть*). Э! хорошо, да все не то.

Троф. Будетъ и то, будетъ и все: принимайсь-ка за дѣло-та.

Чарк. Сей же часъ.—Хмъ, хмъ! (*Никитъ въ полголоса съ важностію*). Какъ тебя зовутъ?

Никита (*твердо*). Никита Михайловъ.

Чарк. (*головъ*). Не глухъ,—статья первая. (*Никитъ*). Сколько у тебя пальцевъ на рукахъ.

Ник. (*съ неудовольствіемъ*). Сколько и у тебя: десять.

Чарк. Не глупъ. Статья вторая. (*Никитъ*). Когда придешь въ кабакъ и спросишь вина на десять алтынъ и дашь гривенникъ, сколько сдачи надобно получить?

Ник. Въ кабакъ никогда не былъ, вина родясь не пилъ, а сдачу всегда умью ращитать.

Чарк. Онъ дерзокъ, сирѣчь, храбръ. Статья третья и послѣдняя. (*Никитъ*). Встань. (*Онъ всталъ*). Во мнѣ во дни оны было четыре вершка, а онъ выше и меня. Голова! слушай резолюцію. Приказали: онаго вышеписаннаго рекрута вели вести въ пріемъ. Гмъ!

Троф. Бумаги не готовы.

Чарк. А я у васъ на что? Пойдемъ и мы, по обѣщанію, найдемъ кое-куда и напишемъ, гмъ! что знаемъ.

Троф. Ну, и то ладно. Ведите же его.

Чарк. Но, вселюбивѣйшій, прикажи здѣсь цѣпи снять. Сія статья не позволительная.

Троф. Снимите же цѣпи и ведите, да въ большихъ сѣняхъ ожидайте насъ; дорогой глядите, чтобы не ушолъ.

Ник. (*посмотрѣвъ на него*). Не знаешь меня, такъ и думаешь обо мнѣ худо. (*Вставъ*). Господи, помоги! Прощай, голова! Вспомнишь меня при часѣ смертномъ. (*Уходя*). О матушка моя родная! Гдѣ ты теперь? (*Уходитъ, за нимъ встѣ крестьяне съ дубинами*).

Чарк. Многогубчивъ крѣпко, но смыслу въ словахъ не имѣется, точной нашъ частной приставъ. Что, рекрутъ этотъ доимочной, или за отличие въ зачетъ?

Троф. Охъ, Савастьянъ Ахрѣмичъ! съ нимъ нада умудриться-то. Пустились мы съ паномъ Шельменкомъ на промыслы...

Чарк. А гдѣ мой вселюбивѣйшій Шельменко! Вотъ дружище! Ушь мы съ нимъ одинаковы: попировать ли, дѣльцемъ

ли поворотить, одинъ передъ другимъ. Да что онъ не является? Не пойти ли намъ къ нему? Я чувствую, что онъ избралъ мѣсто покомплектнѣе нашего, хотя то классомъ и выше его.

Троф. Запропастился онъ гдѣ-та. Сказалъ прошать тебя сюды и самъ хотѣлъ здѣсь быть, да и нѣту-тѣ? А безъ него я не знаю, какъ и дѣло начать-то. Онъ самъ надумалъ, самъ будетъ и рѣшать.

Чарк. Коли самъ надумалъ, то не безъ ума и хитрости. О! голова. Истину говорю: губернская голова! не для волости онъ созданъ. У насъ въ губерніи такіе люди переводятся уже. Ну, уповательно, въ семь дѣлъ перепадетъ и мнѣ что-либо, охъ! за грѣхи мои. И такъ, хотя уже и семь часовъ, и хотя уже нашъ секретарь, уповаю, сидитъ на своемъ классномъ мѣстѣ, поглядывая гордымъ окомъ и нечистымъ сердцемъ, вся ли наша братія собралась; но подожду Шельменка, что онъ мнѣ препоручитъ? Въ нынѣшнее треклятое нами время, таковыя комиссіи сущій кладъ и ихъ упускать не должно.

Троф. А пока я тебѣ расскажу. Вишь ты: времена тяжки, нада и о предбудущемъ думать. Новой-та исправникъ у! гроза! онъ-то зналъ за нами прежніе грѣшки-та, такъ вотъ теперь и добираетца-то; за все, про все, требуетъ отчота. Панъ Шельменко все ему списалъ; такъ въ судѣ сказали, што не гладко и што будетъ намъ бѣда-та; а штобы мы куда не скрылись, такъ намъ смѣны не будетъ до послѣдняго часу-та, и штобы съ должности, да прямо насъ и подъ судъ-та. Такъ вотъ мы на всякой случай запасаемся-то; извѣстно, што нужно, бымы подъ судомъ. Одинъ рекрутъ по нашей волости въ недоборѣ; такъ мы съ очередными уладивъ, нашли-та сироту. Одинъ сынъ у матери, на што онъ пригоденъ? А мать, таво вана, дюже богата! Отъ мужа осталась ей сума немалая! Вотъ двѣ сотни и я долженъ ей третій годъ. Такъ мы сына-то отдадимъ, а ее Шельменко принимаетъ вмѣсто матери родной съ избой, съ землей и всею движимостью. Куды старухѣ съ ними хлспотать-та? Мой долгъ прощаетъ, да когда случитца взысканія изъ насъ по должности, такъ мы изъ сего же благопріобрѣтеннаго и пополнимъ, да и передъ судомъ отвѣты дадимъ; такъ и намъ останетца, и добрымъ людямъ за труды удѣлить можно.

Чарк. (*въ продолженіе разказа головы*). Хорошо! обдуманно! (*Потомъ*). Но, вселюбивѣйшій! времена и люди небла-

гопрятны! Охъ! Первокласные въ губерніи особы въ такіа мелочи входятъ, что я, повытчикъ, въ прежнее время гнушался, а предоставлялъ сіе писцу. Повѣришь ли, что предъ его превосходительствомъ господиномъ гражданскимъ губернаторомъ и кавалеромъ лежать очередныя и метрическія книги, и онъ самъ изволить производить справки, не вѣря даже и мнѣ! И теперь нашъ братъ ходитъ только по канцеляріи, да съ сокрушеннымъ сердцемъ понюхиваетъ табачокъ, вспоминая прежнее золотое время! Ох-ох-охъ! По симъ-то обстоятельствамъ, ежели паче чаянія его превосходительство усмотрѣтъ изволить, что у оной вдовы состоить вышеупомянутый единственный рожденный сынъ, тогда что? А? Гмъ! вотъ закуска!

Троф. Все придумано. Его зовутъ Никита Михайловъ, а есть по ревизіи Матвѣй Мѣняловъ съ четырьмя сынами, да показанъ въ бѣгахъ. Вотъ тутъ-та Шельменко какую-та рихтму хочетъ приставить. Говорить, што онъ и губернатора улестить и наговорить труса на колесахъ. Вѣстимо, онъ на то хахоль.

Чарк. Да, человекъкъ этотъ съ дарованьемъ! Вотъ же и легокъ на поминъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и ШЕЛЬМЕНКО.

Шельм. Осъ и я тутечка-здесечка! А! здоровъ, здоровъ, благопрятелю любезнишій! *(Обнимается съ Чаркoduевымъ три раза).* Севастьянъ Охримовычъ! Чы ще жывеньки, здоровеньки хоть трохи? жиночка, диточкы?

Чарк. Вашими молитвами всѣмъ благоденствуемъ. Ты, вселюбезнѣйшій, нѣчто запалъ. Ни слуху, ни послушанія о тебѣ не имѣется чрезъ продолжительное время. Да и теперь, сколько времени въ городѣ, а старыхъ благопрятелей и не вспомнишь. Гдѣ теперь былъ?

Шельм. Де бувъ? За походенькою ходывъ. Пысаные бо глаголетъ: захотилося гыри протывъ noci киснычка. Такъ и я хотивъ, будучы сказать, де-що, гуляючи, скомпонувать зъ земськымы, тее-то, благопрятелямы по прыдмету, сыричь, взысканія. Бигавъ-бигавъ, шукавъ-шукавъ, бодай вони выздыхалы! хочъ бы тоби, тее-то, дурного кого знайшовъ! Уси вид-

командыровались, будучы, на ввездъ въ иминіе якогось-то, тее-то, багатого пана: такъ тутъ звистно, не тилько що уси пысьци, та й сторожа, та й ихъ цуцкы бижать зъ поиздомъ. Ато було, будучы сказать, пыльно треба ихъ нада.

Чарк. Ага! видно, новой начальникъ васъ прижалъ, подобно какъ и у насъ послѣловала реформа?

Шельм. Знаешъ, голубчыку? пысаные глаголетъ: що було, то бачылы, а що буде, то побачымо. Выдалы мы, будучы сказать, выдальцивъ. Прыжучывъ бувъ винъ мене добре, та й я ему, тее-то, задавъ пыхвы: нехай чха!

Чарк. А какъ это, вселюбезнѣйшій?

Шельм. Та, бачте, винъ на мене злыи вже, будучы, давно, ще якъ ихавъ на справныкы; а я ему—кто его пакъ знавъ, що винъ буде—та де чого, стало быть, богацько розказувавъ; а винъ, будучы, на мене описля й напавъ мокрымъ рядомъ. Зминиты не зминывъ, а, будучы, прочувшы, що я такы соби заможненькый—гмъ! та й ставъ, тее-то, требувать отчотивъ. А ему ихъ и представывъ. Та вжежъ и накрутивъ! такы що лыстокъ, то, будучы, и хвалшъ; та такъ, тее-то, наплутавъ, що якъ кажу: и самъ, будучы, чортъ шыломъ не пидточе. Нехай, яко-то, будучы сказать, сыричь тее-то, розжуе.

Чарк. А вселюбезнѣйшій развѣ не знаетъ существующей формы? Отчоты официально въ переднія двери, а дополненія и—гмъ! поясненія секретно, чрезъ корридоръ.

Троф. Не таковской. Ужъ была проба.

Шельм. *(смѣется).* Ге, ге, ге! Завыдуе дядюшкы Трохымовыча, будучы, борода та спына, якъ до его съ подарункамы ходыть.

Чарк. Эхъ, вселюбезнѣйшіе мои! развѣ же онъ не женатъ? А всѣ жены, и напы, и выспихъ классовъ, суть дщери нашей праматери, первой въ мірѣ взявшей приносъ отъ лукаваго искуителя.

Шельм. Врагова ихъ маты зна, що за народъ такый! Уси, будучы, вовкомъ дывлятца. Теша бъ то его и, тее-то, и добра жинка и, будучы сказать, вчена по сіей часты, такъ нема ий голубоцци, тее-то, воли. Та цуръ имъ! Прыньмай-мося лышень за дило. А що, дядюшка Трохымовычъ, чы вы, будучы, благопрятелю Охримовычу усе розказалы?

Чаркод. Все знаю, вселюбезнѣйшій! Основаніе вашего дѣльца превосходно и замысловато; но что по справкѣ окажется, думалъ ли ты? удастся ли тебѣ?

Шельм. Та вжежь побачымо. Пысаные глаголетъ: и дурень кашу зварыть, абыбъ пшоно та сало; а тутъ, будучы, усего довольно е. Будучы сказать, и не такыи дила робылы. Чы въ пам'ятку вамъ, якъ, тее-то, нашъ сусида панъ Гуляховскій, та посредствомъ, будучы, моимъ, та попався изъ волной губерніи зъ барыломъ у корчемствіи? Отъ же що я зробывъ: якъ набигъ засидатель, а вже, будучы, смеркало, та по моему совиту видложиылы, тее-то, свидѣтельствываные, стало быть, до завтра, та й прынялыся, тее-то, будучы, капи варыты, та тутъ такы била арештованной кухвы то въ джута, то въ дурни gratы, то про видемъ розказуваты; а тамъ, будучы, по моему наученію хлопци ззаду, тее-то, и выпидылы кризъ обручи усю кухню, видерокъ у двадцать. Ну, тее-то будучы сказать, прочнувысь и. стало быть, гарненько поспидавшы, аумо, хлопци, свидѣтельствываты. Тутъ же бувъ и, будучы, повиреный и самъ панъ Гуляховскій. Видпечаталы—гулькы! ажъ гуде, мовъ у голови нашого повитчыка! смиху, смиху! панъ Гуляховскій по моему, будучы, совиту подавъ прошеные на повиреного; а я такы зъ повиреного, будучы, злупывъ що треба, та й помырывъ ихъ; а сывуха звистно, zostалась, тее-то, въ мене. Та ще де чого, будучы, вамъ и бильшь бы розказавъ, та никоы.

Чарк. Такъ, вселюбезнѣйшій! Многое челоуѣку удается, но на бездѣлицѣ споткнется. Начальникъ нашъ челоуѣкъ проворливый и на бѣду нашу охотникъ рыться въ документахъ, чтобы вездѣ открывать разтреклятую нами истину.

Шельм. Эге! объ тимъ-то я й сумую. Пысаные глаголетъ: шертъ-вертъ, въ черепочку смерть: и пакы другое пысаные: шыты, билыты,—завтра велыкденъ. Треба, будучы, дипломъ поспидпаты, а дило треба зробыты, тее-то, будучы, скуспененько. Будучы, у ревизіи Матвій Миняйловъ показанъ бижавшымъ зъ сынами, у числи коихъ иміетця, будучы сказать, и Мыкихворъ, коему ныни восполняется, тее-то, двадцать четвертый годъ. Та... трывайте лыпшень, цуръ ни чычыркъ! пысаные бо глаголетъ: хата—покрышка; то тее-то, того рады будте ласкави, Охримовычъ, тамъ що видмичено; бижалъ у такимъ-то годи, то, будучы, выскромадьте скус-

ненько, та, тее-то, и ладанцемъ натрите. То вышепом'янутый Мыкита Михайловъ прийметця, будучы, яко бы суть Мыкихворъ Миняйловъ.

Чарк. (смотря на него съ удивленіемъ). Панъ Шельменко! Да эта штука, вселюбезнѣйшій, не похоже, чтобы изъ головы волостного писаря вышла, отъ нее не отказался бы кто и повыше, гмъ! классомъ и мѣстомъ. Но, вселюбезнѣйшій! ежели Никита скажетъ, что онъ Никита?

Шельм. Та тамъ таке хлопья плохе, що будучы, и пары зъ устъ не пустыть. Мы вже на него давно, тее-то, нацилылы, та усе не зналы, якъ збутъ; та отъ теперь, стало быть, насылу (оглядываясь). А де винъ?

Троф. Я приказалъ вести въ пріемъ.

Шельм. Оце гараздъ зробылы. Нехай сердка не сумуе, а тамъ такы оглядытця, будучы, съ товариствомъ.

Чарк. Охти мнѣ, вселюбезнѣйшій! Съ горя не розказалъ бы онъ кому?

Шельм. Та ни! Хлопья зовсимъ дурне! Та винъ такы, будучы, й не зна, якымъ се побытомъ, стало быть, робытця. (Смѣется). Ге, ге, ге, ге! Та я ему, будучы, и бумагу чытавъ, ось у чому була, тее-то, кабака, та й кажу, що се предпысаные; а винъ, будучы, вытрищывъ на мене банькы та й вирыть и усе, тее-то, плаче; а я такъ кышки порвавъ зо смиху. Отъ якбы его, будучы, панъ-матка, такъ та вже добра пащыкуваты. О! якъ сорока та-та-та-та. Та, лыха матери, зна, куды хлопья, будучы, запроторылы. Схаменетця, голубочка, та ба!

Чарк. (все думавшій). А ежели его превосходительство соизволить обратитъ вниманіе на подчистку?

Шельм. (оторопльвъ, смотря на него). Не соизволить! нехай бо не соизволить! Не лякайте мене, будте ласкави. Мене видъ вашыхъ ричей, будучы, цыганскій пить пронявъ. Та вже жъ! колы й соизволить, то я тутъ ему, будучы, стану базикаты то такъ, то сякъ, то стало быть и видбрешуся. Лыха матери до правды доберетця!

Чарк. Основательно. И такъ, во исполненіе желанія вашего, гдѣ слѣдуетъ я подчищу, чему мнѣ не учиться. Служа въ Магистратѣ, подчищаль такъ искусно на векселькахъ, что не одно дѣло отправлено въ архивъ; я въ ревизіи такъ мастерю, что и стоглазый аргусъ не увидитъ; только что...

Троф. Што положите? Панъ Шельменко отвѣчаетъ.

Шельм. Та тутъ уже торговатьца, тее-то, ничего. Сказано, зробить; вы насъ знаете; сегодня й расплатка.

Чарк. Да оно такъ! гмъ! надобно, вселюбезнѣйшій, хорошинькаго ножичка....

Шельм. (даетъ ему денегъ). Нате жъ, будучы, и на ножичокъ.

Чарк. (посмотрѣвъ, что онъ далъ, прячетъ). Аглицаго.

Шельм. (еще даетъ). Та нате жъ и на аглышкый.

Чарк. (посмотрѣвъ также). Необходимо двойной; паче чаянія одинъ притупится.

Шельм. (даетъ еще). Та нате жъ, нате жъ, будучы, и на двойной, та будте ласкави, принимайтесь, тее-то, швидче.

Чарк. (кашляетъ). Гмъ, гмъ, гмъ! Нѣчто погода сыровата; а рано вышелъ.

Шельм. Та якого чорта тутъ узаты? ходимо лышень, та, будучы, по дорози зайдемо у трахтырь, що въ рыбнимъ ряду, будучы, до Бутылочкына. Що за добрыи тамъ, сырчъ, напытки!

Чарк. Нѣтъ, вселюбезнѣйшій, это не мой обычай. Я не люблю дѣлать скорохватомъ. Время итти въ канцелярію, а въ подобныхъ назначенному совѣщаніяхъ я люблю, присѣвши, не вставать. Такъ вотъ что сотворимъ: я пойду и учиню все по желанію вашему, да и прибѣгу къ Бутылочкину и отрепортую о успѣхъ. Тогда что и сколько угодно по усердію вашему поднести, я на все буду готовъ. Понеже секретарь будетъ видѣть меня утромъ въ трезвенномъ состояніи и будетъ доволенъ, а возвратясь съ экспедиціи, хотя и измѣнюсь, такъ онъ оставитъ безъ вниманія, ибо сіе со мною встрѣчается ежеднвно. Того для я иду.

Шельм. Ходимъ же и мы, дядушка Трохимовичъ, прямо, будучы, у трахтырь, та тамъ рады скуки чого небудь поснидаемо. А то мыни щось, тее-то, млосно.

Дѣйствіе второе

Комната въ трактирѣ

Явление первое

Дѣйствіе второе.

Комната въ трактирѣ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

БУТЫЛОЧКИНЪ и слуги.

Бутылоч. (приказывая поодиночкѣ слугамъ). Съ этимъ щотомъ сходи къ Мотыгину, да требуй настоятельно, хоть бы что-нибудь уплатилъ, скажи, товаръ пришелъ, нужно расплачиваться. Послѣ отца много денегъ осталось, неужели въ три мѣсяца все спустил? Скажи, не будетъ кредиту, пока щота не очиститъ.—А ты лучше иди къ разливкѣ шампанскаго; да заברי у меня въ конторѣ старыя пробки клико; купоръ и засмаливай аккуратнѣе, чтобы не замѣтно было.—Ты сходи въ трактирь къ Ферткину и купи портвейну бутылку; его хвалить лучше моего; я сейчасъ узнаю, чѣмъ онъ подправляетъ.—Уберите комнаты; утро; пока до выхода изъ присутствія, можетъ быть, кто-нибудь и зайдетъ. (Уходитъ. Слуги расходятся прибираться; одинъ остается).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ТРОФИМЫЧЪ и ШЕЛЬМЕНКО.

Шельм. Осъ бачыте, якъ тутъ гарно. Я вже тутъ бувавъ.

Троф. Да и я бывалъ, да только при прежнемъ хозяинѣ.

Шельм. (приказывая). Ануте, хлопци! Давайте мерщій водкы та сницаты. Подайте, будучы, оселедця, кавъяру, та

прысыпте, тее-то, крышеною цыбулею. А зъ напыткивъ, будучы сказать, чогобъ-то? Кете-лышень сперву пыва та меду, а якъ прыйде Охримовичъ, такъ, будучы, описля скажемо, чого на потиху. (Приносятъ водку и закуску. Шельменко садится съ Трофимычемъ и подбиваетъ его). Се солодка; цуръй! нехай и паны пьютъ; оце наша ганыськова, ликарственна (пьютъ водку). Ануте, дядюшко; та тямлить, шо по першй, будучы, не закушуютъ. Ось такъ; теперъ кете-лышень ручковой. (Пьютъ еще водку и завтракаютъ). Кушайте жъ теперъ, дядюшка Трохымовичъ; ось оселедецъ. Гай, гай! Не теперъ спомынкы: якбы, будучы, ковбаса зъ часныкомъ! Хто-то ии живый диде! шо то вже я ии люблю! А шо, дядюшка, якбы, будучы, ковбасы да крыла, то вжебъ луччои птыци и на свити бъ не було.

Троф. Самъ ты умной человекъ, знашь-та; ты и писанія читалъ по большъ маво Слова твои умныя! (Продолжаютъ завтракать). Ну, панъ Шельменко! теперъ у тебя расходъ. Кромѣ всего прочаго, што Ахрѣмичъ будетъ стоить.

Шельм. Та й не журюсь. Чы вы знаете, шо писаные глаголетъ: не посіявши, не пожнешъ? Та ще за усю, будучы, працю видвичатыме Мыкытова худоба; та хочъ бы й не тее, то ще Киндрага, будучы, Шельменка стане стилко (пьютъ).

Троф. (продолжая завтракать). Да скажи ты мнѣ, панъ Шельменко: отчего ты богатѣй меня-та? Вотъ я и четыре срока головой, и свое дѣло знаю порядкомъ, а все што-то не тае. Ты же третій годъ што пришолъ къ намъ изъ Ппрятина, а ужъ такъ нажился, что и мѣры нѣту-тѣ.

Шельм. Воно, бачыте, дядюшка Трохымовичъ, будучы сказать, усюды такъ водытця, видъ губерьского та й до волосного правленія, шо, стало быть, у секретаря, або у писаря въ ранзи секретаря, уся сила. Поки судяци соби радютця, зъ якого кинца будучы, узятця а нашъ братчыкъ, не разбираючи, тее-то, та все до себе и загарба, а имъ, будучы, зостаютця сами вышваркы. Я жъ ище, будучы сказать, и такъ роблю, шо колы мало трахляетця поживкы, то такъ сконпону, щобъ або, будучы, полаялысь, абы йшлы до насъ позыватця. То поки вы соби, будучы, тамъ распытуете, а я соби, тее-то обаче, и втявъ та й мовчу (пьетъ).

Троф. А што, панъ Шельменко, кабы тебя да въ судъ-та посадить? ты бы и тамъ не испортилъ бы.

Шельм. Эге, будучы, усихъ бы засидателивъ превзойшовъ бы! Эхъ! любезный друже! будучы тее-то сказать, планета мене пидцюкала! якбы мыни на тее-то, я бъ давно вже стилко нагарбавъ бы, шо, будучы, и въ дворяны шморгнувъ бы, якъ такы й богацько де хто, сыречь, зъ нашихъ братчыкивъ позапысувалысь. Потому что (съ чванствомъ и на распывъ), тее-то, государю, мій любезный, треба вамъ знать, я такы, будучы, на дворянство трошки закандзюбывся: але моеи ридной бабуси сестра у третихъ та, будучы, була за швагеромъ пана сотныка Лубенського; отъ-шо! Такъ бачыте, будучы сказать, я трохи не дворянынъ. Отъ тоди бъ то мини свить, тее-то, видкрывся! писаные бо гласыт: трудно стати паномъ, — усе пиде даромъ. (Пьетъ). О горе мыни! кушайте, Трохымовичу! (наливаетъ ему и себѣ стаканы).

Троф. Эхъ! да што ты сдѣлалъ-та? — Въ мѣдъ да пива налилъ. Эха ты какой.

Шельм. Ничого, Трохымовичъ, ничего. Се буде пывомеде, преодминное пытѣ и для гортани дуже мудрое; цмакуючы выпьете. Шо жъ? писаные глаголетъ: щобъ не сыдячого татары вхопылы; чого мы будемо такъ сыдиты; базюкать ничего. Поки Охримовичъ прибыжыть, заграймо, дядюшка, у дамки.

Троф. Да я много тебѣ опять проиграю, какъ и давича.

Шельм. Та мы не на гроши, а будучы, такъ. А щобъ не задриматы, то будемо, тее-то, навскубкы. А говъ хлопци! а подайте кете-лышень суды дамкы? Говъ! Чы вамъ тамъ позаклададо, чы шо? Дамкы! (Приносятъ доску съ шашками). А въ яку будемо? чы въ просту, чы, будучы, въ аглыцьку?

Троф. Въ простую, въ простую; въ силу у тебя же выучился и въ ету. Ну, ходи! (Играютъ). Скажи мнѣ на милость: ты, чай, не только при волости служилъ, а можетъ ещо гдѣ и повыше-та?

Шельм. Бувалы мы, государь мой любезной, у бувальцяхъ. Будучы сказать, бувъ я и въ земському и трохи-трохи, у казначейство не вскочывъ. Во время оное бувъ у суди секретаремъ Прокыпъ Мыкытовичъ Грошолупъ. Отъ голова будла! нехай ему легенько гыкнетця! Якъ вивчывся я у нашого дяка и чытаты й писаты, то покойный отецъ, узавшы мене изъ школы, виддавъ ему у науку. Будучы, я бувъ у его пъять годъ за хлопця, и тамъ то и свить побачывъ, а дали

и въ судъ попавъ. Чого-то мы не робылы! Гай, гай! Якъ, будучы сказать, видкомандыруемо себе на следствыя объ пожежи, або, тее-то, о постыжно вмершему, то, будучы, навеземо усякого продукту! ей! велике слово, возамы; будучы: курей, що усякою птыци, борошна, паляныщ; а сыричь, грошей, тїи дурныци! нагарбаемо елыко можаху! Винъ-то сердека, будучы, выдя мои дарованья, здилавъ докладчыкомъ, за тымъ що я вже знаю, якъ, будучы, дило доложыты: чы догоры пиднявши, чы унызь спустыть.

Троф. А што же это означаетъ догоры, али внизъ?

Шельм. Отъ бачыте, пане Трохимовычь: будучы, колы несешъ дило у присутствїе, пиднявши догоры, то тее-то означа, що е тутъ, будучы, коло чого руки погрты; то все судяци й облызуюця, мовъ коты на сметану, и вже, будучы сказать, особое попеченые о подсудимыхъ, сыричь, гмъ! возпрїймутъ. Колы жъ несешъ, держачы, будучы, унызь, ось такъ, то ще дила не чытають, а заразъ и затюкають: въ острогъ пидсудимыхъ, въ острогъ! Се вже така, будучы, усюды заведенця. А сю знаете, що якъ, будучы, посылаецця дило на ревызю и, тее-то, секретаръ скрыпляючы пидпыше, та й загне карлючку, то и у повитовимъ и, будучы, въ генералному, та воно й у васъ такъ въ уизному и у палати,— секретаръ, стало быть, дывытця на тую карлючку, якъ, будучы, на маякъ; колы, тее-то, карлючка заведена унызь, стало быть сыричь, усе що можна узято, билшъ ничого зидратъ; то такее дило и швырнуть ажъ геть далеко на рассмотрїе, будучы, мышамъ, а дали и въ архыву запакують. Колы жъ карлючка догоры, то се, будучы сказать, означа сыричь: узято, та й вамъ зосталось. По такому дилу, будучы, заразъ, шлють за прыкосновенными и свидителямы. Такее дило и самъ секретаръ довгонько, будучы, чытае и судяци частенько, стало быть, прыкосновенныхъ къ соби, сыричь, прызываютъ, и прочее, и прочее, якъ водытця... Эге! цуръ паличчя! оце я й програвъ?

Троф. Вѣстимо, проигралъ. Давай-тка чуль, давай.

Шельм. Дерить, Трохимовычь, що робыты! Пысаные глаголетъ: зъ писни словъ не выкыдаецця; и пакы другое пысаные: нанявсь—продавсь; нате, скубить. (Протягиваетъ ему голову, Трофимычи черезъ столъ деретъ его за волосы во всю руку, а Шельменко считаетъ). Разъ, два, ой-ой-ой! тры.

Буде жъ, буде, пожалуста годи! А, та здорово чубъ намнялы, ажъ слѣзы течуть. Запыймо, абоцо (пыють). Нуте, заграймо ще. Шо за врагова маты! хйба жъ я не выиграю? (Играютъ).

Троф. Ужъ не сердись же, панъ Шельменко; па то игра; проиграю, дери меня. Разскажи-тка ты мнѣ, какъ ты съ такой головой, да не остался при судѣ-та?

Шельм. Э-эхъ, государь мой любезной! Будучы сказать, окаянный супостатъ мене пидюкнувъ, тее-то, пидпысуватця пидъ усякны рувы, а черезъ тее, стало быть, выдывать рознымъ людемъ пачепортыкы. И якъ бачыте, пысаные глаголетъ: не втаитця шыло у мишку, то якъ почалы злапувать то воряжокъ, то бродяжокъ, то, будучы, и знайшлы, що се мое, сыричь, рукодилїе. Отто я, злякавшысь, щобъ мои окаянной главы, будучы, не забрылы, сыричь пидъ хрыстолобывое войство, взявъ та й помандрувавъ съ пачепортыкомъ, стало быть своей роботы, та й зайшовъ ажъ, будучы, сюды. Спасыби, у васъ знайшовъ соби мылостывого и отпя и, будучы, родытеля. Не погубить мене и не занапастить у прежнее времяя. Та держитесь та слухайтесь, будучы, мене, то я жъ кажу: выкрутымось видъ биды, що справныкъ нападаетця, та ще, тее-то, будемо й сами зъ хлибцемъ, та й мыни де шо, сыричь, на онучи перепаде.

Троф. По мнѣ! Я ни гугу, ты самъ знапѣ. Вотъ только и страшно капитанъ-исправника, што онъ, лукавой, ко всему прикапываетця.

Шельм. Сказано, що видбрешемось. Надюсь на себе, що... Та шо бо вы дамкою шыгаете? (Схвативъ его руку съ шашкою). Трывай-лышень; се не аглыщка.

Троф. Ой виновать, виновать! заслушался тебя, да и ошибся-та; не буду. Такъ што хотѣль говорить?

Шельм. Отте, бачыте, што надюсь на себе: то скокомъ, то бокомъ, а такы выскочу. Дарованїе у мене, будучы, имїетця. Якъ прїймусь, то не виддыхаючы, такъ и вчыщу: спробувать перо и чорныла, чы добре буде пысаты. А лепорты, то такъ не линиячы видъ руки такъ и черкаю. Чытаты? гражданське, колы не дрибне, то по верхыхъ не спишачы можемо. Тилко шо скоропыси не втну; хйба те, шо, будучы, самъ напышу. На речахъ я, будучы, бойкый; зъ простымъ мужыкомъ, зъ дурнемъ я, тее-то, и говорить не вмю; ише такы зъ твоимъ, Трохимовычь, здоровьямъ и сюды й

туды; а якъ, будучы, допадусь зъ начальныкамы, та, сыричъ, зъ вышшымы господамы якъ уступлю у речъ, такъ, будучы сказать, самъ соби не надывуюся, видкиля у мене такыи премудрыи словеса берутця? А вже якъ попаду москаля, та, будучы, почну надъ нымъ глузуваты? Стоить сердека, ни пары зъ усть, тилкы банькы повытрища, та й дывытця мовъ барапъ, и не тямить ничего, що ёму докладаю. Вже на докладкы я лыхый! А колы де треба, то, будучы, и по руському говоряемо: «ню, штё разляпушка! штё табъ нада-треба? Да ня, пайди; цюръ таво табя.» Эге, а що? Писень московськыхъ де-що тямемо; отъ якбы й сю: *(запъваетъ)* Чимъ я тебе огурчила, ти скажи, моя эхъ дарагая? або хочъ и сю: *Гивушка, гивушка зеленая моя, а що же ти гивушка?... (закашлялся).* Эхъ лыхо ёго матери! щось гласу нема.

Троф. Да ты никакъ въ большихъ школахъ учился, што часто изъ писанія говоришь?

Шельм. Та се... *(смъется)* ге, ге, ге, ге! се я ману пускаю *(вздыхаетъ)*. Бувъ у мене, будучы, прыятель; де-то, тее-то будучы сказать, обритаеця? Дуже зъ великымъ розумомъ! Що воно таке и видкиля, я такы, тее-то й не знаю. Чого-то воно не знало! Будучы, було якъ заговорить, а дали якъ забелькоче, що й врагова ёго маты зна, що винъ каэ-говорить, ничего й не второпаешъ, ныначе, сыричъ, по-Малдаванському. А чытать? такъ тамъ его нечыстый умудривъ! Будучы, якъ визьме гражданське, такъ такъ и глыта, такъ и глыта, мовъ вашъ, нехай здоровъ буде, мурло галушкы. Такъ винъ-то, будучы сказать, узаявши, учывъ мене на щетахъ та й каэ-говорить: ты, Киндрате, ось такъ робы, якъ и мы вчени робымо: що знаешъ, чога не знаешъ—про все брешы, буцимъ знаешъ, та й здайся на пысаные, та й прыбрешы яку хочъ нисенитныцю, буцимъ то пысаніе глаголетъ: то, каэ-говорить, тыи дурни, що будутъ тебе, будучы, слухаты (не до васъ, Трохымовычъ, мова), та й будутъ думаты, що ты, каэ-говорить, зъ великымъ умомъ и буцимъ-то справди зъ пысаныя глаголешъ. Ось якъ воно е! Ну, тее-то обаче, та що се таке?

Троф. *(смъется)*. А ну-тка, ходи, ходи!

Шельм. Ио! та що се за недобра маты? Се вы мене, будучы, прышерлы! Отгака ловысь! Опъять програвъ! що жъ: скубить, Трохымовычъ; та не дуже, будте ласкави, не дуже.

Троф. Ну, панъ Шельменко, держи чубъ-та! *(деретъ его за волосы)*.

Шельм. Ануте: разъ, ой! два—ой—ой! тры! *(вырывается)*, ой, ой, ой! и въ школи такъ не мъялы чуба. Цуръ ёму! *(швыряетъ отъ себя шашечницу)*. Не хочу вже гратъ. Нуте, абожъ выпыймо чога, або-що для рады скукы.

Троф. Будеть, панъ Шельменко. Одно то, што некогда, да и сумы твоей жалъ.

Шельм. Поздоровъ Боже, будучы, покойныка Мыкытого батька! назбиравъ не трохы; буде, тее-то, чимъ помъянуть и ёго, и неню, и Мыкыту, якъ убьють на вйни. А тутъ ще не богацько пропылы *(считаетъ бутылки)*. Два золотыхъ, оце двадцять девъять, двадцять десять—трыдцять ихъ; оце тры копы, та оце сорокъ алтынъ, отъ и симъ кипъ. Та ще й пары карбованцивъ не продулы. Тее-то будучы сказать, а выпъемо, обаче, лыпень ренського, сыричъ, на потуху, покы Охримовычъ прыйде. Воно дуже гараздъ буде.

Троф. Какъ хотишь; развѣ ужъ что по послѣдней.

Шельм. *(кричитъ)*. А гѣвъ, хлопци! А подайте кете ренського!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тъ же и БУТЫЛОЧКИНЪ приноситъ бутылку вина.

Шельм. А що то? Ренське? а кете лыпень сюды.

Бутыл. *(отдаетъ)*. Преотмѣнное; только смотрите, не дорого ли покажется? два рубля бутылка.

Шельм. *(чванаясь и стараясь говорить по-русски)*. Та штё ти насъ лякаты ставъ, чи штё? подавай, братъ, яё сюди; атвичаю грашамы. Та штё ты пра насъ думаешъ-тя? мы и донськее тягнули-стя. Забувъ есы, якъ, будучы, у прошедшимъ набори зъ паномъ совитныкомъ очередныи шыскы, тее-то стало быть, повирялы, такъ тоди я тоби не одынъ десятокъ рубливъ заплачивъ?

Бутыл. Э! помню, помню. Кажись ты... Кавальинъ, что ли?

Шельм. Може, панъ Шельменко. Забувъ есы, мось-пане

Бутыл. Такъ, такъ, Шельменко. Черезъ столько времени какъ и не забытъ! А помню только, что твоя фамилія ругательная.

Шельм. *(все сердится)*. Вона, будучы сказать, не ругательна ни трохи; а такъ иде видъ оця. *(Чтобъ не слушать Бутылочкина, подбиваетъ виномъ Трофимыча)*. Пожалуйте, Трохимовичъ, се не вода *(пьетъ и самъ. Бутылочкину)* Идите жъ теперь до своего дила, а намъ не мешайте, ато щобъ, будучы, я вамъ не прѣшожывъ прыкладжы гирше вашой *(Трофимычу тихо)*. По писанью: видъ москаля полы врижъ, та втикай.

Бутыл. Ну полно же, панъ Шельменко, не сердись. Я съ тобою пошутить. Хочешъ ли, выпьемъ по стаканчику пуншику. Я ужъ васъ поподчую, только не сердись.

Шельм. Ну, колы такъ, то я вже, будучы, и не сержусь. Та мѣни, братику, колы ласка, то нехай подадутъ, тее-то, съ кызляркою, я хрянцозькою не пью.

Бутыл. Вотъ еще съ какими причудами. *(Уходитъ)*.

Троф. Не много ли будетъ-та? Какъ явимся въ пріемъ?

Шельм. Таки ничогисинько: явимось та й явимось. А для куражу треба, щобъ не орябить.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и ЧАРКОДУЕВЪ.

Чарк. *(выглядывая въ дверь)*. Вы здѣсь, вселюбезнѣйшіе?

Троф. Здѣсь, здѣсь, Ахрѣмичъ. Просимъ милости.

Шельм. Просымо до беседы. А що? якъ?

Чарк. *(посматривая на завтракъ, вздрагиваетъ)*. О! да и холодно же!

Шельм. *(потчиваетъ его)*. Натѣ жъ пьйте *(подвигаетъ ему стулъ)*. Отъ вамъ дзыглыкъ, сидайте, щобъ никто вамъ не мешавъ кушаты.

Чарк. *(съ жадностію пьетъ, запивая часто водкою)*. Вотъ это хорошо, кто до сего времени постилъ. Десятой часъ...

Троф. Такъ вотъ ушь намъ пора и въ пріемъ.

Чарк. *(продолжая)*. Нѣтъ, еще можно *(пьетъ)*, можно провести время, мало приве...дено рекрутъ, и губернаторъ

прислалъ, что когда въ одиннадцать часовъ не будетъ, то и безъ него принимать. Вотъ это для васъ и очень хорошо.

Троф. А што же тогда хорошаго?

Чарк. Тогда совѣтнякъ будетъ принимать. Что ни подай, подпашеть; кого ни представъ, не разбирая кричить: лобъ!

Шельм. Опе бъ то намъ, будучы, на руку ковинька. Чы все жъ зробылы?

Чарк. *(отодвигая тарелки)*. Всѣ, всѣ отдѣлано.

Шельм. А почыстка, будучы?

Чарк. Всѣ чисто. Теперь только остается...

Шельм. А нуте, нуте, що тамъ zostается?

Чарк. Выпить.

Шельм. *(поднося вино)*. Та одже, будучы, й выпыть. А дило?

Чарк. *(показавъ пустой стаканъ)*. Видишь, какъ не бывало.

Шельм. А дило?

Чарк. За тѣмъ дѣло, что надо выпить.

Шельм. *(еще налиываетъ)*. Та натѣжъ, ще пьйте. Та кажите, будучы, про дило; що вы тамъ, чы все, тее-то, до сенцю зробылы?

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и БУТЫЛОЧКИНЪ приноситъ два стакана.

Чарк. *(выпивъ стаканъ съ виномъ, беретъ у Бутылочкина пуншу)*. А что это? *(отвѣдавъ)*. Вотъ вещь! Это честно и обдуманно.

Бутыл. Чтожъ? подать, видно, третій? А?

Шельм. Подайте. Бачыте, треба-нада, будучы, госця поштовать. Се вже, тее-то, на мой щотъ.

Чарк. Да я и еще попрошу. Вашъ домъ, вселюбезнѣйшій, вѣдь о чегырехъ углахъ.

Бутил. Вотъ люблю пріятеля! Придерживается старины; всё съ поговорками.

Чарк. Куда старина годится! Нынѣшній нашъ просвѣщенный вѣкъ все усовершенствовалъ. Въ старину и сочинители писали: братья! рюмки наливайте. А нынѣшніе образованные все уже твердятъ и пишутъ о чашѣ, а о скучной рюмкѣ и помину нѣтъ. Теперь мы и пьемъ аккуратнѣе и смѣемся надъ стариною.

Шельм. Хиба жъ у васъ, у москаливъ? а у насъ, будучы, добре було въ старовину; чого мы не зятялємо, а батькы, тее-то, розказують. Кажуть, що якъ було, будучы, зйдутця, то заразъ и стануть пыты: напередъ по чарци, та заразъ и по парци; а дали опъять, та не виддыхалючы усимъ по симъ, та тутъ же и на закуску по одной. Охъ! Було таке добро, та давно.

Чарк. (вздохнувъ). Блаженное было время! Охъ! горе мнѣ грѣшному!

Троф. А што я вамъ ся у. Когда пить, такъ пейте, а когда дѣла дѣлать, такъ пойдѣте. Ушъ время. Можемъ и послѣ притти.

Шельм. Оця ричъ до дила. Ходимъ мершій. Натержъ вамъ, Омеляновичъ. А сколько, будучы, вамъ?

Бутил. Для пріятеля щотъ не великъ—шесть рублей.

Шельм. Оце видралы! Ныначе зъ панивъ. Натержъ вамъ. Та кажите бо, будучы, Охримовичъ, що наше дило? щобъ намъ не соромъ було.

Чарк. Охъ, вселюбезнѣйшій! все кончилъ. Да такъ умудрился, что еще ни одна почистка такъ гладко не была сдѣлана. Примѣта добрая!

Шельм. Такъ покорно жъ вамъ благодарствуемъ, спасибо, дякуемъ.

Чарк. Неужели только?

Шельм. Та якъ се можна? Прыходьте, будучы, до насъ обидаты, да тутъ и росилатка.

Троф. А обѣдать будемъ въ харчевнѣ.

Шельм. Якъ се вамъ, дяюшка, будучы, не стыдно, сырничъ, у харчевни обидаты зъ мужыками? Чого тутъ бази-

каты! Будучы, сюды жъ и прыйдемо; тутъ обидъ добрый и, будучы, напыточкы мудри. Ходимъ.

Троф. Пойдѣмъ, пойдѣмъ; пора! (Уходятъ все).

Бутил. (одинъ). Вотъ нынче каковы времена! Волостной писарь, мужикъ, имѣя деньги, стыдится быть вмѣстѣ съ своими братьями и тратитъ деньги на вкусный столъ и дорогія вина. Правда! возьмемъ и выше его: некто не придерживается своего круга; бѣдный старается поровнятися съ посредственнымъ, посредственный съ богатымъ, богатый съ богатѣйшимъ, всё желаютъ быть выше и болѣе, нежели они есть. И говорятъ, что «мы де стремимся къ просвѣщенію.» Часъ вамъ добрый!

Дѣйствіе третье.

Секретарская рекрутскаго присутствія. По сторонамъ письменные столы; въ углу рекрутская мѣра.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

СЕКРЕТАРЬ и писцы у столовъ пишутъ; въ углу отдатчики и изъ просителей крестьяне и крестьянки. У боковыхъ дверей входа въ присутствіе унтеръ-офицеръ. Солдаты иногда приходятъ въ секретарскую и говорятъ съ отдатчиками.

Секрет. (пишетъ и потомъ говоритъ къ писцамъ). Какія заготовлены квиванціи вчерашняго приѣма, подайте членамъ къ подписанію (пишетъ). Отношенія къ исправникамъ о скорѣйшей высылкѣ неоставленныхъ рекрутъ гдѣ? положите ко мнѣ (пишетъ). Чаркодуевъ опять вышелъ. Займитесь вмѣсто него повѣркую лѣтъ по ревизіи, только со всею точностію (все исполняется. Пишетъ и потомъ вставъ ходитъ по комнатамъ). Этотъ Чаркодуевъ вѣчно уходитъ отъ дѣла, а все жауется, что служба тяжела и жалованья мало (смотритъ на часы). Одиннадцатый часъ; ежели будетъ губернаторъ, такъ уже скоро и придетъ. Пожалуйста, посидѣйте съ журналомъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и СТЕПАНИДА.

Степ. (входитъ скоро, осматривается и смѣло подходитъ къ секретарю). Скажи мнѣ, мой родимой, нѣшто ты, губернаторъ-та?

Секр. Нѣтъ, старушка! А на что тебѣ губернаторъ?

Степ. Да ушь я въ десяти мѣстахъ искала его. Спасибо, одинъ доброй человекъ направилъ сюды-та. Сважи, голубчикъ, по правдѣ: когда ты онъ, такъ я тебѣ въ ножки поклонюсь-та.

Секр. Не кланяйся, старушка, не кланяйся; да и самому губернатору не кланяйся, ояъ осердится. Ты вѣрно съ просьбою? Вѣрно, хочешь просить о чемъ-нибудь?

Степ. Такъ, кормилецъ, просить объ Микитушкѣ объ моёмъ.

Секр. Иди же сюда, старушка (подводитъ ее къ 1-му писцу). Расскажи свое дѣло, а тутъ напишутъ. Есть у тебя деньги на бумагу?

Степ. (достаетъ деньги). Есть, кормилецъ; вотъ пятиалтинной-та.

Секр. Нѣтъ, этого мало; ну, да ужъ послѣ.

Степ. Да коли надо-тѣ, такъ я сбѣгаю къ санямъ.

Секр. Неужно еще пока. Расскажи все дѣло и все, что знаешь. (Писцу). Пишете же, какъ приказано, точными ея словами; а послѣ, когда его превосходительство найдетъ просьбу правильною, тогда переписишется по формѣ на гербовой. Не упускайте только изъ словъ ея ничего (идетъ къ своему столу). Прекрасное средство узнать истину и избавлять бѣдныхъ отъ излишнихъ расходовъ (садится и пишетъ).

1-й писецъ (очинилъ перо и изготавясь писать). Ну, старушка, говори, что писать.

Степ. Пиши такъ (печальнымъ голосомъ и на распѣвѣ): Одинъ у меня сыночекъ! Одна у меня радость! Голубчикъ мой Микитушка!.. А ну, какъ ты написалъ?

Пис. (читаетъ скоро и своимъ голосомъ). «Одинъ у меня сыночекъ, одна у меня радость.»

Степ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Богъ съ тобой! развѣ я такъ тебѣ говорила? я говорила вотъ какъ (спясть тѣмъ же голосомъ): Одинъ у меня сыночекъ! Одна у меня радость! Голубчикъ мой Микитушка!.. А ну, какъ ты написалъ (читаетъ):

Пис. Да слушай же, я такъ и написалъ (читаетъ): «Одинъ у меня сыночекъ, одна моя радость.»

Степ. Нѣтъ, голубчикъ мой, совсѣмъ не такъ. Губернаторъ еще подумаетъ, што я на него сержусь-та; а ты вишь, я пишу съ горячими слезами, такъ ты такъ и напиши. «Одинъ у меня сыночекъ!»

Пис. Ахъ, какая ты глупая! Я такъ и писалъ. Или говори, или прочь поди; мнѣ некогда съ тобой толковаться.

Степ. Ахти моя бѣда! Онъ не умѣетъ-та. Охъ, головушка моя!

Секр. (слушавшій все, подходитъ). Не тужи, старушка; вотъ этотъ умѣетъ, ему и разскажи (подводитъ къ 2-му писцу). Принаравливайтесь къ ея печальному голосу. Надобно къ бѣднымъ просителямъ снисходить.

2-й писецъ. Ну, старушка, говори; можетъ быть, я сумѣю.

Степ. Ану-тка ну, попробуй, умѣешь ли? Пепеш-тка вотъ такъ (печально): «Одинъ у меня сыночекъ! Одна у меня радость! Голубчикъ мой Микитушка!» А ну-тка, прочитай.

Пис. (повторяетъ все, ея печальнымъ голосомъ).

Степ. Вотъ такъ точнѣхонько; встѣ таки слово въ слово (цѣлуетъ его въ голову). Ну, пиши еще. «И того хотѣть отдалъ въ некруты. За што такая бѣда? Четыредушные не всѣ поставили, а у меня одного взяли. Это все голова да писарь, хохлацкой чубъ, што насъ обдираетъ. Спрошай ихъ, спрошай; да штобы они тебѣ всю правду сказали.» А ну-тка прочитай, такъ ли ты написалъ? (Писецъ читаетъ все, что она говорила, ея печальнымъ тономъ; а она въ удовольствіи повторяетъ): Такъ, такъ, такъ-таки. Вотъ только при концѣ припиши еще по грознѣй, вотъ такъ (бьетъ кулакомъ себя по руку): «Спрошай ихъ, спрошай...» (Продолжаютъ тихо).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же и ПОРОШКОВСКІЙ.

Порошк. (подойдетъ къ секретарю). Губернатора нѣтъ еще?

Секр. Можетъ и не будетъ; въ такомъ случаѣ прикажаль безъ себя принимать.

Порошк. Такъ надобно здѣсь подождать.

Секр. Развѣ вы уже будете при приѣмѣ, а не инспекторъ?

Порошк. Мы всякой день выдаемъ жеребій, кому отряжаться для приѣма рекрутъ. Сегодня вышло мнѣ и увѣзному медику.

Секр. Такъ у васъ и въ управѣ жеребій, какъ и здѣсь при свидѣтельствваніи? Это очень хорошо. Но вамъ, ка-

жется, рѣдко выходилъ жеребій; я сегодня впервые только васъ вижу.

Порошк. Это правда: я сегодня въ первый разъ. Много ли на сей день поступило?

Секр. Только семнадцать.

Порошк. Что же такъ мало? Видно, не высылаютъ изъ увѣздовъ?

Секр. Напротивъ, высылаютъ очень исправно. Въ недоборѣ уже немного; но понужденія все-таки посылаемъ.

Порошк. Къ новому году, стало, кончите?

Секр. Нѣтъ, надѣюсь, къ празднику еще кончимъ. (Продолжаетъ писать. Порошковскій отошелъ, смотритъ на часы, разговариваетъ съ другими тихо и проч.).

Степ. (все у стола съ писцомъ). Ну вотъ, таперва такъ, ужъ куды я, голубчикъ, тебѣ благодарна, што ты вотъ слово въ слово написалъ; да такъ-та жалобно, што инда и губернаторъ заплачетъ, вотъ какъ и я. Подай же ему, кормилецъ, бумагу-та какъ прійдетъ и скажи, што отъ меня, отъ Степаниды Гавриловны; а я пойду, провѣлаю Микитушку-та.

Пис. Нѣтъ, мнѣ нельзя подавать: ты сама должна.

Степ. Охти мнѣ! Да я нѣшто боюсь: какъ онъ на меня гриметъ-та, такъ я и испугаюсь.

Пис. Не бось, старушка; онъ ни на кого не гримаетъ, а еще разспроситъ у тебя обо всемъ ласково и милостиво; и когда правду написала, такъ тотчасъ сына твоего отпустить. Онъ на то губернаторъ, чтобъ не давать никого въ обиду.

Степ. Поддержи его Господь на свѣтѣ для насъ беззащитныхъ! Скажи же мнѣ, мой кормилецъ, вотъ я тебя спрошаю: што онъ, въ золотѣ ходитъ, али въ серебрѣ?

Пис. Нѣтъ, старушка; онъ одѣтъ просто, вотъ какъ и всѣ господа.

Степ. Ой, ой, ой! Да онъ же старшій надъ всѣми, такъ какъ же онъ наравнѣ съ другими ходитъ? боюсь же, што я его не распознавши, да и пропущу.

Пис. Небось, не пропустишь. У него звѣзда вотъ тутъ на груди.

Степ. Ну, такъ вотъ вишь же, есть замѣтка; а безъ неѣ гдѣ бы мнѣ узнать ево?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же, ТРОФИМЫЧЪ, ШЕЛЬМЕНКО съ бумагою, а за ними прокрадывается къ столу ЧАРКОДУЕВЪ.

Шельм. (Трофимычу тихо). Щось у мене, дядюшка, будучы, жыжки трусятца.

Троф. (также). Небось; али тебѣ въ первое-та?

Шельм. Та воно-то, будучы, и не первына, та такъ щось (подходитъ съ робостью къ секретарю и подаетъ бумагу). Осмыливаемся вашему благородью ныжайше...

Секр. (не беретъ). Что это такое?

Шельм. Прошеные совокупно, будучы, съ представляемъ рекрута видь нашой волосты...

Секр. Что жѣ такъ поздно? Въ сегодняшній приѣмъ не успѣють: надобно сдѣлать справку съ ревизскими и очередными.

Шельм. Та вже, тее-то, усе е тутечка; тилко, будучы, прыкажите освидительствовать та забрыть, по предмету, сыречь, щобъ не прожыватысь.

Секр. Неужели не знаешь порядка? подай въ присутствіе совѣтнику.

Шельм. (покашливая, приохорашивается и идетъ въ присутствіе; унтеръ-офицеръ отворяетъ ему двери).

Секр. А тотчасъ съ крючокворствомъ: чтобъ не прожываться! (увидя сидячаго у стола Чаркодужева). А вы, г. Чаркодужева, все бѣгаете отъ должности? все возитесь съ отдатчиками? послѣдній разъ вамъ говорю: ежели не исправитесь, представлю начальству.

Чар. (въ сторону). Вѣчные нападки! Всегдашнее гоненіе! (вздыхаетъ).

Шельм. (выходитъ изъ присутствія).

Троф. (ему тихо). Ну што?

Шельм. Подавъ та й просывъ, щобъ заразы принялы, такъ каз-говорыть, якъ секретарь скаже.

Троф. Такъ такой-та судья, што секретаря спрашиваетъ? Не хуже, какъ и нашъ засѣдатель. Ну, проси же секретаря.

Шельм. Та бачыте, що все, будучы, сердытця.

Троф. Поднеси ему што.

Шельм. Щуръ ёму! Дывысь, якимъ паномъ дывытця. (Увидя Степаниду). А ты, врагова баба, чого, будучы, сюды забралась? Видкиля ты взялась? Ходы сюды.

Степ. Нѣтъ, Терентычъ, и вы, голова Трофимычъ, не пойдя я къ вамъ. Здѣсь вамъ не волость; тамъ вы насъ давите да обижаєте, а здѣсь и по старше есть. Вотъ што.

Шельм. Такъ яка тутъ абеда? Чого ты сюды, сыречь, прымандрувала? Чы тутъ тоби дило? Геть, будучы, видсиля, я тоби кажу!

Степ. Нѣтъ-та, ушь не геть и не видсиля; не боюсь вась!

Троф. Ты еще и ослушаешся? (беретъ ее за руку).

Шельм. (схвативъ за другую). Я тебе видсиля въ потылицю.

Степ. (погромче). Помилуйте, батюшки!

Секр. (подходя къ нимъ). Что за шумъ подняли? Не троньте ее. Какъ вы смѣли здѣсь своевольничать?

Троф. Да она зачѣмъ здѣсь? она бѣглая...

Шельм. Вона, будучы сказать, мандрѣха! Мы вже ии давно шукаемо.

Секр. (Степанидѣ). За чѣмъ ты здѣсь?

Степ. (съ поклонами). Защити меня, батюшка, кормилецъ мой! Защити меня, бѣдную вдову! Я вотъ-та губернатору съ бумагой.

Секр. Не смѣй никто ее тронуть и шумѣть здѣсь. Когда вамъ нѣтъ другого дѣла, такъ ступайте вонъ.

Шельм. Такъ я, будучы, отдатчыкъ...

Секр. Такъ стой же тихо съ просителями вмѣстѣ и ожидай, когда тебя спросятъ. А ты, старушка, стань также здѣсь и не бойся никого.

Шельм. (тихо Трофимычу). Оттакъ ускочъ, якъ мы! Та якого вы, дядюшка, чорта, будучы, дрималы, та не виддалы ии пидъ калавуръ?

Троф. Кто же её зналъ! гляди: у ней и челомбитная въ рукахъ; никакъ хочеть жалѣтца-та?

Шельм. Та нехай и жалитця. Видбрешемось. Або трывайте лышень; я ии, будучы, обдурю. Стехо! пань-матко! а ходы-ке сюды! Юсыповна, чы якъ тебе? На часынку! Титко!

Степ. (не сходя съ мѣста и не смотря). Ну, што?

Шельм. *(все тихо переговаривается).* Який тобі дурень написавь прошеные? Може тамъ, будучы, вызнать що надряпано? Ке-лышень; я, тее-то, прочитаю. Гмъ! ке бо.

Троф. Да посовѣтуемся, какъ бы лучше къ дѣлу-та.

Степ. *(также не смотря).* Не нужно.

Шельм. Та тилкы покажы, я й видамъ тобі, будучы, опъять. Ныначе й мыни, тее-то, не жаль твоего Мыкыты? Аджѣ й я за нимъ, сыречь, розпадаюсь.

Степ. Говори!

Шельм. *(въ досадѣ чешетъ голову).* А бодай бисову бабу орда узьяла! Колыбъ вона намъ, будучы, якого бешкету не зробыла! Напечемо ракивы! не знаю!

Солдатъ *(отворяя среднія двери).* Губернаторъ идетъ. *(Секретарь и все писцы встаютъ).*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и ГУБЕРНАТОРЪ.

Просители *(бросились къ нему съ просьбами).*

Губерн. *(не принимая).* Погодите, друзья мои! Мнѣ нельзя вдругъ все прочесть. Подавайте поодинокѣ. *(Взявъ у одного и прочтя).* Хорошо. Просьба твоя правильна. *(Секретарю).* Прикажете ему написать по формѣ прошеніе и когда онъ бѣденъ, употребите бумагу на мой счетъ. *(Взявъ у женщины просьбу).* А эта уже и готова. *(Прочтя).* Напрасно ты убытчилась на гербовую бумагу; я приказываю подавать мнѣ прежде записки, и когда дѣло справедливо, тогда уже прошеніе. Нельзя уважить твоей просьбѣ: три года, сама пишешь, какъ сынъ твой принять, а ты теперь просишь переменить его меньшимъ. И кто тебѣ это сочинялъ? *(Посмотрѣвъ на бумагу).* А! извѣстный ябедникъ! *(Секретарю)* Передайте ее въ мою канцелярію для присоединенія къ прочимъ его ябедамъ; я отдаю сочинителя подѣ судъ за ябедничество. *(Взявъ у Степаниды бумагу и прочитавъ).* Какъ? что? *(Перечитавъ).* Гдѣ отдатчикъ?

Шельм. *(боязливо выступая).* Осъ мы. Гмъ!

Губерн. Подойдите сюда. Гдѣ же другой? Съ кѣмъ ты?

Шельм. *(поклонясь).* Такъ мы, будучы, тилкы я одынъ, ваше превосходительство.

Губерн. А! хахолъ? какъ сюда зашелъ?

Троф. *(подошедъ, кланяется).* Онъ нашъ волостной писарь, ваше превосходительство.

Губерн. Откуда и какъ сюда зашелъ?

Шельм. *(въ страхѣ).* Э-э-э, будучы, изъ Пырятына, ваше превосходительство; по пачепорту, тее-то, на заробиткы.

Губерн. Какъ тебя зовутъ?

Шельм. Будучы, Киндратъ Шельменко.

Губерн. *(смотритъ ему въ глаза).* По глазамъ, такъ ты цѣлая шельма. Долженъ быть большой плутъ *(читаетъ бумагу Степаниды).*

Шельм. *(протирая глаза въ сторону).* Чортовы очи! такъ и зминылы.

Губерн. *(ему).* Какъ же ты это отдаешь одного вмѣсто другого? *(Степанидѣ).* Да правду ли ты написала, старушка?

Степ. Правда, святая правда, мой кормилецъ, ваше благо, перево... Ну, наше бабѣ дѣло, не выговорю, какъ тебя возвеличать-та. А коли не правда, такъ штобы я сама передъ твоею милостью прахомъ пала!

Шельм. То вона, будучы сказать, ваше превосходительство, вона бреше. Вона у насъ на все село. Вона, те то, и на зводы, и на переводы, и на нащыкуванія. Вона й язычокъ пидняты и соняшныци заварыты, осъ така-то вона. Вона, будучы, безъ сороба казка: вона видма!

Степ. Нѣтъ, Терентьичъ; никто на меня...

Губерн. Перестаньте вздорить, отвѣчайте, о чемъ буду спрашивать. *(Степанидѣ).* Какъ звали твоего мужа?

Степ. Матвѣй Михайловъ.

Губерн. Такъ ли онъ пишется, голова?

Троф. *(труся).* Я тѣмень на письмо, ваше превосходительство!

Губерн. Писарь гдѣ?

Шельм. *(вяло выступая, кланяется).* А чого звольте, ваше превосходительство?

Губерн. Развѣ ты глухъ? Я спрашиваю, какъ она пишется по ревизіи?

Шельм. *(вяло).* Вона, тее-то будучы, ваше превосходительство, будучы сказать, по простонареченію, стало быть, мечтает, тее-то, по незнанію, будучы, письменного порядка, сыречь, не знае, поелыку вовся, будучы тее-то, не грамотна.

Губерн. Что ты мнѣ путаешь? говори прямо: какъ она пишется?

Шельм. Вона, будучы, ваше превосходительство? Чы, тее-то, мужъ оной жоны, будучы?...

Губерн. Да не будучи, а отвѣчай, чего я спрашиваю.

Шельм. (кланяясь). А чого звольте, ваше превосходительство? Я... щось, будучы, орябивъ; зроду въ перше сподобывся статьи, тее-то, передъ великимъ паномъ, та зъ переляку соби на биду и не второпаю ничего.

Губерн. Говорю тебѣ послѣдній разъ: какъ пишется мужъ ея?

Шельм. Мужъ? гмъ! вона каже Матвій Михайловъ такъ вона, будучы, бреше. Вияъ пышетця Матвій Миняйловъ.

Степ. Ой не гнѣви, Терентычъ, Бога; не ломай души.

Шельм. (ободрясь). Але! то по вулычному, а то по пысанію. Адаже ты не пысьменна, то й мовчы й не спорь зъ ученными.

Губерн. Да гдѣ ревизскія сказки? Гдѣ списокъ отдатчика?

Шельм. Ото—то—то! Оце, будучы, лучше усѣго, якъ по ревизіи освидетельствовать! Бо й пысаніе глаголетъ, осмилываюся, ваше превосходительство, нижайше донесты: пысьмо очи коле.

Губерн. Такъ, точно такъ. Да ты, видно, грамотѣй?

Шельм. По троху де-чого, сыричъ, вчылыся, то дондеже де-що и знаемо. (Ревизию и списокъ приносятъ).

Губерн. Ну, вотъ ревизія. Что?

Секр. (свѣряетъ ревизию противъ списка, поданнаго Шельменкомъ). Вотъ онъ, Матвій Мѣняловъ.

Шельм. А що? Осъ бачыте? А чія, будучы, правда? (Въ сторону). Оттакъ ихъ обдуры! даромъ, що москали. (Тихо смѣется).

Губерн. (разсматривая). Четыре сына...

Степ. Одинъ, мой кормилецъ, одинъ; одноутробной, какъ мѣсяць на небѣ...

Губерн. Такъ это не ея семейство. Тебя какъ зовутъ?

Степ. Штожь, мой кормилецъ, Степанида Гавриловна. Такъ отъ родителя названа.

Губерн. А здѣсь Ирина, такъ это не она.

Степ. Не я, мой милостивой, не я. Я тебѣ говорю: я Михайлова, такъ и свѣкоръ звался и дѣдушка нашъ, вѣчной имъ упокой!

Губерн. Гдѣ представленный рекрутъ? Приведите сюда, Какъ онъ показанъ въ списокъ отдатчика?

Секр. (читаетъ). Никифоръ Матвѣевъ сынъ Мѣняловъ, 24 года. Такъ точно и по ревизіи.

Шельм. Эге! А що? Бачъ?

Степ. Нѣтъ, мой—Микитушка.

Шельм. Та воно, будучы, усе ривно.

Губерн. Какъ равно? Никита и Никифоръ? Это по чему?

Шельм. Осмилываюсь нижайше, будучы, доложить, що пышетця Георгій, а усе ривно, будучы, Егоръ, або ще и Юрко, усе на одно имѣя; такъ и тее-то, Ныкыфоръ, а по московскому Мыкытушка.

Губерн. Мастеръ толковать, но я, кажется, скоро тебѣ всё растолкую. (Пришедшему Никитѣ). Какъ тебя зовутъ?

Ник. (въ большомъ страхѣ). Я? Меня? Какъ, матушка?

Губерн. (взявъ его за руку). Чего же ты боишься? Славной малой, и трусить. Небось меня и скажи.

Ник. Правду прикажите говорить?

Губерн. Говори правду, правду. Предо мной должно правду говорить.

Ник. Никита Матвѣевъ сынъ Михайловъ.

Шельм. (въ сторону, схвативъ себя за голову). Отъ и втявъ! А, бодай тебе!

Губерн. Сколько у тебя братьевъ.

Ник. Одинъ я только былъ у родителей моихъ.

Губерн. Грамотенъ.

Ник. Церковное читаю.

Губерн. Сышите его сказку. Ежели они правду говорятъ, такъ очередь Михайловыхъ должна быть особо. (Трофимычу). Гдѣ же прочіе Мѣняловы изъ этой очереди?

Троф. Про то, ваше превосходительство, писарь знаетъ.

Губерн. Ахъ, да вы плуты! Писарь!

Шельм. Чего звольте, ваше превосходительство?

Губерн. Долго ли тебѣ меня беспокоить? Гдѣ прочіе Мѣняловы?

Шельм. (все болѣе труситъ). Уси здесечка—озьдечка; былшъ нема.

Степ. Да и гдѣ ихъ взять? Они въ бѣгахъ.

Губерн. Какъ въ бѣгахъ? Давно ли?

Степ. Сказала бы я тебѣ, мой кормилецъ, да не знаю.

Нѣшто первый годъ, какъ я замужъ вышла.

Губерн. Почему же въ ревизіи не отмѣчено? Голова!

Троф. (труся). Про то писарь знаетъ; я человекъ тѣмной.

Шельм. Оттакъ! на писаря! нынче я ревизію писавъ?

Секр. Вотъ сказка Михайлова: одинъ сынъ Никита, мать Степанида.

Степ. Онъ, онъ, мой батюшка.

Секр. А вотъ, ваше превосходительство, у Мѣняловыхъ подчистка, что онъ былъ въ бѣгахъ.

Губерн. Такъ точно; и весьма не искусно вычищено; даже годъ замѣтенъ.

Шельм. (въ сторону). Пропавъ я на вики! удруживъ Охримовычъ!

Секр. (вслушавшись). Какъ? Ефремичъ? такъ это Чаркодужева работа?

Чарк. (пьяный едва стоитъ). Какъ ррыба без— безгласенъ!

Губерн. Отведите его на гауптвахту. (Чаркодужева солдаты уводятъ). Писарь! это твой плутни?

Шельм. Щобъ я, тее-то? та що вы каэте-говорыте?

Губерн. Довольно. Старуха! возьми своего сына и ступай домой. Не бось, его уже болѣе отъ тебя никогда не возьмутъ. Жени его и живите благополучно.

Степ. и Ник. (бросаются къ ногамъ его). Ахъ мой кормилецъ! благодѣтель нашъ!

Губерн. Полно, полно, встаньте. Это не милость, а должное. Скажите всѣмъ: ежели кто будетъ обижать начальствомъ своимъ, чтобы прямо шли ко мнѣ. Отъ меня получаютъ защиту. Я на то губернаторъ.

Шельм. (чешетъ голову и кланяется). Благодарымо ѿ мы, ваше превосходительство, що, будучы, бидную удову пожалували. Мы теперь поидемо.

Губерн. О, нѣтъ; погодите. Голова, есть у тебя сынъ?

Троф. Согрѣшилъ предъ Богомъ! пять дѣвокъ, а ни одного сына.

Губерн. (секретарю). Посмотрите, такъ ли? этимъ плутамъ вѣрить нельзя.

Секр. Такъ точно; пять дочерей.

Губерн. Жаль: я бы тебя проучилъ. Снимите съ него показаніе, что его понудило сдѣлать такое мошенничество? потомъ отдайте его на гауптвахту; я его суду предамъ.

Шельм. А я поиду, та рекрута славного представлю.

Губерн. Не нужно; ты у меня рекрутъ. Возьмите его. (Солдаты схватываютъ Шельменка).

Шельм. Помылуйте, ваше превосходительство! Ой, помылуйте! За шо така напасть?

Губерн. За твой плутни и теперешнее мошенничество.

Шельм. (вырвавшись отъ солдатъ, кланяется въ ноги и лежитъ). Помылуйте! ей велике слово, не буду до суду, до вику, не буду плутуваты; буду добро робыты. Помылуйте! (ставъ на колѣна). Не буду, земли зымъ, шо не буду; и дятямъ и унучатамъ закажу! помылуйте!

Губерн. А ты женатъ?

Шельм. (все на колѣнахъ). Та ѿ доси ни. И доси на лыхо соби все парубкую. Осъ колы ласка ваша, та видпустыте мене, то я соби гарненько бѣ оженивсь, та якбы давъ Богъ диточокъ, то тоди визьмите хочъ двоухъ хлопцивъ. Не хай служать Богу ѿ государю; я не жалкую. Тялко пустите мене.

Губерн. Нѣтъ, нѣтъ; возьмите его. (Солдаты схватываютъ Шельменка). Господинъ Порошковскій! Извольте первоначально его разспросить и повѣрить, чтобы по пустому не трудиться.

Шельм. (все вырываясь). Та помылуйте, та здилайте милость, добродію! паночку, голубчыку! та будте ласкови! Та я соби на лыхо глухій; не чую ничего и муштры не почую. (Кричитъ). Га! шо вы говорыте?

Губерн. (тихо). Такъ отпустите же его.

Шельм. (вырвавшись). Покорно спасыби, дякую (хочетъ бѣжаты).

Губерн. Нѣтъ, нѣтъ; держите его. Видишь, какъ онъ глухъ! Нѣтъ ли еще чего?

Порошк. У него, вѣрно, сотня болѣзней откроется. Не болить ли у тебя что?

Шельм. (стонетъ). Охъ! де то вже не болыть! Та у мене усе, будучы, болыть; я соби такой немощній: и тутъ, и тутечка, и голова, и усюды болыть. Та такы у мене троха не халѣра.

Порошк. О бѣдной! И вѣрно ѣсть и спать хочется?

Шельм. Та такы частисинько. Охъ! усе бѣ я ивъ; та часомъ и спаты... *(принужденно зѣваетъ)*. Усе істы та спаты хочетца. Якій уже зѣ мене солдатъ! Охъ!

Порошк. Вѣрно и кашель есть.

Шельм. Де то вже нема? Осъ бачъ якій здоровій! *(силится кашлять)*. У мене, знаете, нехай Богъ боронить, чехотка. Мыни, будучы, давно, такъ и знахурка казала. Якъ було, тее-то, у Гапониыхы весилля, а вона зо мною колысь, будучы, позывалась; ну та й дае мыни чарку горилкы; а тамъ, батечку! усе плавають мовъ шпылькы та голкы; а я соби зѣ дуру не розглядивъ та видъ того часу й кашляю; та все сохну соби. Охъ! *(кашляеть)*.

Порошк. Хорошо, хорошо. Всѣ ли зубы?

Шельм. Та колыбѣ тоби хочъ одынъ. Такы нема ни одногисинько *(кладетъ въ ротъ проворно серебрянный рубль)*.

Порошк. *(инструментомъ вынимаетъ деньги и показываетъ)*. Зубы также не здоровы, не могли раскусить рубля *(бросаетъ деньги)*.

Шельм. Вжежъ колы такъ, то усю правду вамъ скажу. Ничого гриха таить. Пысаніе глаголетъ: не втаитця шпыло въ мишку. Слушайте жѣ, панове! Однимъ окомъ зовсімъ не бачу, а на другимъ куряча слепота. Такъ мыни почынено.

Порошк. А которымъ глазомъ вовсе не видишь?

Шельм. *(указывая на правый глазъ)*. Одымъ; хочъ бы воно тоби и вылизло, то мыни дарма.

Порошк. А вотъ посмотримъ *(закрываетъ ему рукою лѣвый глазъ, а передъ правымъ долго мигаетъ пальцемъ)*.

Шельм. *(долго смотрѣвъ, потомъ съ бодростью)*: Эге! Та скилкы хочъ кывай, а я тоби кажу, що ничогисинько не бачу.

Губерн. Бѣдной слѣпой! теперь для пробы узнать мѣру.

Шельм. Та яка у мене мира? Бачыте, якій я соби опецьковатый.

Губерн. *(солдатамъ)*. Ведите въ станокъ, попробуйте.

Шельменка *(тащатъ насильно; онъ все кричитъ)*: Ой лыщечко! пропавъ я на свити! *(Становятъ въ станокъ, онъ упрямится; солдаты его толкають, — — — онъ кричитъ, а солдаты смѣются)*.

Шельм. *(вытянутый въ станкѣ)*. Та чого бо вы регочетесь? Зовсімъ беда, чоловікъ пропада. Та не регочитесь бо!

Губерн. Ну, что? Какъ мѣра?

Унтеръ-офицеръ *(кричитъ)*. Пить, семь осьмыхъ.

Губерн. Хорошо; выйдетъ. Теперь, не подъ судомъ ли онъ? Какъ бы справиться?

Шельм. А троха чы не пидъ судомъ! Ей Богу, пидъ судомъ; та ще троха чы не за душогубство. Предпышите, ваше превосходительство, учиныты справку по Полтавській губерніи, а мене бѣ до того часу, будучы, або бѣ на порукы нашому голови, або-що.

Секр. Это тотъ плуть, о которомъ исправникъ представилъ вашему превосходительству о прочихъ злоупотребленіяхъ.

Губерн. А, такъ это онъ? Ты не ушелъ отъ заслуженнаго! Напишите исправнику, чтобы немедленно арестовано было все его имущество, для удовлетворенія обиженныхъ; составьте также опредѣленіе съ прописаніемъ причинъ, почему я взялъ его въ солдаты, и сообщите куда слѣдуетъ. Ведите же его теперь въ присутствіе.

Шельм. *(горько плачетъ)*. Теперь бачу вже не перелывкы. Якій мене нечыстй понисъ мижъ москали? Изъ своимы такы не зразу пропавъ бы. *(Бросается на колѣна)*. Помылуйте! ще такы помылуйте!

Губерн. Полно, нѣтъ пощады. Пойдемъ въ присутствіе. *(Уходитъ въ боковую комнату; Порошковскій и секретарь идутъ за нимъ; солдаты тащатъ туда же на колѣняхъ стоящаго Шельменка, который кричитъ)*. Ой ратуйте! хто въ Бога вируе, ратуйте! Гвалтъ! Калавуръ! *(уводятъ его)*.

Степ. *(обнимая Никиту)*. Слава тѣ, Христосъ! Остался ты, мой Микитишка, со мной!

Ник. Поблагодаримъ Бога и за себя, и за всю волость, что избавились отъ мошенника.

Степ. Продли Богъ вѣкъ нашему губернатору за его правду и пошли ему, Господь, чего его душенька желаетъ! *(бросаясь на колѣна)*. А нашему батюшкѣ православному царю, пошли Господи многая лѣта, што приказываетъ насъ бѣд-

ныхъ не давать въ обиду и такихъ добрыхъ губернаторовъ намъ насылаегь!

(За кулисами слышенъ голосъ губернатора). Лобъ!

(Голоса солдатъ, поодиночкѣ громко кричащихъ):

Лобъ—лобъ—лобъ!

Голосъ *(воющаго Шельменка)*. О, пропавъ же я теперь на святи! Ой лышечко, лышечко!

(Занавѣсъ опускается).

— 33 —

Шельменко-денщикъ.

КОМЕДИЯ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА:

Кирило Петровичъ Шпанъ, помѣщикъ.

Фенна Степановна, жена его.

Присинька, дочь ихъ.

Тимофѣй Кондратьевичъ Лопуцьковскій, женихъ ея.

Осипъ Прокодовичъ Опецковскій, пріѣзжій помѣщикъ

Аграфена Семеновна, жена его.

Эвжени, дочь ихъ.

Иванъ Семеновичъ Скворцовъ, капитанъ, квартирующий съ командою въ деревнѣ Шпака.

Шельменко, денщикъ его.

Мотря, горничная Фенны Степановны.

Ключница, лакеи, кучера и другіе слуги и служанки Шпака.

Гости, мужчины, женщины, дѣти съ кормилицами, няньками и т. п.

Дѣйствіе происходитъ въ Малороссіи, въ деревнѣ Шпака.

ШЕЛЬМЕНКО-ДЕНЩИКЪ.

Дѣйствіе первое.

Простой, безъ всякихъ украшеній садъ: кое-гдѣ большія. вѣтвистыя деревья; подъ ними деревянныя, некрашенныя скамейки.

Изъ-за деревьевъ виденъ господскій домъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Скворцовъ (сидитъ подъ деревомъ и читаетъ книгу, потомъ). Посланный мой нейдетъ... какое нетерпѣніе!.. (Читаетъ). Видно по всему, что доступъ труденъ, когда уже и Шельменко не можетъ пробраться. (Читаетъ и потомъ, бросивъ книгу, встаетъ). Какъ бы огорчился дядя, если бы узналъ, что генеральскому племяннику отказали... и гдѣ же? въ Малороссіи!.. Онъ вѣрнѣе не хочетъ, чтобы могли быть здѣсь порядочные люди. Однако жъ отказали!.. Увезти бы, и копецъ дѣлу. Посердятся, да и простятъ, а я буду съ состояніемъ. Присинька, право, очень мила; имѣетъ странности, но я, женись, съ моими кузинами ее перевоспитаю.. Она добра, любитъ меня, капризовъ не имѣетъ, и пойдетъ дѣло ладно...

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СКВОРЦОВЪ и ШЕЛЬМЕНКО.

Шельм. *(выбѣгаетъ изъ дому, торопливо оглядываясь),* Ты! Ты! на твоего батька!.. *(Увидя Скворцова, становится въ позу съ неловкостью).*

Сквор. Что? есть ли какой успѣхъ?

Шельм. Лепортую вашему благородію, усѣ обстоитъ благополучно. Будучы, нѣту-тѣ никакого успѣху.

Сквор. Какъ? Стало, ты не исполнилъ моего приказанія?

Шельм. Я усѣ справилъ, ваше благородіе, тее-то, справно.

Сквор. И барышню видѣлъ?

Шельм. Никакъ нѣтъ, ваше благородіе!

Сквор. Стало, и письма не отдалъ?

Шельм. Никакъ нѣтъ, ваше благородіе!

Сквор. Зачѣмъ же ты не отдалъ?

Шельм. Не могу знать, ваше благородіе!

Сквор. Какъ не можешь знать? Вѣдь же ты въ домѣ былъ?

Шельм. Никакъ нѣтъ, ваше благородіе!

Сквор. Почему же нѣтъ, когда я тебѣ приказалъ?

Шельм. Эге!... пожалуй... ваше бѣ благородіе и приказалы, а я було, будучы, и пишовъ, такъ щожъ? Собака, ваше благородіе, та такъ здорово за хатю загавкала, такъ я, тее-то, и на втикача.

Сквор. Ахъ ты трусь!..

Шельм. Выдюща смерть страшна, ваше благородіе.

Сквор. Я тебя еще не такъ напугаю. Прикажу отпустить обѣщанныхъ за неисправность тебѣ сто палокъ.

Шельм. Рады стара... чы то пакъ: безъ выны выновать, ваше благородіе!.. Ваше благородіе! не положите гниву! Подозволте мыни, будучы, безъ артыкулу, а такъ, словесно, побожытыся передъ вами, що колы, будучы, мы не видштурмуемо панночки, такъ щобъ и передъ вашимъ благородыемъ оттутечка, тее-то, прахомъ розпався. Отъ шо!

Сквор. Съ твоей ли головой это и сдѣлать?

Шельм. Та вже жѣ!.. О — охъ, ваше благородіе! не знаете вы сіей головы! Робылы мы, будучы, проызводствомъ и не

такови дѣла, якъ бывало видкомандыруемося на слидствіе зъ покойнымъ секлетаремъ Грошолупомъ. Нехай надъ нимъ земля перомъ. *(Вздыхаетъ).*

Сквор. Ты все хвалишься, а самъ и начала не сдѣлать.

Шельм. Де-то вже не здилавъ? я, ваше благородіе, безъ сорома казка, пидмовивъ одну чорнобрывку, щобъ, тее-то, знаете, выбигла генъ до тѣи розсоховатой яблуні; такъ мы тамъ, тамъ, тее-то, порадымося. Знаете, ваше благородіе, якъ Шельменко та зъ хытрою дивкою, тее-то, такъ, будучы, и самого чорта загнуздають. Идуть же, ваше благородіе, на кватырю, тягнуть люльку, а тутъ, будучы, усе гараздъ буде.

Сквор. Смотри, Шельменко, не проведи меня!.. Ахъ, какое мученіе терплю!.. Бывалъ ли ты влюбленъ.

Шельм. Щобъ-то, будучы, якъ, ваше благородіе?

Сквор. Ну, любилъ ли ты кого-нибудь?

Шельм. Охъ, ваше благородіе! Будучы, нигде гриха диты; любивъ, та ще й теперъ крипко люблю!

Сквор. Вотъ это для меня новость. Кого же это?

Шельм. Гроши, ваше благородіе! любивъ, люблю и любытому, ажъ покы, будучы, здохну. Що то я ихъ люблю! И батька, и матирь, и жинку, и дитей и увесь ридъ свій за нихъ видавъ бы! Та колы по правди, будучы, сказаты, такъ нема и у свити ничего и ликого лучшого, якъ, будучы сказать, гроши.

Сквор. Скотъ — и больше ничего!

Шельм. Та ей! истине слово, скотъ, ваше благородіе! и я тежъ кажу. Идуть же, будучы, собі видсилы; та будте, тее-то, близенько, щобъ якъ гукну, такъ щобъ вы тутъ и вродылыся. Може й панночка, тее-то, на шпацирь вйде, а вы тутъ, стало быть, и е.

Сквор. Смотри, Шельменко, работай проворно; я тебя награжу; а не то, палки по обѣщанію. *(Уходитъ)*

Шельм. *(одинъ въ размышленіи).* Палки, палки!.. Чы думавъ ты, панъ Шельменко, объ палкахъ, якъ бувъ пры волости пысаремъ?.. Гай, гай! Не теперъ зпомынки. Тоди не тилкы уся волость трепетомъ мене трепетала, не тилкы голова — прійдите поклонимося, та й самъ засидатель не знавъ, на яку ступыты передъ Шельменкомъ! А теперъ не можна Шельменку и пары зъ устъ пустыты, та усе по артыкулу: и ходы, и говоры, и дывыся усе по артыкулу... Ой Мыкыто, Мыкыто! а

пуще ёго стара маты: зайлы вы мою голову! чымъ бы я досѣ, будучы, бувъ? *(Задумывается).*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

ШЕЛЬМЕНКО и МОТРЯ.

Мотря. Чего вы меня, господа служивый, звали?

Шельм. Отже спасыби вамъ, що вы, будучы, выйшлы. Ось ходите жъ сюды, пидъ сюю грушу, я вамъ щось таке, будучы, скажу, таке гарне.

Мотря. Говорите же скорѣй, мнѣ некогда.

Шельм. Знаете, будучы, що? Яки вы повновыди, мовъ мисяць... та... тее-то... яки чорняви... Я васъ, душко, крипко, будучы, полюбывъ.

Мотря. А мнѣ какое до того дѣло? вотъ еще.

Шельм. Якъ, яке дило? Я васъ такъ крипко, будучы, полюбывъ, що у день не сплю, а у ночи не имъ, такъ, будучы, на стину деруся, та васъ, тее-то, бажаю.

Мотря. Деритесь себѣ, куда хотите, а мнѣ нужды мало.

Шельм. Якъ-то, нужды мало? Полюбить бо, крошечко, и вы мене.

Мотря. Пожалуй, полюбить не долго, да какой изъ того толкъ будетъ?

Шельм. А такой товкъ, що мы соби, тее-то, поберемося.

Мотря. Чтобъ я не дождала за солдата выйти!

Шельм. Оттакъ! який я салдаты? Бувъ колысь салдатомъ, якъ и усякъ нашъ брачыкъ военній, та знаете, якъ я у службу пишовъ, будучы, охотою, такъ такой хвабрій бувъ, що тилкы де забачу турка, то такъ ёго, будучы, и зарубаю, такъ за се мене и пожалувалы чыномъ, и вже я, сталс бытъ, зъ простыхъ выйшовъ, а ставъ, будучы, капитанскій денщикъ. Отъ що!

Мотря. Такъ вы уже и благородные?

Шельм. Эге!

Мотря. А не брешете жъ вы? Или, можетъ, вы такой благородный, какъ за денежку пистолець?

Шельм. Стану я, будучы, у такимъ важнымъ дили брехаты!

Мотря. Отчего же, когда вы благородный, а служите капитану?

Шельм. Се вже у насъ, будучы, у военныхъ така поведенція, щобъ старшому прислуговуваты. Артыкуль такъ велыть. Ось якъ ще послужу та стану, будучы, генералскимъ денщикомъ, такъ тоди вже, тее-то, и охвыщеры до мене прійдите поклонимося.

Мотря. Когда выйду за васъ, то буду ли я благородная?

Шельм. Та такы точнисинько, якъ и я.

Мотря. Такъ присылайте же сегодня старостовъ меня свататы; я уже васъ крѣпко полюбила.

Шельм. Оттакъ бы, будучы, й давно. Знаете що? Часомъ паны ваши за мене васъ не виддадутъ, такъ мы ось що зробимъ: нехай мій, будучы, копитанъ та на вашій панночци, тее-то, оженицца.

Мотря. Такъ мои господа не отдають ее за него и уже барышня приказано, чтобъ она объ немъ и не думала.

Шельм. Такъ мы зробимо такъ, щобъ воны побралыся, хочъ стари и не хочуть. Колы жъ побачыте, що вамъ не перелывки, такъ вы зъ нами, тее-то, утечить. Натѣ жъ лишень оце, будучы, письмечко до панночки; тутъ усѣ напысано: у яку пору вамъ и куды выйты; тилкы вы намъ дайте, тее-то, звистку. Натѣ жъ, нате, та виддайте, будучы, бережненько.

Мотря. Этого никогда не будетъ. Что за находка итти за вашего капитана? Кругомъ бѣдный и ничего нѣтъ. А вотъ къ объду будетъ женихъ, панъ Лопуцьковский, такъ такъ богатый и перебогатый! Человѣкъ его рассказываетъ, что при сватаньи всѣмъ дворовымъ людямъ будетъ дарить шолковые платки. Такъ вотъ что! А вашъ капитанъ что? Тѣфу!

Шельм. Та нехай же копитанъ, будучы, и тѣфу, такъ я цяця. Будете, будучы, благородни и чыновни по мыни.

Мотря. Я лучше соглашусь выйти за богатаго, чѣмъ за чиновнаго. Повѣсьте себѣ свои чины себѣ на шею; плевать я на васъ хочу.

Шельм. Ось послушайте, душко, що я вамъ, будучы, скажу...

Мотря. Чтобъ вы не дождали, чтобъ я барышню! согласилася отдать за капитана; съ тѣмъ меня и отпустите. Мнѣ некогда; у насъ такіе приборы идутъ въ домъ, что не те-что!

Шельм. *(въ сторону).* Та й брыкльва жъ! Але не даеця у ладъ. Ну, ще попробую. *(Вслухъ).* Та я вже не про пан-

ночку; якъ вы соби зъ нею, будучы, знаете; а я вже про себе казатыму. Коны бь вы знали, якій я, стало быть, богатій! свилкы въ мене худобы!.. Ось послушайте... *(говоритъ ей тихо, и между тѣмъ)*.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тъ же и ШПАКЪ въ халатъ, колпакъ и туфляхъ, неся большую кипу московскихъ газетъ.

Шпакъ. Ужь мнѣ эти приборы! И въ кабинетѣ не дали покою. Недавно мыли полы, а тутъ, для приема жениха, опять поднялась возня. Выйди, да выйди! Только, было, принялся читать славную рѣчь, говоренную кѣмъ-то въ Англинскомъ парламентѣ насчетъ Ирландіи, такъ не дали, да и не дали! Авось либо здѣсь не помѣшаютъ. *(Садится на скамейку и перебираетъ листы)*. Гдѣ жъ я остановился? Да, точно, 12 двѣнадцатый, февраля второе-надесять число... что?.. такъ, такъ. Боюсь, чтобы прочитаннаго не начать сызнова читать, а начавши долженъ буду и оканчивать, такъ двойная бы работа была.

Мотря *(испуганная)*. Бѣда моя! что теперь баринъ поедумаетъ? Какъ уйти?

Шельмъ. Попався, жучку, панови у ручку! Отъ халепа буде.

Шпакъ. Кто это тамъ? *(Подходитъ и увидѣвъ ихъ)*. Чего вы тутъ забрались? Что это значитъ? И капитанъ и денщикъ принялись за любовные куры, а?

Шельмъ. Та такъ-таки, такъ. Знаете, наша рябенъка курочка та десь, будучы, забигла; катъ ии матиръ зна! такъ я оце пытався, чы не забигла, тее-то, до ныхъ...

Шпакъ. Я тебѣ дамъ курочку! Живого тебя не выпущу. Это капитанскія штучки? Зачѣмъ ты, Мотря?

Шельмъ. Та вона зо мною... тее-то, ваше благородіе...

Шпакъ. Я не тебя спрашиваю; съ тобою раздѣляюсь по слѣ. Говори ты, Мотря! скажешь правду — половина вины прощена.

Мотря. За мною, сударь, и никакой вины нѣтъ, хоть сейчасъ умирать. Они вызвали меня да уговаривали, чтобы

я помогала барышнѣ выйти за капитана и отдавали мнѣ писемцо, чтобы я барышнѣ...

Шпакъ. А! бездѣльникъ! Что теперь скажешь?

Шельмъ. *(въ сторону)*. Не що, видбрешуесь. *(Вслухъ съ притворною робостью)*. Кто, я, ваше благородіе?.. Та я вамъ, будучы, зъ переляку усю правду истинную розкажу.

Шпакъ. Не смѣй меня величать—ваше благородіе; я не ровня твоему капитану. Хоть я и не служилъ нигдѣ, тѣкъ отецъ мой былъ бунчуковый товарищъ, а этотъ чинъ равняется коллежскому асессору, а тотъ съ маіоромъ. Такъ, видишь ли, какъ я далекъ отъ всѣхъ благородныхъ.

Шельмъ. Я, глядячы на васъ, такъ и думавъ, а теперь и зовсимъ, будучы, бачу—ваше высокоблагородіе.

Шпакъ. То-то же. Сейчасъ открой мнѣ всю правду: зачѣмъ ты здѣсь и что это за письмо?

Шельмъ. Заразъ, ваше благор... чы то пакъ: ваше высокоблагородіе, усе вамъ до чыста роскажу. Мій копытанъ та задумавъ вашу дочку, тее-то, узяты.

Шпакъ. Далеко кулику до Петрова дня.

Шельмъ. Такъ такы, ваше высокоблагородіе, я ёму, будучы, оттакъ точнисинько й казавъ: чы вы жъ имъ, кажу, ривня? То панъ Шпакъ, на усю губу панъ: а вы хто? Винъ бунчуковенко, а вы хто? Панъ Шпакъ багатый, а въ васъ що? мундѣрь та рейтузы. Такъ такы затывсь, та й затывсь. Отъ же, будучы, и полизъ свататысь, та спасыби, вы ему и пиднеслы, будучы, сказать, печеного гарбуза. Пысаніе глаголетъ: котузи по заслуги!

Шпакъ. Такъ и ты противъ своего капитана?

Шельмъ. *(въ сторону)*. А ну, Шельменко, брешы на уси заставки! *(Вслухъ)*. Та й я противъ него, ваше высокоблагородіе; бо не люблю неправды опуцъ хрину; правдою живу на святи и, будучы, усимъ ии у вичи такъ и сыплю, мовъ пискомъ.

Шпакъ. Такъ ты, видно, человекъ не безъ разсудка?

Шельмъ. *(въ сторону)*. Нашъ! *(Вслухъ)*. Такъ потроху, будучы, маемо про себе, для усякоп нужды, ось якъ и теперычкы.

Шпакъ. Все это хорошо, но зачѣмъ же ты здѣсь?

Шельмъ. Ось бачыте зачымъ: мій копытанъ и писля гарбуза, будучы, не прочунявъ. Шо ему гарбузъ? фить-фить!

якбы бува, ваше высокоблагородіе, вы его, будучы, де заступали та одспивали бь ёму добре, щобъ, стало быть, не сикався за неривню.

Шпакъ. Правда твоя, я было такъ и думаль, да отсо-вѣтовала жена.

Шельм. Отъ бачыте! а винъ тутъ и розвередувався. Давай, каже, мы у пана Шпака дочку, тее-то, украдемо.

Шпакъ. Ахъ онъ бездѣльникъ!

Шельм. Та такой бездильникъ, ваше высокоблагородіе, що, будучы, скилкы я по свиту ны ходывъ, такъ такого не бачывъ.

Мотря. А вы же, служивый, намъ его расхваливали и что уже лучше его и нѣтъ.

Шельм. Поратуйте, Мотросю,—не знаю, якъ васъ по батюсьци,—що мы, служиви, вамъ, будучы, говоримо! Тилкы розпуститъ уха, то забожымося, що й на верби е груши. То я васъ тилкы выпытувавъ.

Шпакъ. Это правда, умный человекъ всѣ мѣры употребляетъ.

Шельм. Истинне ваше слово, ваше высокоблагородіе! Тымъ-то и я, будучы, усякии миры потребляю.

Шпакъ. Очень похвально; но зачѣмъ же ты сюда пришель и о чемъ съ Мотрею говорилъ?

Шельм. Та то мы, будучы, соби... зійшлыся такъ, тее-то, знаете, ваше высокоблагородіе...

Мотря. Что вы брешете? Вы вызвали меня, уговаривали, чтобъ я за васъ замужъ вышла, рассказывали про свое богатство, и письмецо къ барышнѣ передавали...

Шельм. Те-те-те-те! И я жь те кажу, и воно усе такъ, та тилкы тришвы, будучы, не такъ. Охъ, жалко мыни, що не можна усѣго розказуваты!

Шпакъ. Иди, Мотря, домой и ничего не говори барышнѣ: я скоро самъ приду.

Мотря. Боюсь, чтобъ онъ вамъ не наговорилъ чего лишняго...

Шпакъ. Не бойся, не бойся, не твое дѣло. (*Мотря уходитъ*). Ну, теперъ расскажи мнѣ все, по самой чистой правдѣ.

Шельм. Моя правда, будучы, чыстие усякой правды и якъ я е самій чесній чоловікъ. Отъ бачыте, ваше благор...

чы то пакъ, гмъ! ваше высокоблагородіе! якъ давъ мыни капытанъ пысьмечко до панвочки, а тутъ напысано, колы й якъ утекты, такъ я, будучы, ажъ заплакавъ соби ныщечкомъ, отъ ей! правда!—бодай я передъ вашымъ здоровьямъ николы не плакавъ, колы се брешу. Жалко стало, що мы, будучы, васъ, надъ панамы пана, надъ шпакамы шпака, у вичи обдурюемо, а вы намъ вирите, мовъ добрымъ.

Шпакъ. Благодарю тебя, мой другъ, за усердіе ко мнѣ. Что же далѣе? Ты взялъ пысьмо?

Шельм. Охъ, узявъ, щобъ часомъ винъ черезъ другого кого не передавъ. Узявъ та, будучы сказать, та й думаю соби: якъ бы вамъ переслати? Ажъ ось дивчына тутъ кыслычкы збира: отъ я до ней та, знаете, щобъ вона добриша була, такъ я, будучы, тее-то... звисно... молодецьке дило...

Шпакъ. Понимаю, понимаю. Я и самъ былъ молодъ.

Шельм. А, бачу, вы и догадалыся? Ну, ну, не знаю, щобъ васъ обманути можна було! Що за догадлыви! Ось, якъ я бачу, що вона до васъ, тее-то, усердна, отъ я и кажу: виддай, душко, пысьмечко панночки. Бо певно знавъ, що всна ёго вамъ виддасть; то отъ я и передъ копытаномъ не бувъ ёго выноватій, и вамъ бы, будучы, услужывъ. Тилкы що се бы кажу, а тутъ вы и вийшлы, нехай здорови будете та по-викъ бы мене слухалы. (*Въ сторону*). Отъ збрехавъ, ажъ пальци знать!

Шпакъ. Ахъ, да ты мастерски схитрилъ. Я замѣчаю въ тебѣ много ума, а честности и еще больше.

Шельм. Не пидемо купуваты, або позычаты: буде зъ мене. Що мене, будучы, якъ роскоштуете, то ще и не те скажете. А щобъ вы мыни зовсимъ повирылы, то нате вамъ, будучы, и пысьмечко та и прочытайте соби. Пысаніе глаголетъ: пысьмо очи колетъ.

Шпакъ (*прочитавъ пысьмо*). Ахъ, онъ бездѣльникъ! ахъ, мошенникъ! Я это пысьмо представлю въ судъ и буду на немъ безчестья искать.

Шельм. Та ни, ваше высокоблагородіе! що вамъ безчестя? По пысанію, якъ объ стину горохомъ. А пидете по судахъ, то хоба, будучы, не знаете, якъ почнуть справкы та сообщенія пысаты, а копытанъ тимъ часомъ панночку, тее-то, вкраде и зробыть по своему, тоди вичымъ и не залагаете.

Шпакъ. Правда твоя, другъ мой, правда. Что же мнѣ дѣлать ума не приберу. Не придумаешь ли, какъ бы насолить капитану?

Шельм. Де вже мой головы за вашимъ розумомъ! Тутъ бы отъ що: прочитаты бѣ оце пысьмечко панночки; може вона сердешна, будучы, ничего сѣго и не зна, а винъ до ней въяжетця, такъ по пысанію: мокрымъ рядомъ нападаетця.

Шпакъ. И то можетъ быть; твой совѣтъ хорошъ. При дочери прочитаю женѣ, что-то она скажетъ.

Шельм. (съ сторону). Колыбъ мене туды допустылы, я бѣ васъ обохъ одурывъ и дочку бѣ выкравъ. (Вслухъ). Робить же, ваше высокоблагородіе, тутечка-здѣсь якъ знаете, а я пиду до копытана, будучы, зъ лепортомъ.

Шпакъ. Ты ему скажи, что пысьмо отдалъ въ руки Присиньки.

Шельм. Ничого робить, треба такъ казаты, хочъ и неправда. А що вже я не люблю брехаты, такъ точнисинько, якъ гирку редьку исты. (Вытянувшись). Прощенія просымо, ваше высокоблагородіе!

Шпакъ. Прощай, мой любезный! Когда что новое узнаешь, приходи прямо и расскажи. Я тебѣ особенно благодарить буду.

Шельм. Ралы старатця, ваше высокоблагородіе! (Подойдя къ Шпаку). А колы знаете, що? Я тутъ, будучы, буду сноваты и у двори и у садку, чы не запырмичу чого, та хочъ бы и самого копытана, то и дамъ вамъ заразъ звистку: какъ кну ось такъ (кашляетъ), то вы до мене яко мога и поспишайте. Щасливо оставатця. (Вытягивается, дѣлаетъ на лѣво и маршируетъ, все неловко).

Шпакъ (одинъ). Какое счастье, что я привлекъ на свою сторону этого честнаго малаго. Теперь капитанъ у меня въ рукахъ. Захочу и черезъ Шельменка попадется въ новой лабетъ. О! да пристыжку же я его крѣпко! Забудетъ сманивать невѣсть. Фенночка моя въ хлопотахъ по хозяйству, а какъ управится, сойдемся, тогда, по совѣту Шельменки, прочту это пысьмо дочери и по обстоятельствомъ начну дѣйствовать. Золотой Шельменко! Ну, что-то мои Христиносы съ Карлистами? (Садится и читаетъ газеты).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ШПАКЪ и ФЕННА СТЕПАНОВНА.

Фен. Степ. (съ пузырькомъ въ рукахъ). Вотъ гдѣ они забрался! Я васъ, душечка, по всему дому искала.

Шпакъ (приставивъ палецъ къ газетамъ). Потеря Карлистовъ... Гдѣ жъ мнѣ въ домъ усидѣть, когда всѣ полы моютъ? А что вамъ, маточка, надо?

Фен. Степ. Дѣло есть поговорить.

Шпакъ (также не оставляя читать). При переправѣ... дайте жъ мнѣ, Фенночка, вотъ немного дочитать описанія интереснаго сраженія; я и самъ имѣю очень нужное къ вамъ. Такъ вотъ сраженіе завязалось...

Фен. Степ. Полно уже со своими сраженіями. Какъ примутся сражаться, такъ ни до чего уже и дѣла нѣтъ. Ну те бо, Киричка, займитесь еще и со мною.

Шпакъ. Разнесся слухъ... да что тамъ такое?.. при побѣгѣ взято...

Фен. Степ. (показывая пузырекъ). А вотъ, душечка, не хотите ли принять лѣкарства?

Шпакъ. Помилуйте меня, маточка! Я совсѣмъ здоровъ, и на что мнѣ лѣкарство? да и какое еще?

Фен. Степ. Такъ что жъ, что здоровы, еще здоровѣе будете. Это отъ колики; нате, выкушайте.

Шпакъ. Да меня нигдѣ не колетъ. Помилуйте меня, Фенна Степановна, разореніе съ вами! Что вамъ это вздумалось здороваго челоуѣка лѣчить?

Фен. Степ. Лишнее здоровье, душечка, никогда не мѣшаетъ. Вотъ видите: прибираясь къ гостямъ, я перебирала у себя въ шкафѣ, смотрю, баночка съ лѣкарствомъ. Помните ли, прошлаго года зимою я поѣла на ночь буженины съ чеснокомъ и меня схватила колика, такъ Иванъ Фомичъ тогда прописалъ мнѣ это лѣкарство.

Шпакъ. Такъ то у васъ колика была, а не у меня. Вы же, маточка, тогда буженины на ночь накушались, а я вчера, почитай, и не ужиналъ. Оно же прошлогоднее, никакого дѣйствія не произведетъ. Возьмите да вылейте его.

Фен. Степ. Помилуйте меня, Кирило Петровичъ! Я вамъ не наудивляюсь: челоуѣкъ вы умной, а всегда такъ чудно

разсуждаете: вылить! легко сказать вылить, когда вещь стоитъ рубль двадцать копѣекъ.

Шпакъ. Помилуйте же и вы меня, Фенна Степановна! Я тутъ и въ толкъ ничего не возьму: у человѣка все благополучно и нигдѣ не колетъ, такъ пей прошлогоднее лѣкарство, чтобъ деньги не пропали! И съ чѣмъ его привимать, съ чаемъ или съ виномъ?

Фен. Степ. И сама не знаю, что-то забыла. И внутри ли принимать или снаружи мазать—ей-же-то-Богу моему не помню, хоть сейчасъ убейте меня, не помню. (*Ласкаясь къ нему*). Да нужды нѣтъ, тутъ его немного, всего на одинъ пріемъ; и не чувствуетесь, какъ выкушаете. Нате же.

Шпакъ. Умилосердитесь надо мною, Фенна Степановна! Что вамъ за капризъ пришелъ,—мною какъ пашкою играть? Я, кажется, вышелъ изъ тѣхъ дѣтъ, чтобъ мною управляли, и люблю жить своимъ умомъ. Ну, хорошо, я его прійму, а оно наружное да еще можетъ быть со шпанскими мухами, такъ что тогда будемъ дѣлать? Мнѣ горло оборветъ и куска не проглотчу. Ну, когда вамъ жаль денегъ, отдайте Мотрѣ вышить.

Фен. Степ. Бя ли холопскому горлу глотать по рублю двадцати копѣекъ? Гдѣ вашъ разсудокъ?

Шпакъ. Ну, такъ идите же себѣ ради Бога! сказали, такъ такъ тому и быть. Не мѣшайте мнѣ: тутъ продолжается важное сраженіе. (*Читаетъ*).

Фен. Степ. (*отойдя отъ него*). Все съ своими газетами, а нѣтъ того, чтобы и женѣ угодное сдѣлать! Что за чудный нравъ у нихъ дѣлается? Чѣмъ больше старѣются, тѣмъ больше къ нимъ ни пристуцу, и тотчасъ за все сердятся. Я думаю, что и въ десяти губерніяхъ около нѣтъ человѣка съ такимъ умомъ, какъ они, а ничего умнаго во весь вѣкъ не сдѣлали. (*Мужу*). Ужъ какъ по этакой суммѣ будемъ выливать, такъ и концовъ не сведемъ. Одни процессы съ Тпрунькевичемъ чего стоятъ...

Шпакъ (*бросивъ газеты, съ досадою*). Не вспоминайте мнѣ про этого изверга! Ужъ я же его доведу! Эти гуси ему такъ не пройдутъ: всего лишуся, имѣніе потеряю, а взыщу съ него за побитыхъ гусей. Я его доведу.

Фен. Степ. Какъ бы хотъ теперъ поменьше издержекъ на эти тяжбы; намъ нужно Присиньку выдавать; вотъ женихъ...

Шпакъ. Да, да правду сказать, надобно спѣшить ее выдать. Вотъ какъ кончу сраженіе, такъ я вамъ расскажу... (*Читаетъ*).

Фен. Степ. Благодарю Бога, что женихи къ Присинькѣ показали... Я и не такъ богата была у бабушки, какъ она у насъ, а за мною жениховъ было что собакъ. А отъ чего? Покойный батюшка на хитрости поднялся; закупилъ всѣхъ смотрителей на сосѣднихъ станціяхъ, чтобы всѣмъ проѣзжимъ рассказывали, что такая-то барышня и богатая, и красивая, и разумная. Такъ вѣрите ли? ежедневно отъ жениховъ не было отбою.

Шпакъ. Однако жъ, маточка, я ни отъ кого не слыхалъ объ васъ и не зналъ, есть ли вы на свѣтѣ; а судьба, какъ судьба! Мимоѣздомъ заѣхалъ, да разомъ и влюбился въ васъ по уши. Смотрю, дѣвка кровь съ молокомъ, да подступить не смѣю. Для смѣлости, натянулся съ вашимъ батюшкою наливки; онъ принялся за гусли, да какъ дернетъ горлицы, я и разносился...

Фен. Степ. (*глядя его по лицу*). Эта-то горлица меня и доѣхала! Вы носитесь въ присядку, а я такъ и таю... (*Цѣлуетъ его въ лобъ*).

Шпакъ (*также цѣлуетъ ее*). Да въ тотъ же вечеръ и по рукамъ ударили.

Фен. Степ. Хорошо бы и Присю такъ, чтобъ не долго водить.

Шпакъ. И непременно такъ должно, а то чтобъ вашъ постоялецъ не надѣлалъ штукъ.

Фен. Степ. Капитанъ? Развѣ и послѣ отказа не образумился?

Шпакъ. Куда!.. сманиваетъ ее, чтобы ушла съ нимъ. Вотъ я переловилъ письмо. Пойдемъ, я при ней прочту и выспрошу у нее, въ согласіи ли она съ нимъ? Пойдемъ вмѣстѣ. (*Идетъ къ дому*).

Фен. Степ. (*всплеснувъ руками*). Письмо?... Какой стыдъ, какой позоръ!.. Въ кого это она? Ко мнѣ никто въ свѣтѣ не писалъ амурныхъ писемъ!.. Замужъ, замужъ сего же дня, сейчасъ замужъ, чтобъ не любила съ капитаномъ.

Дѣйствіе второе.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Шельм. (одинъ, выходитъ изъ дому и ищетъ между деревьями). Дежъ тутъ у гаспыда ёго благородіе? Нема та и нема. А кришко пыльно було ёго треба-нада. Якъ же знайдеться, такъ и заспишь: розкажуй ёму швидко, та не прыговорюй: будучы. Якъ такы нашому брачыку безъ приговорокъ? Поки мямкаючы скажешъ, будучы, та стало быть, та тее-то, а тутъ и выдумаешъ, якъ бы гладенько збрехаты, або выбрехатися. Се вже напса писарьска натура. А якъ я подывлюся, такъ усюды однаковисинько—и у волости, и у суди, и у служби. Салдаты, або писарь, та й секлетарь дило зробыть, усе до ладу приведе, а начальныкъ и хваста: ето мы-ста здѣлали. Отъ и тутъ такъ, я зовсимъ усе дило налагодывъ, барышню введемо, ёго благородіе оженигця и худобу забере, а Шельменци колы скаже спасыби, то ще и гараздъ, а колы тутъ же провыныся у чимъ, то заразы и палкы... О, докучылы мыни отгип палкы! Колы бъ же я ихъ не накликавъ, що и досе не знайду копытана. Аговъ, ваше благородіе! Онъ иде; стой. Шельменко, та ривняйся! (Вытягивается). О, мука та и годи.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ШЕЛЬМЕНКО и СКВОРЦОВЪ.

Сквор. Что, Шельменко, есть ли что новое?

Шельм. Усёго нового богато е, ваше благородіе!

Сквор. Говори мнѣ скорѣе просто, своими словами. только оставь свое несносное «будучы».

Шельм. Велычать, ваше благородіе, колы не прыкажете, то и не будемо, тилкы безъ будучы не можемо (въ сторону), затымъ що безъ брехни не обійдетця.

Сквор. Ну, говори скорѣе: видѣлъ ли ты барышню, знаетъ ли она про письмо, согласна уходить?...

Шельм. Сей часъ, заразы усе порядкомъ розкажу. Якъ я пана Шпака навчивъ, то винъ, мій сердешный, тошвисинько такъ и зробывъ. Письмо панночки прочытавъ, та и прынялся, удвохъ, будучы, зъ панею и лаяты. Панночка у слобы. О, та не хытра жъ и вона! Плаче та васъ коренить, каже: и цуръ, каже, ёму и пекъ, каже ёму; се бъ то вамъ, будучы, ваше благородіе, не видъ мене вы, тее-то, чуєте. Тутъ же лае, а тутъ пысьмечко—сипъ! та, будучы, и сховала до сердца. Отъ ей! не брешу; хочъ бы мыни, будучы, пропасты ось тутечка-здесь.

Сквор. Перестань божиться, я тебѣ вѣрю; оканчивай скорѣе.

Шельм. Отъ добре, що вирыте, и вирыте завсегда. Отъ, будучы, панночка и видцуралася видъ васъ, що, каже, и не хочу, и не жалаю, и на думци не покладаю, щобъ, будучы, иты за нѣго. Отъ стари и повирылы и вишлы видъ неи. Отъ и зовсимъ.

Сквор. Видѣлъ ли ты послѣ барышню, и не приказала она мнѣ чего сказать?

Шельм. Де-то вже не бачывъ! истынно бачывъ, и зъ нею у синьцахъ, на самоти, тее-то, говорывъ, ось якъ теперь, будучы, зъ вами, нехай здоровы будете.

Сквор. На приказала ли чего мнѣ сказать?

Шельм. Де-то вже, будучы, не приказувала! Тамъ такого наговорыла, що за-ничъ замисць казкы и не переслухаєте.

Сквор. Что же такое? Говори, не мучь меня!

Шельм. А ось що казала: я ёго, каже, до смерти люблю, себъ то, будучы, васъ, ваше благородіе,—що, каже, хочъ я и видцуралася видъ копытана пры батюски и пры матусьци, такъ се, каже, неправда, брехня по нашому, а я такы ёго люблю, а на пана Лопуцька и дывытыся не хочу.

Сквор. Это что еще за лопуцекъ?

Шельм. Женыхъ до панночки, кажутъ, багатый та перебагатый. Оце тужъ-тужъ изъ старостами буде. Тамъ ихъ такъ дожидають: усю птыцю на птышны, будучы, поризали;

пань зъ паню, тее-то, усе сварютця: вона дивчатъ товче, а винъ хлопщивъ усюды протурюе. Увечери, кажутъ, и сватання замъютъ.

Сквор. Еще этой бѣды не доставало, чтобы сбоку явился женихъ! Ахъ, какое мое критическое положеніе!

Шельм. Та ще положенія не було ніякого, ваше благородіе! ще тилькы сватання; а мы швидче украдемо панночку, то покы тутъ страва поспе, а мы соби, будучы, звинчаемося и, тее-то, вернемося...

Сквор. Ахъ, если бы мнѣ увидѣться съ Присинькой! Спроворь мнѣ это какъ-нибудь...

Шельм. Та я вже и зпроворывъ. Тужъ-тужъ, сказала выбижить?

Сквор. Что же ты мнѣ о самомъ лучшемъ и не скажешь?

Шельм. Щобъ не стакъ, будучы, кортило. Э, дуръ на личча! Онъ вже и бижить. Поженыхайтеса жъ вы соби трошкы, а я постою на калавурі.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же и ПРИСИНЬКА.

Сквор. *(спѣшитъ къ ней навстрѣчу).* Ахъ, какое ты мнѣ доставляешь удовольствіе! *(цѣлуетъ ея руку).* Какъ я счастливъ, что еще вижу тебя... увѣряюсь въ любви твоей... и, можетъ быть, вижу тебя въ послѣдній разъ...

Прис. Совѣмъ же не въ послѣдній разъ; я какъ поклялася вамъ, что буду любить васъ вѣчно и что ни за кого не пойду, кромѣ васъ, то и сдержу слово.

Сквор. А ожидаемый женихъ?

Прис. Я объ немъ и не думаю и ни за что въ свѣтѣ не пойду за него. Моя машермеръ сказала...

Сквор. Милая Присинька! Я тебя просилъ не говорить по-французски.

Прис. Не буду, правъ, не буду. Отчего вамъ не хочется, чтобъ я говорила по-французски? Я очень хорошо говорю...

Сквор. Оттого-то я и прошу, чтобъ ты не говорила, потому что тебя учили не такъ, какъ должно, а отъ того ты и

всѣ подруги твои — не говорятъ, а коверкаютъ слова такъ, что знающій по-французски не пойметъ ничего, что вы говорите. Пожалуйста же, больше не говори. Читала ли ты мое письмо?

Прис. Оно не прямо дошло до меня; батинька его перехватилъ и прочиталъ мнѣ съ большими упреками до того, что я — не разсердитесь — принуждена была сказать, что я вовсе васъ не люблю и отказываюсь отъ васъ, а письмецо я таки тихонько схватила и оно у меня здѣсь.

Сквор. Стало, ты согласна на мое предложеніе?

Прис. *(съ смущеніемъ).* На... на какое?

Сквор. Бѣжать со мною и тайно обвѣнчаться.

Прис. Бѣжать!... Какъ это слово раздираетъ мою душу.

Сквор. Отъ чего же, моя милая Присинька! Ты вынуждена къ тому крайностью. Родители твои ни за что не соглашаются тебя выдать за меня; ты любишь меня и желала бы быть моею лучше, чѣмъ выйти за предлагаемаго тебѣ жениха. Не такъ ли?

Прис. Оно такъ, конечно, но...

Фен. Степ. *(показывается за дверями и подслушиваетъ).*

Шельм. *(подойдя къ нимъ).* Та здѣлайте мѣлость меньше говорить, а швидче дило кинчайте. Воно ось якъ: мы, будучы, поеднаемо попа, щобъ васъ извинчавъ, смеркомъ пидбжимо до хвиртки, що генъ-генъ биля загороды; я, будучы, буду тутечка-здеса и подамъ вамъ звистку, а вы, панночко, и чурхнитъ не оглядаючыся, та швидче до винця, а тамъ, тее-то, вже звисно...

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и ФЕННА СТЕПАНОВНА.

Фен. Степ. А что это такое?... Чему это ты научаешь?... Что у васъ за умыслы?... увозить мою дочь?... Не стыдно ли вамъ, Иванъ Семеновичъ, за нашу хлѣбъ-соль платить неблагодарностию?

Шельм. *(въ сторону).* Отъ и встереглыся видъ злои бабы! треба видбрикуватись.

Сквор. Одна сильная любовь къ вашей дочери извиняетъ меня въ такомъ рѣшительномъ намѣреніи.

Фен. Степ. Сильная любовь! Поэтому, какое бы вы намъ зло ни сдѣлали, такъ все будете отговариваться сильною любовью?

Шельм. Оттакъ пакы! писаніе глаголетъ: на вовка по-мовка. Самы, будучы, у усимъ выновати, та на любовь звертають. Хиба мы не знаемо?

Фен. Степ. А ты, плугъ, зачѣмъ мѣшаешься? Не ты ли тутъ давалъ совѣты, какъ уходить?

Шельм. (смѣется). Хе, хе, хе, хе! О бодай васъ! Ничого, будучы, не знаютъ, та и говорятъ.

Фен. Степ. Какъ ничего не знаю? Не ты ли здѣсь стоялъ?

Шельм. Стоявъ.

Фен. Степ. Не ты ли говорилъ, какъ смеркнетъ?..

Шельм. Казавъ.

Фен. Степ. Не ты ли говорилъ, что коляска подѣдетъ къ калиткѣ?..

Шельм. Говоривъ.

Фен. Степ. Не говорилъ ли ты, что когда будетъ все готово, такъ ты дашь знать Присинькѣ?..

Шельм. И стоявъ, и казавъ, и говоривъ. Такъ щожъ?

Фен. Степ. Такъ-то, что тебя прежде всего надобно проучить.

Шельм. Эге! воно й такъ, та трошки не такъ. Жалко мыни, що, будучи, не можна усѣго пры усихъ розказати. Осъ ходимъ, пани, удвохъ пидъ онъ ту яблуню, тамъ я вамъ, тее-то, щось розкажу.

Фен. Степ. Еще же онъ смѣетъ дурачить и на секреты звать! Вонъ, подлець, изъ моего саду и не смѣй ни здѣсь, ни во дворѣ показываться; велю дубьемъ прогонять. А вамъ, сударь, однажды навсегда сказано, что она вамъ не суженая. Оставьте насъ въ покоѣ и ее болѣе не смущайте; она уже почти сговорена за другого. И такъ, что было между вами, должно совсѣмъ прервать.

Прис. Маминька! я ни за кого не пойду, если не отдадите за Ивана Семеновича!

Сквор. Я умру при глазахъ вашихъ, если отдадите Присиньку другому!

Шельм. Колы не виддате за васъ, то й я, або, будучы, впоплюся, або, свить за очыма пиду.

Фен. Степ. Дураку туда и дорога! А васъ, сударь, еще прошу: оставьте насъ скорѣе; мужъ мой если увидитъ васъ здѣсь, то, не прогнѣвайтесь, нанесетъ вамъ большихъ неприятностей. Прися! иди домой; я тебя съ глазъ не спущу.

Сквор. Знай, Присинька, что ежели отвергнешъ мое предложеніе, то завтра же узнаешь о моей смерти! (уходитъ).

Шельм. Я й одлепортую.

Прис. О Боже мой! Кто меня наставитъ въ этомъ критическомъ положеніи! (плача идетъ къ дому).

Шельм. (проводя ея, тихо). Слушайте мене, то усе буде гараздъ. (Возвращается).

Фен. Степ. Ты зачѣмъ здѣсь остаешься? Вонъ, и ты.

Шельм. (кашляетъ громко). Кахы!... кахы!...

Фен. Степ. Онъ еще и раскашлялся! Вонъ, говорю я. Тебя недолго, велю и въ дубѣе принять.

Шельм. (подойдя къ дому, все кашляетъ). Та кахы бо!... кахы... кахы!... Аговъ!... кахы бо!...

Фен. Степ. Онъ меня бѣситъ своимъ кашлемъ. Убирайся вонъ, или я позову людей.

Шельм. Та кахы!... кахы!... кахы!... ажъ ось на сылу!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и Ш П А К Ъ.

Шпакъ. Что тутъ? А, это ты, Шельменко? Что тебѣ надобно?

Фен. Степ. Ему то надобно, что онъ здѣсь славныя дѣла завѣлъ. Вызвалъ Присиньку, да и свѣлъ ее съ капитаномъ и научилъ, какъ имъ уйти.

Шпакъ. Шельменко! Что я слышу?

Шельм. Те чуete, що пани вамъ говорить.

Шпакъ. Такъ ты уже и съ капитаномъ заодно?

Шельм. Та де вже вамъ, будучы, заодно; то такъ имъ тее-то, почулося.

Фен. Степ. Какое—почулося? Я прихожу, душечка, сюда, а они всѣ трое совѣтуются, какъ имъ Присиньку увезти, а онъ тутъ и распятыался. (Дразнитъ Шельменка): «пидбижымо, будучы, до хвиртки, та васъ, будучы, украдемо.» Какъ

я тутъ и отозвалася. Какъ же онъ поблѣднѣлъ, испугался, что его плутни открылись! А, не такъ ли? Что же ты молчишь?

Шельм. Мовчу (*въ сторону*), а описля и видѣрепущь.

Шпакъ. Что, Шельменко, не похоже ли это на мошенничество?

Шельм. (*утвердительно*). Похоже, ваше высокоблагородіе!

Шпакъ. Такъ прочь же съ глазъ моихъ, бездѣльникъ! Ты думалъ меня обмануть, взявши будто мою сторону противъ капитана, но не на того попалъ. Я сейчасъ увидѣлъ, что ты какъ литовскій цѣпъ—на обѣ стороны работаешь. Счастье твое, что всѣ люди въ домѣ заняты, ты бы дешево отсюда не вышелъ. Вонъ отсюда и не смѣй мнѣ на глаза показаться!

Шельм. (*печально*). Прощайте, ваше высокоблагородіе... Шасливо оставатьця... (*вдругъ зарыдалъ притворно и будто горько плачетъ*).

Шпакъ. Чего ты это разрюмался?

Шельм. (*все будто плача*). Жалко... такого, будучы, отца и родытеля... покидаты! Я думавъ вамъ щиро службыты, та...

Шпакъ. Да споткнулся, а?

Шельм. Не спотыкався, ваше благор... чы то пакъ: ваше высокоблагородіе, а йшовъ, будучы, прямисенько и усе, стало быть, робыть якъ лучше.

Фен. Степ. Хорошо—лучше, когда было совсѣмъ увезли Присиньку, если бы не я. Снажи, не правда ли моя?

Шельм. Та воно те, будучы, правда, та трешкы щербатенька, пани бунчученныхо!

Фен. Степ. Какъ щербатенька? Смѣешь такъ говорить? Вонъ отсюда!

Шпакъ. Постой, маточка, не горячися; прогнать всегда можно; послушаемъ, что онъ скажетъ въ свое оправданіе.

Фен. Степ. Что его слушать? Онъ наврѣтъ всякаго вздору и ему не должно вѣрить, когда я сама слышала.

Шельм. Та, пожалуй, вы чулы, що я тутечкы казавъ, та не булы, будучы, у мене у души, не знаете моеи думкы.

Фен. Степ. О, я знаю, что ты спишь и видишь, какъ бы своего капитана женить на Присинькѣ. Я все знаю.

Шельм. (*въ сторону*). Якъ разъ видгадала!

Шпакъ. Что же у тебя было на умѣ? Рассказывай да знай уже, что ты меня больше не проведешь и я тебѣ ни на волосъ не повѣрю.

Шельм. Чы мыни жъ, такому мызерному, та обмануты такого пана зъ такою головою? Не знаю! Такивськи й вы! А вже хочъ вирте, хочъ зовсимъ не вирте, а я якъ есть солдаты, присяжній чоловікъ, дожонъ усю правду сказагы. Якъ звелилы ваше высокоблагородіе мыни поглядаты, чы не вздрю, будучы, де копытана; отъ я й пидглядаю... Зырк! а воны и зыглыся, будучы, пидъ сією яблунею, тай почалы, тее-то, женихатыся. Мене такъ жалъ и узавъ, що такого мылого, та доброго пана, будучы, бунчуковенка, що зовсимъ, будучы сказать, на маѣра здаетця, та хто жъ обманюе? Тилкы що копытанъ! Гай, гай! Осъ я и пидйшовъ до ныхъ, та давай имъ, будучы, теревени правыгы, а самъ, тее-то, усе сылкуюся кахыкнуты, якъ змовлявся зъ вашимъ высокоблагородіемъ, усе сылкуюсь, усе сылкуюсь, щобъ кахыкнуты, и вже й самъ не тямлю, що имъ, будучы, брешу и тилкы що налагодывсен щобъ на увесъ садокъ, тее-то, кахы!... а тутъ паню и принесло на те. Отъ вона, будучы, и зчепылася зо мною; покы одвить давъ да впьять почавъ кахыкаты, а копытанъ и потягъ до лязу. Такъ отъ що, будучы, пани наробыла, а на мене пеня ушала... О горе мыни!

Шпакъ. Ахъ, маточка, что же вы это надѣлали? Помѣшали Шельменку выдать капитана руками! Всегда берегесе не за свое дѣло. Оставьте бы все молча, онъ бы славно все дѣло кончилъ.

Фен. Степ. Помилуйте меня, Кирило Петровичъ! Неужели бы вы хотѣли, чтобы ваша жена такая глупая была, чтобы позволила при себѣ сманивать свое рожденіе и слыша, какъ этотъ плутъ ее уговариваетъ, чтобы отошла молча?

Шпакъ. Точно было отойти молча. Вы не знаете, Феночка, этого челоуѣка...

Фен. Степ. Какъ не знать; это плутъ преестесвенный!

Шельм. (*въ сторону*). Якъ у воко улипыла. Мабуть вона видьма.

Шпакъ. Что правда, то правда: плутъ; но онъ взялся мнѣ помогать и, надѣюсь, капитана проучить.

Фен. Степ. Охъ, не вѣрьте ему, душечка; онъ даже и васъ проведетъ. Короче всего, прикажите его прогнать и чтобы онъ не смѣлъ и близко подходить къ нашему двору.

Шпакъ. Этого, маточка, нельзя сдѣлать; я съ нимъ веду противъ капитана интригу, слѣдовательно, Шельменко мнѣ нуженъ. А васъ, Фенночка, прощу, что не будете слышать или видѣть, не вмѣшивайтесь не въ свое дѣло.

Фен. Степ. Это преудивительные порядки выходятъ! У матери хотятъ похитить ея утробу, и она не должна мѣшать! Вы, Кирило Петровичъ, хотя и мужъ мой и въ десять разъ умнѣе меня, простой бабы, но я вамъ однажды навсегда скажу, что онъ васъ обманетъ, какъ дважды два — четыре. Не съ вашимъ умомъ этого не видѣть.

Шпакъ. Не съ вашимъ же умомъ, Фенна Степановна, дѣлать мнѣ наставленія. Я все предвидѣлъ, рассчиталъ, устроилъ и никому не вѣрю больше, какъ Шельменку. Идите, маточка, къ своему дѣлу и своимъ вмѣшиваніемъ не мѣшайте мнѣ...

Фен. Степ. Прекрасно!... Благодарю васъ, Кирило Петровичъ! Заслужила двадцатилѣтнею моею съ вами жизнію, угождая и покаяясь вамъ во всемъ, заслужила, что меня мѣняете на приплека, бродягу, мошенника, плута... Отъ вашего ума нельзя было ожидать такой мнѣ пощечины.

Шельм. (въ сторону). Кусь, кусь, кусь, кусь!

Шпакъ. Охъ, Фенна Степановна, пожалуйте, не досажайте мнѣ своею горячностью. Дайте мнѣ окончить, и тогда или сердитесь сколько вашей души угодно, или будете меня благодарить.

Фен. Степ. Я вамъ уже и такъ благодарна, дали мнѣ цѣну. Когда есть у васъ какіе замыслы, почему мнѣ не скажете, мнѣ, другу вашему по закону и по сердцу?

Шпакъ. Я дѣйствую осторожно; нужно, чтобы все было въ тайнѣ...

Фен. Степ. Такъ!... я стала у васъ и болтунья, и бессмысленна, и безтолкова... часъ-отъ-часу лучше. Благодарю васъ! Оставьте же себя съ Шельменкомъ... Заслужила честь... благодарю васъ... премного благодарю... (уходитъ въ большой досадъ).

Шельм. Росердылась, бачу, пани крипко.

Шпакъ. Ничего, пересердитесь да опять такая же будетъ. Мы разъ десять въ день ссоримся, да скоро миримся.

Шельм. А усе черезъ того копытана, бодай винъ счезъ! Я, ваше высокоблагородіе, будучы сказать, по простоти ось якъ розсуждаю: чипляетця винъ до вашей панянки? Згынь его голова, виддайте вже ии за нѣго; нехай и вамъ не докуча и соби жыве якъ ёму Богъ дастъ. Озьмите его у прыймы, та й мене зъ нымъ. Я бѣ бувъ у васъ, будучы, або управляющимъ надъ вотчынами, або що! Смажить ёму, нехай вже бере...

Шпакъ. Этого ты мнѣ не говори, никогда сего не будетъ. Во-первыхъ, у него кромѣ эполетовъ болѣе ничего нѣтъ, а вѣдь мечтаетъ какъ! Подлинно, на грошъ амуниціи, а на рубль амбиціи. А кто онъ? Скворцовъ. Можетъ быть, предокъ его торговалъ скворцами. А я Шпакъ и отъ Шпака происхожу. Когда одинъ ясновельможный гетманъ сидѣлъ у Ляховъ въ темницѣ, то мой родоначальникъ, изъ усердія, приходилъ къ темницѣ и подъ окошкомъ у него пѣлъ шпакомъ, въ чемъ онъ очень искусенъ былъ. По освобожденіи своемъ, гетманъ далъ ему большія маестности, шляхетство и гербъ съ изображеніемъ темничнаго окна и шпака съ разинутымъ ртомъ, то есть поющимъ. Такъ вотъ откуда произошелъ Шпакъ, а я отъ него въ прямой линіи, потомокъ.

Шельм. Такъ куды жѣ намъ до васъ ривнятыся! Якъ небо видъ земли. Якъ я сѣго, будучы, не знавъ, якого вы великого роду, такъ соби здурю й думаю, що вы шпакъ та й годи, ажъ ось воно, будучы, що!

Шпакъ. Ты себя предлагаешь въ управляющіе, развѣ ты смыслишь что по экономіи?

Шельм. Гмъ! Та чы е таке на свѣти дило, щобъ я его, будучы, не змыслывъ! Я-та бувъ соби попередъ та волоснымъ пысаремъ.

Шпакъ. А! вѣрно напроказилъ, что тебя въ солдаты отдали?

Шельм. О ни, ни, ей же-то Богу ни! У мене булы такыи порядки, що усе, будучы, завывувалы. Ажъ ось ишла команда; я якъ побачывъ ихъ муштру, та такъ и задрыжавъ, будучи, у службу. Що вже мене просылы усе паны, та й самъ губернаторъ: не ходы, Шельменко, зоставайся зъ нами. Такъ куды! Нихто не вдержыть. Знайшлы ликаря, будучы, пидмогорычили ёго, винъ каже: въ нѣго, тее-то, и чахотка, и халѣра,

зовсимъ немощный! А и такы, будучы, усихъ розипхавъ и ускочывъ такы у службу.

Шпакъ. Славной малой! Похвально усердіе. Но въ службѣ, я думаю, отвыкъ отъ хозяйства?

Шельмъ. Та де видвыкъ! Якбы мнѣ поручылы свою отчину, гай, гай! чога бѣ я, будучы, тутъ не зибравъ! Я вже бачу, якъ васъ прыказчыкы обкрадають и усе, тее-то, занатапають. А якбы въ мене: усе бѣ булы, будучы, гроши во всёго бравъ бы гроши, и тамъ гроши и скрызъ бы, будучы, гроши. Якъ бы пакъ прынялы копытана у прыньмы, то таке бѣ намъ було добро! Такъ кажете жѣ, що, будучы, не можна.

Шпакъ. Нѣтъ, объ этомъ уже и не вспоминай. А вотъ чѣмъ мнѣ послужи.

Шельмъ. А кажить, кажить. Усе для васъ зроблю.

Шпакъ. Есть у меня сосѣдъ, панъ Тпрунькевичъ...

Шельмъ. Осъ, що тутечка не далеко живе? Знаю, знаю.

Шпакъ. А у него одна дочь...

Шельмъ. Та й хороша жѣ! Ныначе граблямы уся тварь подряпана. А сердыта, такъ и миры нема.

Шпакъ. До невѣроятности зла, отецъ не знаетъ, что съ нею и дѣлать. И по дѣломъ ему, онъ мой первѣйшій врагъ. Уговори своего капитана, чтобъ онъ женился на ней: разскажи, что она и богата, добрая и разумная. Онъ тебя послушаетъ; ты вѣдь мастеръ балясы точить.

Шельмъ. Поздоровъ Боже дурнивъ, у усимъ мыни, будучы, вирють.

Шпакъ. Избавь меня отъ капитана чрезъ эту женитьбу.

Шельмъ. Се бѣ-то по пысанію: на тоби, небоже, що мыни не гоже (смыється).

Шпакъ. Вотъ ты умный человекъ, тотчасъ понялъ меня. Я съ паномъ Тпрунькевичемъ болѣе двадцати лѣтъ въ ссорѣ и терплю отъ него большія разоренія, такъ бы отомстилъ ему, навязавъ такого сахара, какъ твой капитанъ, и былъ бы спокоенъ насчетъ своей дочери; да и капитану удружилъ бы такимъ уродомъ. По дѣломъ было бы обоимъ. Постарайся-ка!

Шельмъ. Се такъ; ваша, будучы, ричъ, до дила. Нехай не брышкае. Io не io! Прыривнявся до пана Шпака! Добре оце жѣ вы здумалы; я ёго, будучы, заразъ одружу съ Тпрунькевичною.

Шпакъ. Ты увидишь, какъ я тебя за это поблагодарю. Приди сказать объ успѣхѣ (уходитъ).

Шельмъ. (одинъ). Зроблю, зроблю. Щобъ то мыни за неволя старатися!...

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ШЕЛЬМЕНКО и СКВОРЦОВЪ.

Сквор. Ахъ, ты бездѣльникъ!... Такъ-то ты меня выдаешь?

Шельмъ. Що бѣ-то якъ, ваше благородіе?

Сквор. Какъ же? Я здѣсь за деревьями всё слышалъ, какъ ты меня честилъ и обѣщалъ женить меня на какомъ-то уродѣ.

Шельмъ. Та се, ваше благородіе, була, будучы сказать, насмилка! Я вже пану Шпаку уподобавъ, що мы стали зъ нимъ дуже великыи приятели. Винъ бреше, а я, будучы, й ёго перебрешу, та такъ и подружылы. Я ёму уво всимъ пиддаюся, та такечы и зануздавъ его. Тужъ-тужъ, будучы, виддасть за насъ панночку.

Сквор. Не очень я надѣюсь на твои увѣренія; однакожъ, найди случай сказать барышнѣ, чтобы на одну минуту пришла къ пруду, я ее тамъ буду ожидать. Смотри же спроворь (уходитъ).

Шельмъ. (одинъ). Катъ васъ зна, за кымъ руку тягты? Не послухаты копытана, бытете—бытете по-военному, а помагаты копытану, то мій прятель, панъ Шпакъ, якъ пійма та якъ заиде у Харьковську губернію (показывая на правую щеку), а видтиль та у рожественський уяздъ (показывая на лѣвую щеку), та кынетця (хвативъ себя за волосы) у волосне правленые, та (нагнувшись къ землѣ) потягне у выжній земскый судъ, та нагодуе буханцями (показываетъ какъ будетъ бить по бокамъ), а дали на закуску ще товченками припоштуе, такъ тоди зовсимъ беда бидному Шельменку! Та вжежъ: не въ такихъ бувальцяхъ, будучы, бувавъ, та выкручувався, а тутъ кого треба—обдурю, та, по пысанію, скажу гошкы, якъ выскочу.

Дѣйствіе третье.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ОПЕЦКОВСКІЙ и ШПАКЪ сидятъ на скамьѣ.

Опецк. Нѣтъ, государь мой Кирило Петровичъ, нѣтъ; вы не съ той точки смотрите на европейскую политику; потому что въ разсужденіи реставраціи, дѣло Карлистовъ есть дѣло самое справедливое; и я давно говорю, зачѣмъ Европа дремлетъ? Всѣ должны вооружиться, всѣ, даже Турки и самъ Али-паша, и итти противъ Христиносовъ.

Шпакъ. Жаль, Осипъ Прокоповичъ, очень жаль; даже прискорбно, что вы это предпринимаете противъ бѣдныхъ Христиносовъ, а ихъ дѣла такъ хорошо идутъ. Въ № Московскихъ вѣдомостей прошедшаго года, на которомъ я остановился, Христиносы такъ славно разбили Карлистовъ! И хотя и сказано, что это еще требуетъ подтвержденія, но славное сраженіе выиграно.

Опецк. Удивляюсь вамъ, Кирило Петровичъ, какъ можно такъ читать газеты? Вы ихъ читаете по прошествіи года, когда уже, въ разсужденіи реставраціи, Европейская политика далеко уйдетъ и настоящее сдѣлается прошедшимъ.

Шпакъ. Читая по прошествіи года всѣ номера вмѣстѣ, я имѣю полное наслажденіе знать, чѣмъ какое обстоятельство кончится. Напримѣръ, кромѣ военныхъ сраженій, я люблю слѣдовать за семейными дѣлами Европы, и вотъ читаю, что такой-то принцъ женился; и пока вы, Осипъ Прокоповичъ, мучитесь десять мѣсяцевъ неизвѣстностью, я въ тотъ же вечеръ

узнаю, чѣмъ его молодая супруга разрѣшилася и какъ зовутъ новорожденное.

Опецк. Я слѣдую только за политическимъ равновѣсіемъ Европы, и сидя за моимъ бюро, ясно вижу, какъ, въ разсужденіи реставраціи, Англинскіе министры дѣйствуютъ совсѣмъ не впопадъ и часто противъ моихъ предположеній; но я ихъ иногда извиняю: они народъ коммерческой и смотрятъ на Европейскую политику совсѣмъ съ другой точки, нежели я. А до женитьбы принцовъ и рожденія ихъ дѣтей я вовсе не касаюсь; женись они на комъ хотятъ, у меня есть дѣла поважнѣе.

Шпакъ. О нѣтъ, это пріятно отгадывать. И я вамъ, Осипъ Прокоповичъ, расскажу пресмѣшной анекдотъ: мы были душевные пріатели съ Демьяномъ Омеляновичемъ Тпрунькевичемъ. Когда возвратились во Францію Бурбоны, я принялся сыскивать невѣсту герцогу Беррійскому и, по политическимъ видамъ, предназначалъ ему принцессу Австрійскую, какъ онъ женись на Неаполитанской! Я, по обычаю, ожидаю истеченія года, газетъ не читаю и не знаю ничего: какъ Тпрунькевичъ пріѣзжаетъ ко мнѣ, и долго подпучивая надо мною, объявилъ, что принцъ уже женился. Меня такъ и взорвало! Слово за слово, съ Тпрунькевичемъ разсорился, и вотъ съ 15 года въ непримиримой враждѣ. А какъ дѣло сосѣдское, то у насъ и завелись процессы. И вѣрите, Осипъ Прокоповичъ, или нѣтъ, а у меня съ нимъ въ одной гражданской палатѣ девять тяжбъ. Нанимаю повѣренныхъ, плачу расходы ужасные! Да вотъ еще и новое начинается: побилъ у меня тринадцать гусей, якобы они выбили у него десять десятинъ овса. Слыханное ли это дѣло! И такъ я ищу на немъ за самоуправство, а онъ отыскиваетъ за побой овса. Завтра будетъ большое слѣдствіе, чья возьмѣтъ. Но я напелъ чѣмъ дружку насолить; онъ у меня постраждетъ въ семействѣ: скоро-скоро черезъ дочь будетъ плакать.

Опецк. Конечно, несогласіе мнѣній, въ разсужденіи реставраціи, дѣло не бездѣльное. Меня въ подобную досаду приводятъ дѣла по Европейской политикѣ. Я, сидя за своимъ бюро, ясно вижу, что Европа худо раздѣлена, и удивляюсь, что никто этого не видитъ. Я имъ открою глаза; планъ мой готовъ, но нельзя его произвести, пока Карлисты не возвратятъ себѣ Мадрида.

Шпакъ. Скажите лучше, Осипъ Прокоповичъ, пока Карлисты не отнимутъ Христиносамъ принадлежащаго Мадрида.

Опецк. А почему онъ имъ принадлежитъ, позвольте спросить у васъ, Кирило Петровичъ?

Шпакъ. Потому, Осипъ Прокоповичъ, что Мадридъ столица, да еще и Гишпанская, а Христиносы Гишпанцы.

Опецк. Но Карлисты больше Гишпанцы, чѣмъ ваши Христиносы.

Шпакъ (*вскочивъ съ досадою*). Кто такъ думаетъ, тотъ дуракъ.

Опецк. (*также вскочивъ*). На чей вы это счетъ говорите, Кирило Петровичъ? Позвольте Васъ спросить.

Шпакъ (*съ большимъ жаромъ*). На счетъ тѣхъ дураковъ, которые говорятъ, что Карлисты болѣе Гишпанцы, нежели Христиносы.

Опецк. Я, я это говорю и говорю, что ваши Христиносы глушы, какъ меринсы; такъ по вашему и я дуракъ?

Шпакъ. Какъ вамъ угодно принимать, а я говорю, что тѣ дураки, которые мыслятъ подобно вамъ.

Опецк. Какъ вы можете, какъ смѣете меня ругать въ своемъ домѣ! Я вашъ гость и имѣю право на ваше уваженіе!

Шпакъ. Такъ вы, пріѣхавши въ гости, не заводите безпорядковъ, коихъ я терпѣть не могу. Какъ и вы смѣете поддерживать Карлистовъ, коихъ я ненавижу? Вы знаете, что я люблю правду и ни для чего въ свѣтѣ не сдѣлаю безчестнаго дѣла.

Опецк. Да развѣ я противъ правды иду? Мое мнѣніе сильное и справедливое... хмъ, хмъ! Счастіе ваше, что я не тѣмъ занятъ, я бы вамъ показалъ себя, пожаловавшись на васъ въ безчестіи; но, въ разсужденіи реставраціи, отложимъ споръ нашъ до другого времени. Теперь, Кирило Петровичъ, успокойтесь, и опять по-пріятельски поговоримъ о томъ, за чѣмъ я, не имѣвъ, до возвращенія моемъ изъ Петербурга, отъ васъ посвѣщенія, самъ прежде пріѣхалъ къ вамъ, и зачѣмъ просилъ васъ выйти въ садъ поговорить.

Шпакъ. Обо всемъ готовъ и могу говорить равнодушно, но не позволю порицать Христиносовъ.

Опецк. Отложимъ наблюденіе за Европейскою политикою и примемся за семейныя дѣла. Я предварялъ васъ, что привезу родственника моего, Тимофея Кондратьевича г-на Ло-

пуцьковскаго, въ женихи къ любезнѣйшей дочери вашей. Вы его видѣли, что же скажете?

Шпакъ (*все съ неудовольствіемъ*). Развѣ можно по наружности судить о достоинствѣ? Я мало что его видѣлъ, но долженъ знать, кто онъ и что имѣетъ?

Опецк. Ну, полно же горячиться, слушайте меня внимательно. Онъ службою своею не можетъ похвалиться чрезъ начальство, всегда его тѣснившее, но онъ въ отставку губернской секретарь, въ выборы идетъ, 575 душъ въ одномъ селѣ; а каковъ онъ...

Шпакъ. Фамилія его... Лопуцьковский... что-то... не изъ новыхъ ли?

Опецк. Помилуйте меня, Кирило Петровичъ, какой вамъ лучше фамиліи? Нѣтъ, эта фамилія у насъ изъ первыхъ: моя жена изъ этой фамиліи. А о умѣ и прочихъ его способностяхъ можете судить сами; вотъ онъ, какъ нарочно, къ намъ идетъ!..

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и ЛОПУЦЬКОВСКІЙ.

Шпакъ. Какъ вамъ кажется наше мѣстоположеніе, Тимофей Кондратьевичъ?

Лопуцьк. Это прелесть! Когда я въ 32-мъ году вояжировалъ изъ Чернигова въ Воронежъ, то, проѣзжая вашу деревню, любовался вашею природою и кое-что отмѣтилъ въ своемъ журналѣ.

Шпакъ. Вы ведете свой журналъ?

Лопуцьк. Ежедневно и со всею подробностью. Записываю, гдѣ былъ, что видѣлъ, слышалъ, съ кѣмъ что говорилъ и даже мыслилъ.

Шпакъ. Это должно быть, полезно?

Лопуцьк. Прелесть, какъ полезно! Вообразите, что во время моего вояжа въ Воронежъ, на обратномъ пути въ Черниговъ, я, заглянувъ въ мой журналъ, напередъ зналъ, гдѣ буду почевать и что найду къ ужину.

Шпакъ. Вы только къ Воронежю изводили путешествовать.

Лопуцк. Нѣтъ; я прежде проѣхалъ не къ Воронежу, а въ самый Воронежъ, на Дворянскую улицу, а потомъ уже выѣхалъ изъ Воронежа обратно въ Черниговъ. Туда я сдѣлалъ 645 верстъ и въ обратный путь столько же точно.

Шпакъ. Не по дѣламъ ли службы былъ вашъ вояжъ?

Лопуцк. Никакъ нѣтъ-съ; я на лицо никогда не служилъ, а вояжировалъ я— чтобы любоваться природою; я очень люблю природу, а особливо различную.

Шпакъ. Въ деревнѣ занимаетесь хозяйствомъ?

Лопуцк. Занимаюсь и устраиваю его по новой методѣ, слышанной мною отъ одного проѣзжаго на пути, когда я вояжировалъ въ Воронежъ. Метода очень хороша, но я ее не понималъ и часто сбиваюсь.

Шпакъ. Какъ великъ доходъ вы получаете?

Опецк. О, Тимофей Кондратьевичъ имѣетъ отлично устроенное хозяйство, такъ что, въ разсужденіи реставраціи, примѣняя состояніе нынѣшнее Европейской политики, то я... когда-нибудь яснѣе вамъ объясню.

Лопуцк. Одобренный лестными отзывами почтенныхъ сосѣдей, я хочу упрочить свое состояніе въ собственный свой родъ, и для того хочу послѣдовать великому закону священной природы...

Шпакъ. Какое же ваше намѣреніе, если можно открыть?

Лопуцк. О, конечно, можно и даже должно. Намѣреніе мое есть... то есть... послѣдовать природѣ... которая сама живетъ...

Опецк. Дозвольте мнѣ войти въ довольно затруднительное ваше положеніе и объяснять все дѣло. Когда въ Европейской политикѣ, въ разсужденіи реставраціи, замѣчена была шаткость, тогда въ англійскомъ парламентѣ не помню какой-то лордъ произнесъ сильную рѣчь, въ которой ясно доказалось что... что-то такое... не вспомню предмета рѣчи...

Шпакъ. Скажите только, въ какомъ № эта рѣчь напечатана и на какой страницѣ, то я ее тотчасъ найду и прочту самъ. Я охотнѣе читаю, нежели слушаю.

Лопуцк. Но, кажется, вы отстали отъ матеріи, къ невыгодъ моей.

Опецк. Я совсѣмъ не отсталъ, а только сдѣлалъ маленькій приступъ, какъ и должно въ каждомъ политическомъ пред-

метъ, потому что, въ разсужденіи реставраціи, не будетъ тогда политическаго равновѣсія.

Лопуцк. Я васъ прошу обоихъ поспѣшить моимъ дѣломъ: васъ—пересказать, а васъ—выслушать и скорѣе согласиться на мое желаніе.

Опецк. Кажется, я довольно объяснилъ.

Шпакъ. Какъ яснѣе не можно; я все понялъ.

Лопуцк. Слѣдовательно, что же я услышу?

Шпакъ. Съ моей стороны, я не могу ничего рѣшительнаго сказать. Каждый человѣкъ имѣетъ свое правило; мое такое: всѣ дѣла должно дѣлать въ послѣдующемъ порядкѣ; теперь я читаю газеты за весь прошедшій годъ и ничѣмъ постороннимъ не занимаюсь: окончивъ ихъ, я займусь вашимъ предложеніемъ.

Лопуцк. Мы, вояжеры, любимъ во всемъ спѣшить, дабы выиграть время, потому что на опытѣ извѣстно—время всего дороже, и потому я просилъ бы поспѣшить и въ рѣшеніи моей участи...

Шпакъ. Вотъ идетъ жена моя; мнѣ нужно знать ея мнѣніе.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же, ФЕННА СТЕПАНОВНА и АГРАФЕНА СЕМЕНОВНА.

Шпакъ. Время прекрасное! Вы очень хорошо вздумали, что вышли погулять въ садъ.

Агр. Сем. У насъ въ Петербургѣ въ это время обыкновенно прогуливаются... но это не Лѣтній садъ!... Ахъ, какая разница... *(отведя мужа, говоритъ ему тихо)*. Я замучена, мой другъ! Вообрази, что хозяйка меня и теперь также называетъ, какъ до моей поѣздки въ Петербургъ: Горпинка! Ахъ, какая малороссіянка!

Опецк. Но... обращаясь къ Европейской политикѣ, мы находимъ, что Англичане—впрочемъ, народъ коммерческій въ разсужденіи реставраціи, весьма часто, даже и королей своихъ, зовутъ полуименемъ.

Фен. Степ. *(между тѣмъ говорившая тихо со своимъ мужемъ)*. Помилуйте меня, Кирило Петровичъ! Я вамъ не

наудивляюся! И хотя вы меня сейчас убейте, такъ я не возьму въ толкъ: какъ можно человѣку съ вашимъ умомъ не обсудить, что замужествомъ дочери должно спѣшить? Развѣ хотите, чтобы мы на вѣкъ плакали? Съ чего вамъ вздумалось откладывать? Это Богъ знаетъ что!

Шпакъ. Но я думалъ, что для приличія..

Фен. Степ. Какія тутъ приличія, Богъ съ вами! Одумайтесь, или лучше никогда ни о чемъ не думайте; а то какъ станете обдумывать, такъ и испортите все дѣло. Это уже не впервые! Слѣдуйте лучше своему благоразумію, да вспомните и себя: съ перваго вашего слова батюшка и по рукамъ ударилъ.

Шпакъ. Такъ хорошо же, я его сведу съ Присинькою, пусть они объяснятся, какъ помните, и мы съ вами, маточка?

Фен. Степ. Да это не дурно. Однимъ словомъ, дѣйствуйте по вашему разуму.

Агр. Сем. Кирило Петровичъ! У васъ кромѣ этого сада нѣтъ ничего болѣе для гулянья?

Фен. Степ. Какъ нѣтъ? а помнишь, Горпинка, пасѣку, гдѣ мы съ тобой, еще какъ дѣвками были, въ бочечки качались?

Агр. Сем. Чрезъ столько лѣтъ, кажется, можно все забыть. У насъ въ Петербургѣ напротивъ: сколько мѣстъ, садовъ, острововъ, гдѣ можно прогуливаться!

Лопуцк. Когда я въ 32 году вояжировалъ изъ Чернигова въ Воронежъ, то на дорогѣ однажды, любуясь природою, нашель одно мѣсто для гулянья восхитительное, фениксъ, настоящій земной рай!

Агр. Сем. Но вѣрно всё не то, что у насъ въ Петербургѣ Невскій проспектъ! Ахъ, Невскій проспектъ!.. Я здѣсь даже подобнаго ничего не вижу.

Опецк. Петербургъ и тѣмъ хорошъ, что у васъ вся Европейская политика передъ глазами. Когда, бывало, я, сидя за своимъ бюро, обсужу, въ разсужденіи реставраціи, положеніе Европы и потомъ выйду въ кондитерскую, то напередъ уже знаю, что написано въ газетахъ и журналахъ.

Агр. Сем. Апрабѣ, Фенна Степановна, вы получаете какіе журналы?

Фен. Степ. Не знаю, душечка Горпинка. Я по экономіи ничего не знаю: гдѣ мнѣ бабѣ въ это вмѣшиваться! всѣмъ завѣдываетъ мужъ.

Шпакъ. Я получаю только Московскія вѣдомости и читаю ихъ по прошествіи года, за одинъ разъ. Журналовъ же не могу читать; тамъ вѣчно: продолженіе впрещъ,—и жди конца цѣлый мѣсяць.

Агр. Сем. Ахъ, какъ можно не читать журналовъ! Изъ нихъ бы вы узнали, что уже строжайше запрещено говорить и писать «сей и оный», и что даже и друзей нельзя называть полуименемъ. (*Тихо мужу*). Каково?

Опецк. Хотѣ бы въ Англинскомъ парламентѣ.

Агр. Сем. Какъ вы объ этомъ думаете, Фенна Степановна?

Фен. Степ. Я думаю, душечка Горпинка, что какъ-то умудряется свѣтъ все больше и больше, такъ что и Господи!

Агр. Сем. (*въ сторону*). Она и въ Петербургѣ не образовалась бы.

Лопуцк. Когда я вояжировалъ въ Воронежъ, то придумалъ, что мы напрасно зовемъ себя по имени и отечеству: ямщики зовутъ другъ-друга полуименемъ и не встрѣчаютъ замѣшательства.

Опецк. Европа, въ разсужденіи реставраціи, все зоветъ себя только по фамиліи.

Агр. Сем. Но мы, мой другъ, благодаря Бога, живемъ не въ Европѣ.

Опецк. О, конечно; у насъ вѣжливость совсѣмъ на другой степени. Въ послѣдній разъ бытности моей въ Петербургѣ..

Шпакъ. Развѣ вы не въ первый разъ нынче были въ Санктпетербургѣ?

Опецк. Н... н... нѣтъ, но... когда я теперь, то есть, въ послѣдній разъ былъ въ Петербургѣ, то похвалюсь вамъ насчетъ вѣжливаго со мною всѣхъ обращенія. Даже при знакомствѣ моемъ съ господами министрами...

Шпакъ. Такъ вы познакомились и съ господами министрами? Что, каково ихъ обращеніе съ нами, провинціалами?..

Опецк. О, превѣжливое, преласковое! Бывать я у нихъ, правда, не бывалъ, но, встрѣчаясь съ ними, свидѣтельство-валъ имъ свое почтеніе уважительнымъ, со снятіемъ шляпы, поклономъ; то вѣрите ли вы, Кирило Петровичъ, они мнѣ всегда вѣжливо откланивались, даже и не зная вовсе, кто я!

Фен. Степ. (*мужу*). Знаете, душечка, что? Чѣмъ намъ тутъ стоять и ничѣмъ не заниматься, такъ не приказать ли

сюда, для-ради скуки, подать чего-нибудь закусить? Яишницу, творогу со сметаной, цыплятъ жареныхъ, грибовъ на сковородѣ, да еще чего-нибудь?

Агр. Сем. Ахъ, моя милая Фенна Степановна! Еще часу нѣтъ, какъ мы отобѣдали. Какъ это можно?

Фен. Степ. И, душечка Горпинка, что за счеты! У насъ въ деревнѣ все свое, не купленное. Прикажете? тотчасъ готовить; у меня кухарка проворная, и горяченькое подадутъ. Такъ, перекусить пока до полдника.

Агр. Сем. Фи, какъ это можно? у насъ въ Петербургѣ даже и не ужинаютъ. Вотъ идутъ къ намъ дѣвицы, компанія наша умножится, да и Тимофѣю Кондратьевичу будетъ повеселѣе.

Лопуцк. Мы, вояжеры, должны привыкать къ одиночеству. Во время моего вояжа въ Воронежъ я и одинъ не скучалъ; правда, я тогда не былъ влюбленъ (*вздыхаетъ*).

Агр. Сем. А теперь?

Лопуцк. Ш-ш-ш-ш!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же, ПРИСИНЬКА и ЭВЖЕНИ.

Эвжени. Вотъ гдѣ наши машермеры! Мы васъ, машермеръ, искали по всему саду.

Агр. Сем. А мы сюда прямо вышли изъ дому.

Эвжени. Ахъ, машермеръ! сколько здѣсь прелестныхъ видовъ! Мы съ машеръ Присинькою нашли одно прероманическое мѣсто, тре сюпербъ! Въ одномъ романѣ я читала описаніе точнѣонько этого мѣста.

Агр. Сем. Какія здѣсь могутъ быть романическія мѣста! Посмотрѣла бы ты въ Петербургѣ; тамъ у насъ на каждой улицѣ вездѣ встрѣтишь романъ.

Фен. Степ. Надо думать, что это имя модное, когда вездѣ встрѣчается.

Агр. Сем. Ахъ нѣтъ, не то. (*Въ сторону*). Я съ ней терпяю всякое терпѣніе!.. (*Дочери*). У насъ въ Петербургѣ одинъ Невскій проспектъ стоитъ лучшаго романа въ четырехъ частяхъ. Здѣсь ты подобнаго никогда не увидишь!

Эвж. Пуркуа же вы меня не взяли съ собою?

Агр. Сем. Ты прошлаго года была еще такъ мала, а туда дѣтей не возятъ.

Шпакъ (*поговоривъ тихо съ женою, Опецьковскому*). Я нахожу приличнымъ оставить здѣсь молодыхъ людей изъясниться между собою. Предложите вашей супругѣ и дочери итти гулять, а вамъ не угодно ли со мною посмотрѣть мои овчарни?

Опецк. Потрудитесь, Фенна Степановна, похвастать моею женѣ вашимъ птичьимъ дворомъ, гдѣ кормятся эти жирные гуси, которыми вы насъ за обѣдомъ обкормили. А мы съ Кирилломъ Петровичемъ взглянемъ на его Гишпанскихъ овецъ и я, тутъ же, къ рѣчи, докажу ему, что, въ разсужденіи реставраціи, дѣйствія Карлистовъ правильнѣе, чѣмъ Христиносовъ.

Шпакъ. Послѣдствія покажутъ, что Христиносы въ военныхъ дѣйствіяхъ искуснѣе Карлистовъ. (*Между тѣмъ оба уходятъ*).

Агр. Сем. А вы, молодой человекъ, останьтесь при дѣвицахъ и оберегайте ихъ отъ всѣхъ неприятностей. (*Лопуцковскому тихо*). Мы васъ нарочно оставляемъ, даемъ вамъ случай объясниться. (*Дочери тихо*). Побудь съ ними немного и оставь ихъ однихъ. (*Феннѣ Степановнѣ*). Ну, моя милая Фенна Степановна, ведите меня, куда вамъ угодно.

Фен. Степ. Я васъ сначала поведу, гдѣ у меня доятъ коровъ, а потомъ—гдѣ запираютъ телятъ; потомъ осмотримъ куръ, гусей, утокъ, насѣдокъ, цыплятъ... (*уходятъ*).

Лопуцк. (*громко вздыхаетъ*).

Эвж. О чемъ вы, Тимофей Кондратьевичъ, вздыхаете, или о комъ?

Лопуцк. Ни о комъ и ни о чемъ; мнѣ ужасъ какъ жарко.

Прис. Такъ не угодно ли вамъ итти въ комнату отдохнуть?

Эвж. О нѣтъ, нѣтъ, не уходите. Я знаю, въ земѣ дю флѣръ; я сейчасъ нарву вамъ отличныхъ. Ресте юнъ пе испи. (*Присинькѣ*). Экспре.

Прис. Пойдемъ, вмѣстѣ нарвѣмъ.

Эвж. Нѣтъ, машеръ Присинька, ты побудь съ моншеромъ кузиномъ; я мигомъ ворочусь. (*Ей тихо*). Моя машермеръ приказала мнѣ оставить васъ однихъ. (*Напѣвая, уходитъ*).

Прис. (въ сторону). Что это такое? не для объясненія ли меня съ нимъ оставили?

Лопуцьк. (въ сторону). И такъ, мнѣ должно объясняться въ любви... попробуемъ (кашляетъ). Позвольте васъ обезпозвоить... воспросомъ, изволили ли вы быть въ Воронежѣ?

Прис. Нѣтъ-съ.

Лопуцьк. (подходя ближе). А... изволили ли быть въ Черниговѣ?

Прис. Нѣтъ-съ.

Лопуцьк. А я и тамъ былъ... (въ сторону). Что же мнѣ теперь говорить? Такъ вы, стало, нигдѣ не изволили быть.

Прис. Нигдѣ.

Лопуцьк. Это прелестъ, уливительно... А не изволите ли желать проѣздиться... туда... или оттуда?

Прис. Нѣтъ не желаю.

Лопуцьк. Такъ... можетъ быть... чего другого желаете?

Прис. Ничего не желаю.

Лопуцьк. (въ сторону). Отрѣжу прямо да и конецъ. (Ей). Позвольте васъ спросить: не изволите ли желать выйти замужъ?

Прис. Также нѣтъ.

Лопуцьк. А... если бы... за... за меня?

Прис. Также нѣтъ.

Лопуцьк. А... если бы я былъ въ васъ... влюбленъ?

Прис. Все также нѣтъ.

Лопуцьк. Какъ же это?... а родители ваши сказали мнѣ, что вы пойдете!

Прис. Родители могутъ мнѣ приказывать, но я буду плакать и молить, чтобы не губили меня и не дѣлали несчастною.

Лопуцьк. Да нечто я тиранъ, или не хорошъ собой, что вы за мною должны быть несчастною? Это ужасно слышать!

Прис. Не найду счастья, а этого уже много!

Лопуцьк. А почему же не найдете? Я вамъ доставлю все: поѣдемъ вояжировать въ Воронежъ...

Прис. Позвольте мнѣ такъ же прямо отвѣчать, какъ вы меня спрашиваете: вы мнѣ... не нравитесь.

Лопуцьк. Это, кажется, на отрѣзъ.

Прис. Прошу не сердиться за мою искренность.

Лопуцьк. Какъ не сердиться? Надо греснуть отъ досады. Это отказъ, отказъ! (Въ сторону). И уже пятнадцатая невѣста

отъязала. Это прелестъ какъ досадно! Пойду думать, что мнѣ въ такомъ положеніи дѣлать. (Присинькѣ). Прощай, непреклонная, навѣки! (Уходитъ).

Прис. (одна). Что-то мнѣ будетъ теперь? Хоть что хотять, а не пойду за него и ни за кого, если не за моего милаго Ваню... Ума не приложу, что мнѣ бѣдной дѣлать?

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

ПРИСИНЬКА и ЭВЖЕНИ.

Эвж. А что, машеръ Присинька, гдѣ же твой женихъ?

Прис. Какой женихъ?

Эвж. Мой моншеръ кузинъ. Онъ видно безъ объясненія ушелъ, оробѣлъ.

Прис. Нѣтъ, онъ все проговорилъ.

Эвж. Что же ты ему отвѣчала?

Прис. То, что чувствовала.

Эвж. И вѣрно отказала?

Прис. Кажется.

Эвж. Ахъ, какая же ты, машеръ! Пуркуа ты это сдѣлала? Твоя машермеръ будетъ сердиться.

Прис. Она этого ожидаетъ. Извѣстна причина, почему я за него не иду.

Эвж. А, вѣрно, ты, машеръ, юнъ пе амуре? Комса? Ахъ, открой мнѣ свою тайну!

Прис. Это уже не тайна, многіе знаютъ...

Эвж. Не засѣдатель ли, что къ намъ ѣздитъ? Такъ ты мнѣ риваль.

Прис. Будь покойна. Капитанъ Скворцовъ...

Эвж. Вотъ что у васъ стоитъ? А каковъ онъ собою?

Прис. Отличный, примѣрный изъ молодыхъ людей! и какъ онъ любитъ меня, и какъ я...

Эвж. Какъ досадно, что у насъ въ деревнѣ не стоятъ военные! И онъ уже открылся тебѣ?

Прис. И просилъ руки моей, но ему отказали.

Эвж. Почему?

Прис. Потому, что онъ бѣденъ.

Эвж. Что же вы предпринимаете?

Прис. Умереть, но не измѣнить другъ другу. Конечно, онъ спрашиваетъ меня бѣжать, но я на это никогда не рѣшусь.

Эвж. Ахъ, мамеръ Присинька, почему же не согласиться? Комъ се жолы: выходишь скрытно отъ всѣхъ чрезъ садъ, луна освѣщаетъ твой путь, ты дремлешь и гаешься всего; онъ выскакиваетъ изъ-за дерева, ты падаешь въ обморокъ и на его руки, онъ тебя безчувственную несетъ, сажаетъ въ коляску, вы скачете, вѣнчаетесь... Ахъ, какъ это весело! Я тебѣ даю монъ пароль, что если мнѣ кто предложитъ бѣжать, я тотчасъ согласусь и уйду.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же и АГРАФЕНА СЕМЕНОВНА.

Агр. Сем. Уфъ!.. задыхаюся совсѣмъ! Ну, на что это похоже, въ самый жаръ ходить такъ долго! Ничего не осталось, чтобы мы не пересмотрѣли: и куръ, и насѣдокъ, и все это въ ужасномъ одно отъ другого разстояніи! Нѣтъ, у насъ въ Петербургѣ этимъ не занимаются. Теперь пошла еще смотрѣть своихъ утятъ, но я уже не могла идти за нею, хотя, говорить тамъ большая тѣнь и можно бы отдохнуть.

Прис. Маменька моя большая охотница до всего этого и у нея все въ порядкѣ.

Агр. Сем. И пусть будетъ въ порядкѣ, но зачѣмъ же мучить другихъ, води такъ далеко и показывая всю эту гадость? Апрапо, объяснился ли съ вами Тимофей Кондратьичъ и какой отвѣтъ получилъ?

Эвж. Имажине, мамермеръ что моя мамеръ Присинька не можетъ выйти за моего кузина; но она имѣетъ къ тому сильную причину.

Агр. Сем. А, это вѣрно особенная любовь? Понимаю. У насъ въ Петербургѣ каждая хорошо воспитанная дѣвица, или и замужняя дама, имѣетъ особенную любовь. Въ обществѣ, къ которому я въ Петербургѣ принадлежала, это вообще принято.

Эвж. Ахъ, моя милая мамермеръ! уговорите ея мамермеръ, чтобы она не разлучила двухъ страстно любящихся сердецъ и пуркуа бы ихъ не соединить.

Агр. Сем. Но кто же это такой, кого она любить? Не предосудительно ли будетъ? Правда, и это нынче въ употребленіи.

Прис. О нѣтъ, нѣтъ! Я никогда не забуду, чѣмъ я обязана себѣ и родителямъ.

Эвж. Я бѣ вамъ въ короткихъ словахъ все рассказала, но вотъ идутъ наши моншерперы, а при нихъ нельзя.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же, ОПЕЦКОВСКІЙ и ШПАКЪ.

Шпакъ. Воля ваша, Осипъ Прокоповичъ, изъ чего вы это все заключаете? Министры королевы Христины всѣ пречумные люди; я изъ прошлогоднихъ газетъ видѣлъ, что они очень наблюдаютъ ея пользы.

Опецк. Изъ прошлогоднихъ газетъ! А вы того не знаете, Кирило Петровичъ, что всѣ эти умные министры суть карикатуры донъ... то есть... креатуры донъ Карлоса, и они запутываютъ королеву; это я, сидя за моимъ бюро, ясно вижу. Я удивляюсь вамъ, какъ можно читать газеты чрезъ годъ; и недѣлю не читавши, тотчасъ, въ разсужденіи реставраціи, упустишь нить Европейской политики. Стало быть, вамъ не извѣстно, что король Греческій женился и на комъ?

Шпакъ. Женился ли или нѣтъ, не знаю, но знаю на вѣрное, на комъ онъ женится.

Опецк. А на комъ бы, по вашему мнѣнію?

Шпакъ. Скажу и не ошибусь: на дочери Турецкаго султана.

Опецк. Это же отчего, Кирило Петровичъ?

Шпакъ. Онъ человекъ умный, Осипъ Прокоповичъ; онъ разочтеть, что симъ способомъ соединить двѣ враждующія державы; тутъ же христіанство... и все-таки очень выгодно.

Опецк. Какъ вы всегда смѣшно судите, Кирило Петровичъ!

Шпакъ. Пусть и смѣшно, Осипъ Прокоповичъ, но не глупо, какъ...

Опецк. Какъ это, Кирило Петровичъ? Не какъ я ли.

Шпакъ. Сами догадались.

Опецк. Вотъ вы опять на ссору. Женитьба короля Греческаго, въ разсужденіи реставраціи, дѣло не бездѣльное, и объ ней нельзя судить такъ легко, какъ вы судите. Позвольте мнѣ эту часть разумѣть больше; потому что я, сидя за моимъ бюро, ясно вижу, что торговыя сношенія съ Европою... то есть... въ разсужденіи реставраціи... какъ бы вамъ сказать... по равновѣсію Европы... нужно знать послѣдствія переговоровъ...

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

Тѣ же и ЛОПУЦЬКОВСКІЙ.

Лопуцк. Послѣдствія переговоровъ самыя непріятныя.

Опецк. Какъ и отъ чего?

Лопуцк. Потому, что кто никуда не вояжировалъ, тотъ смотритъ на насъ...

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ же и ФЕННА СТЕПАНОВНА.

Фен. Степ. *(еще за кулисами кричитъ).* Ой!... Ой!... помогите!... ратуйте!... кто въ Бога вѣруетъ! Защитите! *(выходитъ на сцену, блѣдная, испуганная. Мужъ и дочь бросаются къ ней).*

Прис. Маминька, что съ вами?

Шпакъ. Что съ вами, моя Фенночка?

Фен. Степ. Охъ!... насилу жива!

Агр. Сем. Это истерика. Скорѣе гофманскихъ капель, перья... У насъ въ Петербургѣ этимъ помогаютъ въ истерикѣ...

Фен. Степ. Какая къ чорту истерика! Я ее отъ роду не знала и понятія не имѣю... Пришлось было въ обморокъ падать, да не знала какъ люди падаютъ, хоть убейте не знала и не видѣла ни на комъ обморока, такъ я скорѣе сюда побѣжала... Охъ!

Шпакъ. Да отъ чего же вы, маточка, располагали было въ обморокъ упасть?

Фен. Степ. Охъ, душечка, Кирило Петровичъ!... Вы непременно должны вызвать капитана на поединокъ...

Шпакъ. Я?... его на поединокъ?... Что вамъ, маточка, это вздумалось посягать на жизнь мою?

Фен. Степ. Чтобъ отомстить за мою и за вашу честь... Вызовите его, душечка, непременно; а чтобъ онъ васъ не убилъ, такъ вы нарочито спрячьтесь подалѣе, а людей тамъ на мѣстѣ поставьте; онъ только что придетъ, а они чтобъ выскочили и чтобъ порядочно его приколотили.

Шпакъ. Да за что же?... Я все ничего не знаю.

Фен. Степ. Охъ, какіе вы, душечка, непонятные! Онъ обидѣлъ мою и вашу честь...

Шпакъ. Какъ это? расскажите, когда можно.

Фен. Степ. А вотъ какъ, просто, какъ обыкновенно обижаютъ честь. Я пошла посмотрѣть утенковъ на прудѣ, а тамъ такая тѣнь отъ густыхъ деревьевъ, что съ трудомъ можно разглядѣть... Вотъ я ничего не видала, хоть сейчасъ убейте меня, никого формально не видѣла, и только что переложила руку чрезъ плетень, чтобъ оттуда отпереть калитку, какъ вдругъ капитанъ.

Прис. Ахъ!

Шпакъ. Ну-те, капитанъ... и что онъ?

Фен. Степ. Сидѣлъ за плетнемъ въ кустахъ и черезъ плетень схватилъ...

Шпакъ. Ну-те, ну-те!

Фен. Степ. Схватилъ меня за руку и началъ страстно цѣловать... потомъ...

Шпакъ. Потомъ... Ну-те, маточка, ужъ дорѣзываете!...

Фен. Степ. Охъ!... языкъ не поворачивается договаривать. Вообразите, душечка, изъ-за плетня цѣлуетъ мою руку и потомъ... тѣфу!.. началъ говорить мнѣ любовныя рѣчи и такъ сладко улепалъ меня, чтобъ я съ нимъ бѣжала...

Шпакъ. Вы же, маточка, что на это?

Фен. Степ. Сами можете посудить, каково мнѣ было все это слушать. Благодаря Бога, во весь мой вѣкъ никто не объявлялъ мнѣ любви, и въ двадцать лѣтъ нашей супружеской жизни никто меня не привлекалъ къ невѣрности мужу, а тутъ такой молокососъ вздумалъ.

Эвж. *(тихо Присинькѣ).* Вѣрно, машеръ, это у тебя съ нимъ назначено было свиданіе?

Прис. Ахъ, такъ точно; онъ меня убѣждалъ притти къ пруду, но я все не рѣшалась.

Шпакъ. Что же вы, маточка, сдѣлали, какъ выслушали его любсвѣныя рѣчи?

Фен. Степ. У меня такъ и захватило духъ...

Эвж. Это обыкновенно бываетъ, когда слушаешь объявление любви.

Фен. Степ. Не могу кричать; онъ держитъ руку, не могу калитки отпереть; наконецъ, какъ-то собралась съ силою, руку вырвала, калитку отперла, крикнула и бросилась къ нему съ кулаками. Онъ тутъ какъ увидѣлъ уже меня, какъ закричить: ахъ, какъ я ошибся! и бросился...

Агр. Сем. Видно, знаетъ свѣтъ. У насъ въ Петербургѣ, въ подобныхъ случаяхъ, всегда такъ изворачиваются.

Шпакъ. На кого же онъ, маточка, потомъ бросился?

Фен. Степ. Бросился бѣжать, да не попалъ по дорожкѣ; а прыгнулъ въ прудъ и какъ разъ по это время! (*указываетъ по грудь*). Я такъ и обмерла!

Шпакъ. Отъ чего же вы, маточка, обмерли: отъ испугу или отъ жалости?

Фен. Степ. И отъ испугу и отъ жалости-таки.

Шпакъ. И отъ жалости? вотъ что.

Фен. Степ. Ахъ Боже мой, Кирило Петровичъ! Не подумайте чего худого. Жалость по человѣчеству, и ничего больше, хоть сейчасъ убейте, больше ничего. Я ужъ его и не видала, начала кричать не своимъ голосомъ и бросилась къ вамъ.

Опецк. Сравнивая теперешнее происшествіе съ ходомъ Европейской политики, я нахожу, что подобный изворотъ не новый. Когда англійскій министръ Питтъ вздумалъ, въ разсужденіи реставраціи въ... въ... вотъ не вспомню, въ которомъ это году... Тимофей Кондратьевичъ! Вы помните, въ которомъ это году?

Лопуцк. Это было въ 32 году, что я вояжировалъ изъ Чернигова въ Воронежъ и обратно...

Шпакъ. Я теперь понялъ, какъ это произошло. Тутъ есть ошибка. Капитанъ, условясь въ свиданіи и ожидая его, чуть увидѣлъ изъ-за плетня вашу ручку, Феночка, то и счелъ ее за Присину, съ которою у него, долженъ вамъ открытъ, большія лады.

Агр. Сем. А, а! такъ вотъ что!

Фен. Степ. Образумьтесь, Кирило Петровичъ, что вы? Я не наудивляюсь, какъ можно съ вашимъ умомъ такъ часто и легко ошибаться? Возможно ли, чтобы капитанъ не различилъ моей руки съ Присиною? Нѣтъ, его умыселъ на честь мою. Когда ему въ Присѣ отказали, такъ онъ, видно, въ меня влюбился.

Шпакъ. Говорите вы, маточка, что хотите, а оно точно такъ, какъ я говорю. Наконецъ, чтобы пресѣчь все это, я принялъ твердое намѣреніе успокоить насъ, а тебя, Присинька, проучить. Сего же дня сговариваю тебя съ Тимофеемъ Кондратьевичемъ, а васъ прошу вечеромъ на сговоръ. Сейчасъ зазываю всѣхъ сосѣдей. Конецъ дѣлу, и капитанъ останется въ дуракахъ.

Прис. О Боже, что я слышу!

Лопуцк. Ахъ, какъ я счастливъ буду! Тогда могу вояжировать вдвоемъ еще далѣе Воронежа.

Агр. Сем. Прекрасно вздумано. Ужо ввечеру вы увидите на мнѣ платье самой послѣдней моды, сущій антикъ.

Эвж. (*Присинькѣ*). Не грусти такъ, моя мащеръ Присинька! Развѣ это не великое утѣшеніе, что ты будешь замужемъ? Я, на твоёмъ мѣстѣ, все бы пѣла и скакала.

Опецк. Въ разсужденіи реставраціи, эта мѣра весьма близка къ той, которую иногда англійскіе министры предпринимаютъ...

Шпакъ. Вы, маточка, что такъ задумались? Согласны ли на мой планъ.

Фен. Степ. Выдумка ваша не глупо вздумана, только жаль, что я прежде этого не знала и не распорядилась съ ужиномъ; а гостей-таки много будетъ, надо ихъ принять и угостить; такъ я это и думаю объ ужинѣ.

Прис. Батенька и маменька! Сдѣлайте милость, не губите меня, не выдавайте за Тимофея Кондратьича! Я не пойду за капитана, когда онъ вамъ не угоденъ, да и ни за кого. Отпустите меня въ монастырь!

Лопуцк. Я не придумаю, отъ чего я вамъ такъ противенъ.

Фен. Степ. Съ чего ты вздумала отказываться, когда я уже всѣ блюда къ ужину придумала?

Шпакъ. Не бывать этому, вздоръ! Честь моя требуетъ

рѣшительной мѣры. Въ самомъ дѣлѣ, не на дуэль же мнѣ съ этимъ сорви-головой выходить! Отдамъ тебя другому, а капитану хоть волкомъ вой. Теперь негодно ли въ домъ къ чаю, а потомъ, когда прочіе гости подѣдутъ, тогда и сговоръ, и въ саду танцы и гулянье.

Агр. Сем. У насъ въ Петербургѣ всѣ такіе случаи обыкновенно происходятъ въ саду. Пойти къ туалету (*беретъ мужа и уходитъ*).

Прис. Что я должна дѣлать, несчастная!

Эвж. Чудно! идетъ замужъ и горюетъ! (*объ идутъ къ дому*).

Лопуцьк. По праву жениха, я долженъ находиться при невѣстѣ неотлучно (*идетъ за ними*).

Шпакъ. Теперь пойду писать зазывныя письма, пошлю за музыкантами и займусь иллюминаціею въ саду (*идетъ къ дому*).

Фен. Степ. Не оставляйте же меня, душечка, одной. Того и смотри, что капитанъ, увидѣвши меня одну, выскочитъ изъ-за кустовъ съ своею любовію. Долго ли до бѣды? Пропала тогда съ душой и тѣломъ! (*Спѣшитъ за мужемъ*).

Дѣйствіе четвертое.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

СКВОРЦОВЪ и ШЕЛЬМЕНКО *выходятъ съ разныхъ сторонъ.*

Свор. Гдѣ ты это пропадаешь? Я тебя жду больше часа. Успѣлъ ли что провѣдать?

Шельм. Усѣ узнавъ, ваше благородіе; усѣ благополучно и усѣ гараздъ.

Свор. Что же ты узналъ?

Шельм. Панночка и даче, мовъ на лотокахъ вода бижытъ.

Свор. Что же тутъ хорошаго? Чего же она плачетъ?

Шельм. Сѣгодня увечери ии просватають за того поганого паныча.

Свор. Пропали всѣ мои надежды!... Но бѣдная Приспынька плачетъ, видно, чувствуетъ свое несчастіе и рѣшительно не хочетъ итти за него.

Шельм. Ажъ трусытца, ваше благородіе, та, будучы, рѣшительно жала.

Свор. Что слышу!... ожидалъ ли я отъ нея такой перемѣны?... Но кто тебѣ сказалъ, что она охотно идетъ за другого, и отчего же она плачетъ?

Шельм. Мыни никто ничего не казавъ, затымъ 'що и шикого не бачывъ.

Свор. Съ чего же ты взялъ, что она охотно идетъ?

Шельм. Вистымо, ваше благородіе, яка-бъ то дивка, щобъ замижъ не хотила? А колы хоче, такъ, стало быть, буде плакаты. Нехай же не заплаче, то маты заразы ий потылыцю натовче. Такъ отъ я соби, будучы, догадывся: якъ чуте, що уве-

чери сватанья, а дивка вистымо, що хоче, такъ й приходытця и плакаты; такъ тее-то и видлепортувавъ, будучы, вашому благородію!

Сквор. Такъ это только твои глупые догадки; но что рассказываютъ люди?

Шельм. Ничогисенько не розказують.

Сквор. Ты, вѣрно, не заводилъ съ ними объ этомъ матеріи?

Шельм. Де то вже не заводывъ, ваше благородіе! Казавъ й про матери, и про кожухи, було тамъ и про вивци и про панночку, загынавъ й про бджолы, такъ аихто ни чычуркы! Уси жахаютця видъ насъ.

Сквор. Ты же имѣлъ тамъ какую-то любезную? Она должна бы тебѣ все передать.

Шельм. А, щобъ та любезна сказылась! Знаете що, ваше благородіе? Той женихъ, та, будучы, соби богатый; такъ и хлопци ёго, трясаця имъ! мають дещо, такъ до моеи Мотри та, тее-то, и пидсыпалы то моченыхъ кислычокъ, та горихивъ, такъ вона до ныхъ и распадетця, а мыни, якъ ничымъ ии поддобрты, такъ, будучы, плюе. Колы-бъ ваше благородіе, будучы, пожалувалы красну бумажку, або-що, такъ, для усякого росходу, то може-бъ вона и подобришала.

Сквор. Ведоръ, пустяки, можно и безъ того обойтись.

Шельм. Я ще, ваше благородіе, якъ ще, будучы, (*вздыхаетъ*) служывъ у земському суди, та чувавъ и видѣ членивъ; та й видѣ самого секлатаря, що буцимъ-то суха ложка ротъ дере.

Сквор. Перестанъ объ этомъ, а придумай, что мнѣ дѣлать пока есть возможность не допустить Лопуцковскаго владѣть моею Присею.

Шельм. (*размышляя*). Придуматы? Що бъ то прыдуматы... Дій ёго чести!... Э! Знаете що, ваше благородіе? Ось тутъ у садку, увечери, вони запють сватанья. Тамъ такый бенкетъ буде, що гай, гай! Штыцо патрають, локшыну крышуть, каганци гутують, щобъ по садку скрызъ выдко було. Такъ вы прыкажыть Усачову, будучы, запрягты нашу брычку, та й нехай дожыда бия гребли, а мы тутъ мижъ кушамы по рысидаемо. Якъ вони розгуляютця, та ще може пидуть у проходку по саду, а мы тутъ панночку хапъ! та до брычкы, та навтикача до шлюбу... и усе, тее-то, прочее. Нехай соби,

будучы, объ полы рукамы бьютця, а завтра, ничего робыты, самы запють весилля. Ось зробимъ лышень такъ, то й буде гараздъ.

Сквор. Я рѣшусь и на эту крайность. Останься здѣсь, къ тебѣ Шпакъ имѣеть довѣренность и не будетъ подозрѣвать тебя. Ты же проворь какъ можно; предвари Присиньку, чтобы она ничего не страшилась и, заговоривъ ее, доведи ее скрытно отъ всѣхъ до той яблони; я васъ буду тамъ ожидать. Ахъ, Шельменко! если ты успѣешь, то я не знаю, чѣмъ тебѣ благодарить! Все для тебя сдѣлаю.

Шельм. Мыни вже, ваше благородіе, колы вже кажете, що оставки даты не можна, такъ держитъ мене пры соби. Я вже видѣ васъ никуды не пиду.

Сквор. Ни въ чемъ тебѣ не откажу, если достигну своего благополучія. Смотри же, дѣйствуй умно и осторожно! (*Уходитъ. На театрѣ темнѣетъ*).

Шельм. (*одинъ*). Дивствуй!... проворь!... добре вамъ прыказуваты! Колыбъ васъ заставыты дивствуваты, выбъ не те сказалы! А тутъ вже звисно, Шельменкови беда! Колы не видсилль, такъ видтиль... Дывысь! бижяты сюды мои голубочки! Засяду та покы капытанъ, послухаю, що вони пащыкуваты-муть. (*Прячется въ кусты*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ПРИСИНЬКА, ЭВЖЕНИ и ШЕЛЬМЕНКО *спрятавшійся*.

Эвж. Сдѣлай милость, машеръ Присинька, не заходи далеко. Твоя машермеръ приказала тебѣ одѣваться къ сговору, а ты побѣжала сюда. Какъ она узнаеть, такъ достанется тебѣ.

Прис. Дай мнѣ въ послѣдній разъ взглянуть на тѣ мѣста, гдѣ я съ нимъ вмѣстѣ гуляла, говорила съ нимъ о нашей любви, слушала клятвы его... Милая Пазинька! пойдёмъ къ пруду, не дожидаетъ ли онъ тамъ меня; я хочу съ нимъ проститься, какъ долгъ велитъ, въ послѣдній разъ.

Эвж. О, къ пруду уже же ву засюръ, что не пуцу. Ву конесе свою машермеръ; она будетъ крѣико сердиться. Черезъ нѣсколько дней ты будешь замужемъ, свободна, тогда никто тебѣ не запретитъ съ нимъ видѣться... Ахъ, какъ ты счастлива!

Прис. Могу ли быть счастлива съ тѣмъ, кого не люблю?

Эвж. Ме кесесе, что не любишь? а все-таки будешь замужемъ. Лишь бы вырваться за-мужь, а любовь послѣднее дѣло; есть ли она между супругами, или нѣтъ, сет-эгаль. И безъ любви можно славно жить.

Прис. Я никогда не забуду моего Вани!

Эвж. Пуркуа и забывать? Выпедши замужь, пользуйся свободою, наряжайся, развѣзжай, веселись; а встрѣтилася съ прежнимъ дружкой, Ванею, вспомни прежнее и полюбися съ нимъ опять немного. Ахъ, какъ бы я умѣла жить!

Шельм. (въ сторону). Отъ добра! Що, якбы ии воля?

Прис. Какъ ты мнѣ совѣтуешь, милая Пазинька? я хочу еще въ послѣдній разъ просить батиньку и маминьку, чтобы не отдавали меня за этого несноснаго Лопуцьковскаго.

Эвж. Пуркуа бо онъ тебѣ не нравится?

Прис. Скажи лучше, что въ немъ можетъ нравиться? Не умѣетъ ни ходить, ни сидѣть, и какъ одѣтъ! Ни о чемъ не можетъ говорить, какъ только, что онъ вояжировалъ въ Воронежъ. Съ нимъ стыдно будетъ и въ люди показаться.

Эвж. А какая тебѣ до него нужда? Ты, выйдя замужь, будешь жить сама для себя. Ахъ, какъ я тебѣ завидую! Чортъ знаетъ, когда я дождусь къ себѣ жениха! Какой первой случится, за того и пойду. Жеву при тебя машеръ, не упрямясь, выходи скорѣе.

Прис. Если просьбы ничего не помогутъ и меня будутъ насильно выдавать, то я и при сговорѣ, и при вѣнцѣ буду кричать, что я не хочу за Лопуцьковскаго. Если не за Скворцова, то и ни за кого не хочу.

Эвж. За него же тебя не отдають. Ну анфень, уйди съ нимъ.

Шельм. (въ сторону). Опе розумне слово сказала!

Прис. Ни за что на свѣтъ не сдѣлаю этого! Я очень много чувствую, понимаю, но не умѣю выразить, что не хорошо итти противъ воли родителей во всякомъ случаѣ, а особливо въ такомъ важномъ.

Эвж. Ну, такъ я тебя не понимаю: уходить не хочешь, и замужь итти не хочешь, потому что жаль оставить своего милаго дружка. Брось его, забудь, когда уже нельзя быть за нимъ.

Шельм. (въ сторону). А щобъ ты на симъ слови пода-
вылася!

Прис. Жаль мнѣ, что не могу высказать тебѣ всего, какъ я понимаю о всѣхъ твоихъ предложеніяхъ, и почему они нейдуть ни мнѣ, ни всякой дѣвицѣ. Ты больше моего училася въ пансіонѣ и больше знаешь; но я, какъ не ученая, можетъ быть, и ошибаюсь, но вижу, что ты какъ то не такъ говоришь, какъ должно.

Шельм. (въ сторону разглядывая). Генъ, генъ и копи-
танъ. Давай его сюды. (Уходитъ).

Эвж. Я говорю то, что слышала отъ другихъ и сходно съ моими чувствами, и въ вере, что я таки урвусь замужь, буду жить по своей волѣ и буду счастлива; а ты просидишь пѣлый вѣкъ въ дѣвкахъ, развѣ помрутъ твои родители или образумишься и уйдешь съ своимъ Ванею.

Прис. Не накажи меня Богъ первымъ, а на послѣднее, противъ ихъ воли, я никогда не рѣшусь.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же, СКВОРЦОВЪ и ШЕЛЬМЕНКО.

Сквор. (бросаясь къ Присинькѣ). Наконецъ, обожаемая Присинька, имѣю неизъяснимое наслажденіе видѣть тебя, говорить съ тобою, цѣловать твою милую ручку... Но зачѣмъ ее отнимаешь? Это, вѣрно, другъ твой и ей извѣстна взаимная наша любовь?...

Прис. Я не могу уже быть вашею; слѣдовательно...

Эвж. (будто въ сторону, но старается, чтобы ее слышали). Иле тре боку агреабль, иле бонъ!

Прис. Оставьте меня, забудьте меня, Иванъ Семеновичъ... будьте счастливы...

Сквор. Могу ли быть счастливъ безъ тебя? Ты зчаешь, какъ я люблю?

Эвж. Мой совѣтъ: не итти ей противъ воли своихъ моншерпера и машермеры, и согласиться на выборъ ихъ...

Сквор. А мнѣ умереть?

Эвж. Пуркуа же умирать? Вы изберите себѣ подругу, которая бы васъ также любила...

Шельм. (въ сторону). На догадъ бурякивъ... гмъ!

Эвж. Имѣла бы достоинства...

Шельм. (въ сторону). Такъ ты бо не така богата.

Сквор. Можетъ ли другая замѣнить ее въ моемъ сердцѣ?

Эвж. Ожурдви па занкоръ, и дедею все уладится.

Сквор. Не могу ничего понять! Одно средство быть намъ счастливыми, и я умоляю тебя согласиться на него...

Эвж. Какое же это?

Сквор. Ѣхать со мною въ ближнюю деревню, гдѣ у меня все улажено, и мы черезъ часъ возвратимся супругами... Умоляю тебя, другъ мой, рѣшись!...

Прис. Ахъ, не напоминай мнѣ объ этомъ!

Эвж. Да, и это довольно романически. Согласися, моя эмабль Присинька! Это приключеніе надѣляетъ много шуму и на долгое время займетъ всѣхъ...

Прис. И навлечетъ на меня проклятіе родителей!

Эвж. Поклянутъ, поклянутъ, да какъ нечѣмъ будетъ перемѣнить, такъ и простятъ поневолѣ: вѣдь ты у нихъ одна.

Прис. Потому-то и должна ихъ радовать, а не наносить имъ огорченій...

Сквор. Конечно, въ первомъ гнѣвѣ они будутъ неумолимы; но безпрестанныя исканія наши, просьбы, слезы... притомъ же, когда увидятъ, что мы, страстно любя другъ друга, скорбимъ о ихъ гнѣвѣ, то навѣрное смягчатся и возвратятъ любовь свою...

Прис. А до того что со мною будетъ? Я умру, видя ихъ гнѣвъ!...

Эвж. Боку пустяковъ и больше ничего, моя ма белъ Присинька! Ты таки уйди, и ты будешь счастлива съ такимъ жоли офицеромъ. Не смотрите на нее, мосье де капитанъ; когда у васъ все готово, ведите ее къ коляскѣ; я ее провожу...

Сквор. Въ горестномъ моемъ положеніи, я долженъ рѣшиться на эту крайность. Пойдемъ, обожаемая Присинька!...

Прис. Нѣтъ... нѣтъ... ни за что!

Сквор. Черезъ нѣсколько минутъ мы будемъ на вѣкъ разлучены. Ты будешь невѣстою другого и услышишь о смерти моей!

Прис. Боже, что мнѣ дѣлать въ такой крайности! Я умру, если навлеку гнѣвъ родителей... умру, если лишусь тебя...

Ахъ, на что мнѣ рѣшиться? Насъ остановятъ... меня возьмутъ... и... я погибла!

Эвж. Ничего, машеръ, не бойся; никто не увидитъ и не узнаетъ; я запрусь въ твоей комнатѣ и же дуре, что тебя убираю къ сговору... Идите же скорѣе, чтобы вамъ не помѣшали... Ахъ, какъ это интересно, что я участвовала въ этой интригѣ! Вся слава отнесется ко мнѣ. (Она старается вести Присиньку, которая, ломая руки, плачетъ, противится ей и Скворцову, также ведущему ее. Шельменко суетится около нихъ и, разглядывая вездѣ, знаками убѣждаетъ, чтобы спѣшили. На сценѣ довольно темно).

Сквор. Я обязанъ буду вѣчною вамъ благодарностію за участие ваше. Если откроется надобность служить вамъ при вашемъ замужествѣ...

Эвж. Ахъ, когда уже это случится? Ведите же ее, мосье офицеръ, съ вашимъ слугою, а я побѣгу домой, чтобы не замѣтили нашего отсутствія. Прощай, машеръ Присинька! Желаю тебѣ теперь успѣха, а потомъ благополучія (цѣлуетъ ее). Ахъ, она безъ чувствъ! Моншеръ офицеръ, закутайте ее во что-нибудь и ведите ее хотя противъ воли.

Сквор. Шельменко, подай сюда, что тамъ есть.

Шельм. Та що жъ тутъ е; тильки шынеля та фуражка...

Сквор. Подай, подай скорѣе! (Окутываетъ шинелью безчувственную Присиньку и надѣваетъ на нее фуражку).

Эвж. Ахъ, какъ она интересна въ этомъ костюмѣ! Точно будто молодой юнкеръ. Ахъ, какъ интересно уходить! Отправляйтесь же, оканчивайте все и спѣшите обратно. Болѣе двухъ часовъ мнѣ нельзя скрывать. О ревуаръ! (Убѣгаетъ къ дому).

Сквор. (Присинькѣ, лежащей у него на рукахъ безъ чувствъ). Другъ мой... Умоляю тебя, приди въ себя... Поспѣшимъ, время дорого!...

Шельм. (съ другой стороны, также поддерживая ее). Ну-те бо, панночко, прочуняйте швидче, та навтикача.

Прис. Ни за что въ свѣтъ!.. пустите меня!..

Сквор. Уже не можно оставить, дѣло начато...

Шельм. Мертвого зъ гробу не ворочаютъ. Почалы, такъ, будучи, треба дило кинчаты. Якъ закінчаемо, тее-то, зовсимъ, тоди й тустымо. Ну-те жъ ходитъ. (Хотятъ вести ее противъ воли, вдругъ Шельменко въ испугъ оставляетъ ее).

Отъ и устереглись!... Отъ теперь беда! (*Мечется во все стороны. На сценѣ совершенно темно.*)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СКВОРЦОВЪ въ большомъ замѣшательствѣ, поддерживая слабую ПРИСИНЬКУ, ШЕЛЬМЕНКО въ испугъ бросается во все стороны, ШПАКЪ выходитъ въ задумчивости.

Шпакъ. Терпѣнія недостааетъ, слыша безпрестанныя одобренія проклятымъ Карлистамъ!.. Что ему сдѣлали Христиносы?... Если бы не сговоръ дочери, я бы ему на-прямки отпѣлъ и разорвалъ бы знакомство. Чтобы избавиться отъ неприятныхъ его толковъ, вышелъ въ садъ распорядить иллюминацію. Да вотъ, кажется, и рабочіе здѣсь... (*присматриваясь*). Кто здѣсь?... Потань, это ты?... Что не отвѣчаешь?... Кто здѣсь?... (*идетъ и наткнувшись на Шельменка*). Отвѣчай мнѣ, кто ты? (*держитъ его*).

Шельм. (*жестко испугавшись*). Та се... се не я...

Шпакъ. Да кто ты такой? говори!

Шельм. Се мабудь... собака... або-що.

Шпакъ. А! это Шельменко!... По твоей шуткѣ узналъ тебя.

Шельм. (*въ сторону*). Хороши шутки, що й самъ себе не тямлю та дрыжакы имъ. (*Скворцову тихо*). Не пускайте ихъ; я видбрешусь.

Шпакъ. Съ кѣмъ ты здѣсь?

Шельм. Та то такъ; то, будучи, никто.

Шпакъ. Какъ, никто?... вижу, что человекъ. Не Мотря ли, а?

Шельм. Та такъ... знаете... тутъ мы собі... тее-то... собі...

Шпакъ. Охъ нѣтъ, это не Мотря, тутъ двое... кажется мужчины... Ахъ, не капитанъ ли здѣсь?... Ты что-то смѣшанъ... Такъ точно, что-то военное.

Шельм. (*все отводя его по дальѣ*). Знаете, ваше благор... чы то пакъ: ваше высокоблагородіе! то прійшли до мене, знаете, подмываютъ мене, будучи, на вечерницы.

Шпакъ. Что же они за люди?

Шельм. Та наши такы, салдаты. Отто выпчій, будучи, Иванъ Бойчакъ, а то другій, тее-те, другій? то Хома Плакунъ. Знаете шо, ваше высокоблагородіе; ось гримнить на нихъ, щобъ выйшли зъ вашего садка; чого вони тутъ пляютця? ю не ю!

Шпакъ. И они, а больше ты мнѣ подозрителенъ съ твоимъ замѣшательствомъ. Я все думаю, что это капитанъ.

Шельм. Та де вамъ копытанъ! Винъ дома и доси хропе на уси заставкы.

Шпакъ. А вотъ я увѣрюся. (*Подходитъ къ Скворцову. Скворцовъ, видя приближающагося Шпака, зослоняетъ дрожачую Присиньку, не выпуская ее изъ рукъ*).

Шельм. (*замѣтивъ это, брасается между ними и, говоря, удаляетъ опять Шпака*). Та не руште, не руште. Ось идить сюды, я вамъ щось скажу.

Прис. (*тихо Скворцову*). Теперь я должна открыться. Батинька подозрѣваетъ...

Сквор. Другъ мой!... еще немного терпѣнія. Онъ скоро уйдетъ...

Шельм. (*оставивъ говорить со Шпакомъ, брасается къ нимъ*). Та будте ласкавы, ни чычыркь! (*самъ съ собою*). Але не вудумаю, якъ й видбрехатыся.

Шпакъ (*схвативъ его, трясетъ*). Да что ты все юлишь и сюды и туды! Говори мнѣ сейчасъ: капитанъ ли это, или кто? Говори, или удушю тебя, бездѣльникъ!

Шельм. (*дрожая*). Та такъ... бездѣльникъ... будучи, то копытанъ... ей же то Богу, шо то копытанъ, тилькы пустить...

Сквор. (*тихо*). Ахъ, предатель!

Шпакъ (*продолжая его трясти*). Съ кѣмъ онъ это? Говори!...

Шельм. (*стараясь однако жъ не кричать*). Ой... ой... ой... лышечко!... до суду, до вику не буду... Ратуйте! хто въ Бога вируе... Ой... усю жъ правду скажу; то винъ... винъ зъ панянкою...

Сквор. (*тихо*). Все кончилось!... о злодѣй! (*рѣшается подойти къ Шпаку*).

Шпакъ. Такъ этакія дѣла за вами? А? Вотъ поймай мнѣ капитана, ато кликну людей.

Шельм. (*все машетъ Скворцову, чтобы былъ покоенъ*). Та не гомонить бо, а ось послушайте мене лышень...

Шпакъ. Тогда выслушаю, когда схватишь капитана. Лови его! *(въ сторону)*. Я и самъ бы бросился, но вѣрно онъ при шпагѣ; боюсь.

Шельм. Чы знаете жъ вы, зъ якою вишь панночкою?

Шпакъ. Какъ не знать? съ моею дочерью.

Шельм. Эге! такъ, та, будучы, трошки не такъ. Адаже вы казали, щобъ его, тее-то, оженыты на дочки вашего сусиды, будучи, пана Тпрунькевича...

Шпакъ. Ну, такъ что?

Шельм. Ну, отъ я, будучу, и навивъ дило на ладъ та й пишовъ старостою, такъ де! ни прыступу! Такъ мы що робыты; повернувшись, мы оце, будучы, узялы, та й вкралы дивку ..

Шпакъ. Неужели? Ай да молодцы! сполать! Такъ это она съ капитаномъ?

Шельм. Вона, ваше высокоблагородіе! Оце бъ то, будучы, ихаты та винець прыняты...

Шпакъ. Такъ за чѣмъ же дѣло стало?

Шельм. Будучы, пручаетця, валпе высокоблагородіе! Звисно, первына, дали не те буде.

Шпакъ. Отчего же она не рѣшается?

Шельм. Бачыте, що каже, безъ благословенія якъ я, каже, у винець уступлю? Ваше высокоблагородіе! осмилюсь просытъ: будучы, будте ий якъ отецъ и родытель! Благословить ий на винець зъ копытаномъ.

Шпакъ. Съ большимъ удовольствіемъ *(въ сторону)*. Какой прекрасный случай отмститъ моему врагу! *(Присинькѣ)*. Послушай меня, сударыня! *(Шельменко все между ними и старается, чтобы Шпакъ не подходилъ близко къ дочери)*. Не бойтеся меня. Я знаю о вашемъ намѣреніи, одобряю его и требую, чтобы вы немедленно ѣхали съ капитаномъ и скорѣ бы обвѣнчались.

Шельм. Що-то за добродетельный чоловікъ ёго высокоблагородіе, панъ Шпакъ лунчуковенко.

Сквор. *(тихо Присинькѣ)*. Неужели ты еще будешь сомнѣваться? Пойдемъ скорѣ, ты получила родительское благословеніе.

Прис. Но это все обманомъ...

Шельм. Та якимъ обманомъ; се спражня правда.

Прис. Испросите же мнѣ поцѣловать руку его!

Шельм. *(Шпаку)*. Бачыте, якъ вона васъ шануе! Дайте, каже, ручку свою поцелуваты. Ну-те жъ, давайте швиденько. Та здалеку, здалеку; будучы, не злякайте ий. А протягните кете до насъ вашу мылую ручку. *(Беретъ руку Шпака и протягиваетъ ее къ Присинькѣ, которую подводитъ Скворцовъ)*. Пидійдите, панночко, до пана Шпака, та й поцелуйте его у руку, на благословеніе. Що за приподобная душа! Таки настоящий батько и отецъ ридный! *(Присинька бросаюся на колѣни, съ жаромъ цѣлуетъ руку отца)*.

Шпакъ. Именемъ отца твоего, благословляю тебя, любезное дитя! Соединись съ нимъ скорѣ и будь счастлива. *(Присинька встаетъ)*.

Шельм. Що за премудры слова говорить панъ Шпакъ!... и пидъ ризкамы такъ не плакавъ, якъ мене оце слѣзы прыняли! *(въ сторону)*. Отъ хыба у дурни пошылы!

Шпакъ *(все присматриваясь)*. Ба! да вы ее по военному приодѣли? Славно, славно! Никто и не узнаеть.

Шельм. Та хочъ батько ридный побачыть, такъ не пизна ий.

Шпакъ. Чтобы еще болѣе увѣрить васъ въ удовольствіи отъ вашей женитьбы, такъ вотъ что: отъ вѣнца, прямо ко мнѣ, сюда же въ садъ, и мы тутъ отпразднуемъ свадьбу; смотрите же, сюда ко мнѣ. Встрѣчу васъ съ распростертыми объятіями и обниму какъ сына...

Сквор. *(въ восторгѣ, обнявъ его)*. Любите меня какъ сына! Спѣшу къ моему счастью... *(уводитъ Присиньку. Шельменко провожаетъ ихъ)*.

Шпакъ *(одинъ)*. Вотъ славная штука! Какъ мнѣ удалось отмститъ моимъ злодѣямъ! Вотъ это тебѣ, г. Тпрунькевичъ, тѣ гуся, что ты у меня побилъ! Вотъ это тебѣ, г. капитанъ, твои куры съ моею дочерью! Поздравляю невѣсту съ женихомъ сорванцомъ, а жениха съ невѣстою фуриєю! Тѣшься ими, Тпрунькевичъ!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ШПАКЪ и ШЕЛЬМЕНКО.

Шельм. *(вытянувшись)*. Лепортую вашему высокоблагородію, у батька дочку вкралы справно! *(смѣется)*.

Шпакъ. То ужъ лихо смастерили; молодцы! А много таки и я вамъ помогъ.

Шельм. А яже? Безъ васъ бы, будучы, и ладу бь не було.

Шпакъ. Что жь отецъ? Скоро ли хватился дочери?

Шельм. Та де вамъ хватився! Дочку вже тее-то, и помчалы, а батько роспустывъ уха, та й слуха мой теревени, що я ёму, будучы, розказую, отъ якъ и передъ вапимъ здоровьямъ.

Шпакъ. Экой фофанъ! не догадывается! *(Смѣется).*

Шельм. Тамъ такой хвоханъ, ваше высокоблагородіе, що ничого и не замича, та туды жь сміетця. *(Смѣется).*

Шпакъ. Охъ вы военные! Лихой народъ! Признайся: не впервые тебѣ такъ проказить?

Шельм. Та якъ у первое!... Разъ украды дивку та й незнаемо, що зъ нею, стало быть, робыты; а ботько ии, пырь! намъ у вичы и не пизнавъ дочкы. Мы, будучы, и заходывыся коло нѣго, та такъ ёго одурылы, що сердешный и поблагословывъ дочку, тее-то, уतिकаты и самъ выпровожавъ. *(Хохочетъ).*

Шпакъ *(также хохочетъ).* Охъ! полно, полно!... Бока болять отъ смѣху... Экой дуралей!

Шельм. *(продолжая смѣяться).* Та такой, ваше высокоблагородіе, дуралей... що я такого, будучы, зъ роду у перше бачу. *(Смѣется).* О бодай васъ!

Шпакъ. Пойдемъ же готовить, какъ встрѣчать молодыхъ; а потомъ сдѣлаю сговоръ своей дочери. *(Пошелъ было и воротился хохоча).* Не могу вспомнить про твои разказы, такъ... и... и... хохочу. *(Уходитъ).*

Шельм. Отъ хйба Шпакъ, такъ Шпакъ! Чы бачывъ хто такого дурня? *(Смѣется).*

Дѣйствіе пятое.

Все тотъ же садъ; подъ деревьями въ разныхъ мѣстахъ поставлены треугольники, уставленные плоскими, а нѣкоторыя деревья увѣшаны цвѣтными фонарями. Все безъ порядка и вкуса.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Мужчины и женщины дворни Шпаковой, въ разныхъ одѣжкахъ, разставляютъ и зажигаютъ плоски и фонари. Посль приходитъ ключница.

Лакей. Ну-те бо, братцы, проворнѣе. Намъ еще и въ горницахъ много дѣла: столъ готовить.

Кучеръ. Да и задаетъ же нашъ панъ пиръ, на весь мѣръ! Радъ, что дочку просваталъ.

Женщина. Сегодня паны гуляютъ, а завтра намъ дадутъ погулять, чтобъ знали сватанье панночки.

Кучеръ. О! да и напьюся же я завтра здорово!

Ключница *(пришла).* Ну-те же, ну-те проворнѣе. Вотъ невидно, какъ паны придутъ.

Кучеръ. Ужъ и такъ довольно поработали! А што, тетущка Потаповна, какъ бы, буваецъ, на радости вынесла бы намъ по чаркѣ?

Ключ. Не зидвуй: и безъ тебя расходъ не маленькій. Господи! што понаѣжало гостей-гостей, такъ хмара-хмарою! Да когда бь уже такіе господа, чтобъ гулять на сватаньѣ, а то

понавозили самыхъ капелюшечныхъ дѣтей, што и толку не знаютъ; а за ними мамокъ, нянекъ, видимо-невидимо!

Ланей. Это жъ у господъ всегда такъ ведется.

Ключ. А расходу-то, расходу! У насъ бы и за мѣсяць того бы не сошло. Ужъ достанется послѣ отъ паней: куда столько дѣвалось? А теперь сама велить, чтобъ ни въ чомъ не было недостачи.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и МОТРЯ.

Мотря. Тетушка Потаповна! не видали вы моей барышни?

Ключ. А развѣ гдѣ она?

Мотря. Говорятъ, передъ вечеромъ пошла въ садъ, да и нѣтъ ее. Мнѣ сказали, что она въ горницѣ убирается; я хотѣла туда итти, заперто; стучали, никто не откликается; я заглянула въ щелочку, только одна чужая барышня сидитъ да книжку читаетъ, а нашей нѣтъ; такъ я и пришла сюда искать.

Ключ. Тутъ ее нигдѣ нѣтъ; и какъ освѣтили весь садъ, такъ и булавку можно бы увидѣть, не только человѣка. Вотъ же хорошо, што управились, паны идутъ. Идите же всѣ отсюда.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

ШПАКЪ съ женою, ОПЕЦКОВСКІЙ съ женою, ЛОПУЦКОВСКІЙ, всѣ гости съ дѣтьми, за ними няньки, грудныхъ дѣти на рукахъ кормилицъ. Вся дворня одинъ за другимъ уходитъ, послѣ всѣхъ ключница.

Шпакъ. Милости просимъ, гости любезные, пожаловать сюда. Покорно прошу располагаться, гдѣ кому угодно; садъ у насъ великъ, можемъ и еще столько гостей помѣстить. За тѣмъ прійдутъ наши молодые, а потомъ и сговоръ дочери.

Фен. Степ. Помилуйте вы меня, Кирило Петровичъ! Я вамъ не наудивляюсь, какъ вы, человѣкъ съ такимъ умомъ, а вѣчно дѣлаете ни то, ни се. *(Удержавъ за руку ключницу).* Иди же скорѣе въ домъ, да потуши всѣ свѣчи, чтобы напрасно не горѣли... *(Продолжаетъ мужу).* Съ чего вы это взяли,

чтобы чужую радость предпочитать своей? Какая намъ нужда до капитана? Хотя бы онъ на Стехѣ, моей булочницѣ, женился, то для меня нужды мало.

Шпакъ. О, для меня въ этой свадьбѣ многое заключается. Капитанъ нанесъ намъ тѣмъ смертельныхъ обидъ; надобно было ему отомстить; вотъ я и навязалъ ему жену, злѣйшую во всемъ мѣрѣ, а чрезъ это онъ, къ нашему спокойствію, оставитъ Присю. Панъ Тпрунькевичъ не только поругалъ мою честь, но и разоряетъ меня своими процессами; такъ вотъ ему зять, отъ котораго хотъ на висѣлицу. Онъ молодыхъ не пуститъ во весь вѣкъ къ себѣ и на пол-двора. Я ихъ встрѣчу будто съ радостію, потомъ осмѣю и выгоню съ безчестьемъ. Пусть мое несугъ мнѣніе въ потомствѣ до третьяго рода. Мнѣ тутъ много помогъ Шельменко.

Шельм. *(на деревѣ, выглядывая).* Аговъ! Я осьдечки. А чого тамъ?

Шпакъ. Вонъ онъ гдѣ. Чего ты туда забрался?

Шельм. Выглядаю молодыхъ.

Шпакъ. Умно выдумалъ. Смотри же, чуть завидишь, такъ и кричи.

Агр. Сем. Какъ эта иллюминація бѣдна въ сравненіи съ тѣми, какія бывають у насъ въ Петергофѣ! Никакого сравненія нѣтъ.

Опецк. *(выходя изъ задумчивости).* Обращаясь къ прерванной нами матеріи, я нахожу, что, въ разсужденіи реставраціи, донъ Карлосъ сдѣлалъ большую ошибку въ прошломъ мѣсяцѣ отъ того...

Шпакъ. Сдѣлайте милость, Осипъ Проковичъ, не забѣгайте впередъ. Я вамъ сказывалъ, что еще прошлогднихъ газетъ не читалъ, слѣдовательно, не знаю, что въ Европѣ дѣлается. Дайте мнѣ окончить семейныя дѣла, и я займусь политикою и викакъ не допущу, чтобы Христиносы потерпѣли; а противъ глупаго закона о наслѣдствѣ въ Гишпаніи буду спорить до края.

Фен. Степ. Скажите мнѣ на милость, что это Присинька не выходитъ? цѣлую дюжину платьевъ можно бы уже надѣть, а она и съ однимъ не управится. Это странно!

Агр. Сем. Моя Пазинька ее убираетъ. Я дала совѣтъ, какъ у насъ въ Петербургѣ, въ подобномъ случаѣ, дѣвица

должна быть убрана. А вы, господинъ женихъ, навѣдывались ли, скоро придетъ нареченная невѣста ваша?

Лопуцьк. Я проходилъ мимо оконъ подслушивалъ у дверей и засматривалъ въ щелочку. Палагея Осиповна изволятъ прелестъ какъ играть и удивительно припѣвають: «взвейся, выше понесися»... а предмета моихъ желаній не видѣлъ и не слышалъ. Это пречудесно! Не понимаю, ей Богу, не понимаю, хотя сейчасъ убейте меня, не понимаю, зачѣмъ онѣ къ намъ не выходятъ.

Шельм. *(на деревъ кричитъ)*. Идутъ, молоди идутъ! Вже зъ горы зъизжають.

Шпакъ *(суетясь)*. Ну, извольте стать въ сторону, а мы съ тобою, маточка, встрѣтимъ ихъ сначала, а потомъ и захочемъ, въ чемъ *(къ гостямъ)* и васъ прошу намъ подражать. Вотъ тебѣ, панъ Тпрунькевичъ, и гуси! Ну! что, Шельменко?

Шельм. Ось вже близько. Музыка, грай *(Музыка играетъ маршъ. Шельменко слазитъ съ дерева)*. Теперь достанутця мыни весильни подарунки!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тъ же, СКВОРЦОВЪ и ПРИСИНЬКА въ военной шинели, войдя, бросается къ ногамъ отца и матери, стоящихъ отдѣльно отъ всѣхъ напереди.

Сквор. и Прис. Батюшка! матушка! простите насъ, благословите насъ!... *(съ Присиньки спадываетъ шинель и фуражка)*.

Шпакъ *(приготовившійся принять ихъ въ свои объятія, остолбенѣлъ съ распростертыми руками. Едва можетъ говорить)*. Чт... чт... что.. это такое?

Шельм. Се жъ наша молода. Хиба и теперь не признали?

Фен. Степ. Ахъ мати Божія! Это жъ моя Присинька! *(Оцѣпенѣла съ поднятыми руками)*.

Лопуцьк. *(нюхалъ табакъ и держа въ рукахъ открытую табакерку, такъ остается надолго)*.

Шельм. Та вона жъ, вона. Отъ тилькы-що видѣ шлюбу.

Фен. Степ. *(всплеснувъ руками)*. Что мнѣ на свѣтъ дѣлать?

Шельм. Звисно, що роблять на весилли.

Агр Сем. У насъ въ Петербургъ въ такомъ случаѣ падаютъ въ обморокъ. Упадите скорѣе, это будетъ интересно.

Фен. Степ. Да ну-те къ чорту съ вашими обмороками! Я совсѣмъ одурѣла, голова кружится, себя не помню, а они мнѣ еще обмороки представляютъ.

Шпакъ *(едва можетъ говорить отъ досады)*. Какъ это сдѣлалось? Господинъ капитанъ, гдѣ вы взяли мою дочь?

Сквор. Отъ васъ принялъ ее, вы насъ благословили, и не только позволили, но и приказали скорѣе обвѣнчаться и прѣхать сюда.

Фен. Степ. *(мужу)*. А что это, душечка?

Шпакъ. А что, маточка?

Фен. Степ. Что это вы сдѣлали съ нашей общою дочерью?

Шельм. Не шо, якъ зъ дивкы молодыци.

Шпакъ *(все еще не можетъ прийти въ себя)*. Пом... помилуйте меня!... Я, маточка, благословилъ его на женитьбу съ дочерью пана Тпрунькевича.

Сквор. Если бы я рѣшился жениться на ней, я бы не просилъ вашего благословенія; но вы точно насъ благословили, назвали меня сыномъ, обѣщали любить меня... *(бросаясь на колѣна)*. Умоляю васъ, простите насъ и не лишите меня вашей любви!

Прис. *(все на колѣняхъ)*. Батинька!... я виновата... но я видѣла согласіе ваше и потому только рѣшалась... Маменька! не гнѣвайтесь на меня, благословите насъ!

Фен. Степ. *(мужу)*. А что, душечка! я вамъ не наудивляюсь, какъ вы, съ вашимъ умомъ, а сдѣлали такую глупость; я не сдѣлала бы такого дурачества.

Шпакъ. Чего, маточка! это все подвелъ меня этотъ плутъ, мошенникъ, разбойникъ Шельменко!

Шельм. Пысаніе глаголетъ: моя хата зъ краю, я ничего не знаю.

Шпакъ. Что же намъ дѣлать теперь?

Фен. Степ. Сами вы, душечка, наварили пива, сами и хлебайте. Только вы съ вашимъ умомъ можете придумать, что намъ дѣлать теперь.

Прис. Простите, благословите насъ!

Сквор. Вспомните ваше обѣщаніе: чтобы ни произошло, не гнѣвайтесь на меня и не удалять отъ любви вашей.

Фен. Степ. Такъ вы, душечка, имъ и это обѣщали? Прекрасно!

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣ же и ЭВЖЕНИ.

Эвж. Я услышала музыку и же девине, что вы исполнили свое желаніе и возвратились съ успѣхомъ. Поздравляю тебя, машерь Присинька! ты, наконецъ, замужемъ. *(Обнимаетъ ее)*. И васъ, мосье ле капитанъ, я васъ же ву фелисить.

Шпакъ. Развѣ вы не знали о ихъ намѣреніи, что ли?

Эвж. Знала, знала, и имъ содѣйствовала.

Фен. Степ. Прекрасно же вы поступали, будучи сами незамужняя дѣвица!

Агр. Сем. А какъ же бѣ иначе? У насъ въ Петербургѣ, въ такомъ случаѣ, безъ посредника никогда не обходится.

Эвж. Простите же вашу ма филь, же ву при! она въ другой разъ этого не сдѣлаетъ. Не будьте неумолимы!

(Нѣкоторые изъ гостей подходятъ къ нему и просятъ его).

Опеци. Впрочемъ, Кирило Петровичъ, обращая взоръ на ходъ Европейской политики, я нахожу, что въ разсужденіи реставраціи, право моего любезнѣйшаго племянника на вашу любезнѣйшую дочь, есть равносильное съ правомъ донъ-Карлоса на тронъ Гип...

Шпакъ *(разсердясь)*. Такъ не бывать же ни донъ Карлосу, ни вашему племяннику моимъ зятемъ. Уфъ!... Ей Богу, вы меня такъ разсердили, что я чуть не простилъ капитана, и довели бы до того, что я, будучи Шпакъ, отъ дѣда и отца Шпакъ, а долженъ бы равнодушно смотрѣть, что моя дочь вышла за какого-нибудь Скворцова.

Шельм. Осмильваемся, ваше высокоблагородіе, ныжайше доложить, що у того Шпака, що спивавъ пидъ викнамы у темныци гетьмана, та було два сына: одынъ Шпакъ повивъ ридъ Шпакивъ, отъ якъ и вы е, а другій Шпакъ пишовъ у москали, и ставъ зватися по московскому Шкварцовъ; адже усе ривно, що шпакъ, що шеварець.

Шпакъ. Повѣрь тебѣ только, такъ ты наговоришь. Я поклялся ни въ чемъ тебѣ не вѣрить.

Шельм. Якъ хотите, а я спысавъ объ спмъ бумагу и завтра вамъ покажу, та и заприсягну, що се именно такъ.

Шпакъ. Впрочемъ, это правдоподобно. *(Женъ)*. Какъ вы думаете, маточка, прощать или нѣтъ?

Фен. Степ. Какъ же бы вы ихъ, душечка, и не простили, когда уже ужинъ изготвленъ для всѣхъ гостей! не собакамъ же его выкидывать! А откажете теперь, такъ послѣ, когда-нибудь, все-таки простите, тогда въ другой разъ придется опять такіе же убытки нести. Ну ихъ совсѣмъ! только когда прощаете, то запретите ему, душечка, чтобъ онъ впередъ не говорилъ мнѣ любовныхъ рѣчей, я ихъ отъ роду не слыхивала.

Шпакъ. Не бойся, маточка, не бойся: теперь ему есть кому говорить любовныя рѣчи. Ну, Присинька, такъ и быть, будь счастлива! *(Обнимаетъ ее и Скворцова)*. Будь намъ добрымъ сыномъ! Теперь идите къ матери и пріймите ея благословеніе. Я радъ, что дочь моя не унизила фамиліи Шпака и вышла за его потомка.

(Мать обнимаетъ ихъ и гости поздравляютъ).

Шельм. Поздравляю васъ, пане Шпакъ, ище съ шпакомъ, да вже зъ Московскимъ.

Шпакъ. Насолил ты мнѣ крѣпко, а однако я прощаю тебя для радости.

Шельм. Коли ласка ваша, то, будучи, настановить мене управляющимъ надъ вотчинами. Я и тимъ доволенъ буду.

Шпакъ. Непремѣнно, непременно. Ты будешь славной управляющій. Ну, всѣ ли перецѣловались? пора веселиться. Музыканты, польскій! Зять, бери тещу, а я съ дочерью. Пожорно прошу всѣхъ.

(Танцуютъ вѣсь польскій, потомъ и другіе танцы).

11

Ще не вийшовши з дому, як і звичайно, він побачив у дворі свого батька, який сидів на ступінях воріт, і побачив, що батько його плаче. Він пішов до нього і сказав: «Батьку, що тобі? Чому ти плачеш?» Батько сказав: «Синку, сьогодні ввечері буде свято, а ти сидиш вдома і плачеш. Іди до церкви, там тебе чекають».

Він пішов до церкви і побачив там багато народу. Він сказав: «Де батько?» І побачив, що батько сидить на ступінях воріт і плаче. Він пішов до нього і сказав: «Батьку, що тобі? Чому ти плачеш?» Батько сказав: «Синку, сьогодні ввечері буде свято, а ти сидиш вдома і плачеш. Іди до церкви, там тебе чекають».

Він пішов до церкви і побачив там багато народу. Він сказав: «Де батько?» І побачив, що батько сидить на ступінях воріт і плаче. Він пішов до нього і сказав: «Батьку, що тобі? Чому ти плачеш?» Батько сказав: «Синку, сьогодні ввечері буде свято, а ти сидиш вдома і плачеш. Іди до церкви, там тебе чекають».

Сватання на Гончаривці.

МАЛОРОССІЙСКАЯ ОПЕРА.

НБ ОНУ Мені І. Мечникова

Прокипъ Шкурать, обыватель изъ-за Лопани.
Одарна, жена его.
Уляна, дочь ихъ.
Алексій, помѣщичій крестьянинъ.
Павло Нандзюба, обыватель изъ-за Харькова.
Стоцько, сынъ его.
Осипъ Скорикъ, отставной солдатъ.
Тымишъ, обыватель изъ Заиковки.
Аѣвки, подруги Улянины.

Дѣйствіе происходитъ въ городъ Харьковѣ, на Гончаровнѣ.

СВАТАННЯ НА ГОНЧАРИВЦІ.

Дѣйствіе первое.

Улица на Гончаровкѣ. Вдали видна Холодная гора.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ПРОКИПЪ въ расхмель, выходитъ изъ своего двора безъ пояса и шапки; свиту несетъ на плечъ и поетъ:

Спыть жинка, не чуче,
Що мужыкъ ии мандруе.

Спы, жинко, спы!

Я тымъ часомъ одягнуся,
Та на волну заберуся.

А ты, жинко, спы!

Хочъ немає ни алтына,
Видвичатыме свытына.

А ты, жинко, спы!

Якъ заставлю я свытыну,
То и выпью четвертыну.

А ты, жинко, спы!

О, та мудра жъ и сывуха!

А ты, жиночко псяюхо,

Спы крипко, спы!

Якъ у-волю я напьюся,
Чорта и жинкы не боюся;
Нехай вона спить!

(Крадется через театр).

Одарна *(выходитъ изъ хаты, не выходя со двора).* А куды-то вже потягъ, ёлопе! Чы то вп'яты на волну? Верныся лышень сюды!

Прокипъ *(съ неудовольствіемъ, въ сторону).* Отъ чортова доглядачка! Таки и вздрыла! *((Кричитъ ей съ досадою)).* Чого тамъ вертаться? Николы!

Одарна. Яке тамъ николы прыпало? Верныся, бузовиру! *(онъ ее не слушаетъ; она грозитъ ему кулакомъ).* Верныся, кажу тобі, верныся! Чы хочъ шобъ за патлы вп'яты прытягла? *(Онъ хочетъ итти, она, разозлясь, выбѣгаетъ изъ-за воротъ и кричитъ).* Верныся, верныся, верныся!

Прокипъ *(съ досадою возвращается).* Тадже и вернувся! Ну, чого тамъ такъ пыльно прыпало?

Одарна. А кажы, куды бувъ помандрувавъ?

Прокипъ *(все съ сердцемъ).* Та де тобі помандрувавъ? Тилькы хотивъ бувъ иты до шевця, шобъ чобить залатавъ.

Одарна. Яке теперь латанья? Недиленька свята; забудь есы, кателыче? Чы зъ глузду зпывся? Ще добри люде и зъ церковь не повиходили, а ты вже и на волну швандявъ! Знаю я тебе! оце було бъ такъ, якъ позавчора: пятинка свята, люде ни рисочки у ротъ не берутъ, а винъ на волній; та такъ выпився, що не змигъ и до дому дійты. Ввалывся у провалля оттамъ на Холодній гори, та и спавъ цілу ничъ. Ще-то навдывовыжу, якъ тебе москали не обидрали? Чы тожъ не стыдъ да и не соромъ? Гай, Гай! Побыла мене лыха годына та нещаслива! Занапастыла я свою головоньку зъ такимъ пьяныцею! Тилькы бъ ёму по волныхъ и шлятысь!...

Прокипъ. Оттакъ-пакъ! А чому волну зробылы далеко? Постановылы бъ ии ось-туть, на нашій вулицы, такъ бы я выпывъ та и дому до потрапывъ бы, ато беда идешь, идешь, помы до тией волной дійдешъ!

Одарна. А, дурный та божевильный! А про те не кажешъ, що на що бъ то пыты? Ось колыбъ кабаччыкы та видмежувалы бъ геть по Залютышъ, то-то бъ я спасыби сказала!

Прокипъ. Холодкою и туды не далеко. Абы бъ туды дійты, ато и байдуже!

Одарна. Бачъ! пьяныци море по колино. Винъ знай свое товче! Я тобі кажу, на що ты пьешь? Чы мало ты худобы пропывъ? бувъ хазяинъ, якъ хазяинъ; булы волюкы, була и коровка, була и одежа ныначе у якого мишанына; усе позбувавъ, усе попропывавъ, звився чи на що. Однимъ одна свытына, а пояса и шапки катъ-ма

Прокипъ. Брешешъ бо, не попропывавъ: шапка и теперь цилисенька у тебе у скрини; а поясъ застановывъ.

Одарна. А бодай тебе заставляла трясця та болячка! Нащо ты заставлявъ?

Прокипъ. Оттакъ-пакъ! Чы я жъ выненъ, колы шынкаръ на-боръ не дае?

Одарна. Та на що ты пьешь?

Прокипъ. Але, на що! Шынкаръ дуже до мене добрый, хочъ о пивночи прыйду, то и видчина; таки и горилка не розведена. Уже пакъ до кабаччыкывъ не пиду. Та на що и горилку выгадалы, колы ии не пыты? Якбы ии не було на свити, то я бъ и не пывъ. Тоди бъ послухавъ тебе.

Одарна. Охъ, моя головонька бидна! Що мыни зъ пьяныцею робыты? усе одно товче: усе пыть та пыть. А за-що вже и пыты? Колы бъ не своими бублыкамы торговала, то доси уси бъ зъ голоду попухлы! Який мене гаспыдъ понисъ за сего пьяныцю? Була козырь-дивка: чы на вулицы, чы у танцяхъ, чы въ дружкахъ, чы у колядци,—усимъ була голова; на жарты, на скокы усимъ була приводныця! А и казала покойній матери: «не вилдавай мене, мамо, за мужыка, за хлибороба, я соби дивка не проста: мій дидусъ та бувъ на Иванывци попомъ; та ёго маты—що вона противъ мене? сластенями торговала, а я соби бублейныця, та ще и перва по базарю. Старша сестра за школяромъ, може и за мене лучытця панычъ зъ Правленія.» Такъ таки иды! Отъ же и пишла; отъ и жыву! Люде у щасты та у богацви и не чуютъ якъ жыуть; а я занапастыла себе. Де мои молоды лига? Де моя дивочая краса? Усе заивъ оцей пьяныця, шыбеныкъ, харцызяка, воло... *(Увидѣвъ, что Прокипъ между тѣмъ все тихо пробирался и чуть было не ушелъ, бѣжитъ за нимъ).* А куды-то, куды? Трывай лышень! *(Тащитъ его изъ-за кулисъ за чубъ).* Ось такъ же, колы честью не слухавъ.

Дуетъ.

Одарка.

Чы я жъ тоби не говорила,
Чы я жъ тоби та не велила,
Щобъ ты дома сыдивъ
И на волну не ходывъ?

Прокипъ (клянясь).

Ой ты, жинко моя,
Ты голубко моя!
Пусты жъ мене прогулятысь,
Колы ласка твоя!

Одарка (толкая его во дворъ и затворяя ворота).

Ой тутъ гуляй, мій мыленькій!
Мовъ той дудыкъ кривенькій.
Сыды тамъ, пропадай
И никуды не втикай.

Прокипъ (изъ-за воротъ).

Та тутъ же я скучатыму,
Усимв, усимв казатыму:
Была жинка мужыка,
Была, была и товкла!

Одарка.

Брешешъ, брешешъ, вражий сыну,
Я не была, не товкла:
Потягла я за чупрыну,
Тилькы страху завдала.

Прокипъ.

Не брешу я, не брешу:
Была жинка и товкла.
Брешешъ, брешешъ, песька донько,
Была мене и товкла.

Вмѣстѣ.

Одарка. Сыды, сыды соби тамъ, мундрованый цуцыку!
Та гляды: ось тилькы хочъ ногою выйдешъ, то не побояся
гриха, бытыму, кажу тоби, що бытыму. Колыбъ мыни знаты,
якъ-то у панивъ бува? Адже розказувала клюшныця оттого
пана, що у великыхъ хоромахъ зъ зеленымъ верхомъ живе,
такъ. каже, пани такъ надъ паномъ вередуе, що й крый Бо-
же! И чого бъ то не забажала, чы моченыхъ кыслычокъ, чы
нимецькыхъ медянычкывъ, чы якои хусткы, або одежи, то усе
и е: хочъ о пивночи забажа чого, то усе ий и поставля, и
безъ ий воли зъ хаты не иде. Черезъ що-небудь же вона такъ
имъ овладала? Вже жъ не приходытця жинци мужыка быты;
хыба у панивъ така мода? А дуже бъ добре було, якбы мы
по-паньски вередувалы надъ мужыкамы!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и КАНДЗЮБА.

Кандзюба. Дай Боже день добрый! Зъ недилею будте
здорови.

Одарка. Спасыби, будте и вы здорови. Якъ ся маете?

Кандзюба. Та до якого часу щобъ то и не тее.

Одарка. А ваши за-Харьковци, чи уси живи?

Кандзюба. Та вже нашимъ за-Харьквивцямъ така прый-
шла беда, що и сказаты не можна!

Одарка. А що тамъ за беда?

Кандзюба. Тамъ такихъ солдатывъ найшло, що и ска-
заты не можна! Такы шо вулыця, то и салдаты на кватери.
Выдымо-не-выдымо! Ажъ трыдцятеро ихъ, кажутъ, прыйшло.
На жодній вулыци, на жодній усе по салдату. Така беда!—
А старый вашъ дома?

Одарка. Та черезъ сылу дома. Оце тилькы зпыныла ман-
друваты.

Кандзюба. А куды жъ то?

Одарка. Та вы знаете ёго натуру? Ему ни празныка,
ни недиленькы; усе бъ ёму пивандять по шынкахъ.

Кандзюба. Ось знаете, що я вамъ посоветую: така була
въ мене перша жинка, пьяныця непросыпенна. Отъ же я ий
и повязъ до знахура, винъ и давъ ий якоисъ воды, та и по-

божылся, що вже, каже, не буде бильшъ пыты. Щожъ? мабуть бы и перестала, та не до горилки ій було; проби крычала, що у животи пече, та до вечера и вмерла. Ось повезите лышень и вы по знахурахъ, то и вамъ таке щастя буде.

Одарка. Та я жъ возыла, и де то вже не була! Була и у Тышкашъ, була и у Деркачахъ, обь правій середі ажъ у Водолагу издыла; такъ щожъ? Уси у водынь голосъ кажуть: починено, та и починено! Та спасыби вже у Востроверхивци ворожка, такъ та за-очи видгадала; каже. що любощивъ давано, та не вмючы переборщылы. А хто жъ то и давъ, такъ навдывовыжу! Каже: дала ёму чорнява молодыця, а въ неи хата зъ немазанымъ верхомъ. Отъ якъ у воко улипыла! Чы знаете, Грыщыху, старого Пыскавки невестку? Вона, вона ёму починыла! Адже жъ сама чорнява, та и верхъ на хати немазаний. Я ще ии падпоку буду позываты, щобъ не видбывала мужыка. Ну, адже жъ то ворожка и дала мыни зилля, та и каже: звары та и дай ёму якъ-разъ на молодыку у глузу пивничъ, якъ перши пивни заспивають; а я соби на лыхо чы проспала, чы такъ на мене наслано, що первыхъ пивнивъ не почула, та дала якъ други заспивалы. Що жъ? якъ выпывъ, якъ зекоче, якъ дерне зъ хаты та на вулицю, а тамъ якъ чкурне, такъ ажъ ляпотьты, та и поченчекувавъ ажъ на Косолапивку. Пывъ, пывъ, тры дни тамъ пывъ, усе зъ себе попропивавъ. Уже сама знайшла та насылу до дому доволотла. Та видъ того часу ще гиршъ пье. Та вже хйба крадькома вырветця, ато якъ того цуцька на веревци держу.

Кандзюба. Дежъ винъ теперь?

Одарка. Оттамъ заперла, нехай высыдытця.

Прокипъ (за воротами поеть). «Была жинка мужыка, за чупрыну взявши...»

Кандзюба. Бачъ, де обизвався! Здоровъ, прятелю; а ходы-ке сюды!

Прокипъ. Рада бъ душа въ рай, такъ грихы не пускають. Якъ жинка скаже?

Кандзюба. (Одаркѣ). Выпустить бо ёго, будте ласкови. Маю до васъ дило.

Одарка. А ну вже, иды сюды, иды. (Прокопъ выходитъ).

Терцетъ.

Кандзюба.

Послушайте мене:
Ось будьмо мы сватамы!

Одарка.

Кажить, кажить, у чимъ?
Сёму мы рады самы.

Прокипъ.

На волну щобъ сходыть?
Горилкы прынести?

Одарка.

Та годи тоби, дурню,
Не знать про що товкты!
Винъ знай свое!

(Кандзюбѣ). Кажыть, а що таке?

Кандзюба.

А що? Дочка въ васъ е?

Прокипъ и Одарка.

Е, е!

Кандзюба.

Така, що треба годуваты?

Одарка.

Хоча и сёгодня виддаваты!

Кандзюба.

Сына маю.

Прокипъ и Одарка.

Знаю.

Кандзюба.

Такъ виддайте!

Одарна.

Потурайте!

Чы винь же намъ ривня?

Прокипъ.

Отъ и треба добуваты,
Та на волну швыдче чухраты.
А де твоя гривня?

Одарна (мужу).

Видвьяжыся, врагова дытына!

(Кандзюбъ).

Усякъ зна,
Що въ вашего сына
Та клепки нема!

Кандзюба.

Щобъ то якъ?

Одарна.

Та такъ:
Прыбытый на цвиту.

Кандзюба.

Тютю!

Га ще фить, фить
Зы дило тутъ кажить:
Чы виддасте?

(Съ насмѣшкою).

Чы нехай ще подроете?
Мене вы не держить.

Кандзюба.

А чому жь и не виддаты?
Въ него всего е.

Прокипъ.

Якъ же можна и виддаты,
Колы горилкы винь не пье?

Одарна.

Якъ же можна и виддаты?
Дурный! ёго всякъ бье.

Кандзюба. Гай, гай! Товкуете не-знать объ чимъ! Горина окропу не стоить. Та хочбы и зовсимъ дурный бувъ, такъ не взявъ его катъ, буде богатый писля моей смерти: ажъ ронумный жинци за нымъ и добре буде. Слава тоби Господы! Е волыкивъ паръ можемо двадцятеро; ходымо у Крымъ за силью и за рыбою на Динь, и усякую хуру беремо, чы у Кырсень, чы увъ Одесу. Е й коровьятъ зъ пятнадцатеро, та овечать тамъ чы дви сотни, чы и бильшь; батракивъ дома зъ десятокъ, та пры скотыни на брази скилкы е. Буде чымъ орудуваты, перепадатыме копійка. А мій же Стецько та не зовсимъ и дурный: винь соби на-лыхо грошкы не памъятлывыый та по розсудлывыый, та до сѣма не наlicыть, та не зна, що рубъ, а що гривня; а то зовсимъ парень друзяка. Та и яка нужда, що ничего не зна? жинка навчить и усему товкъ дастъ, та и буде панею жыты. Колы эхоче яке ремество держаты, чы царюваты, чы по вашему бублейнычаты...

Прокипъ. Або и шынкарюваты; и то дило дуже добро!

Кандзюба. Та що захоче, то вже не пиде до людей позычаты. Нуте; чога тутъ думаты? Такъ, чы не такъ? такъ и пиду до другихъ; бачыте, вже нерано.

Одарна (съ явнымъ удовольствіемъ слушала его). А що, Прокопе, якъ думаешъ?

Прокипъ. Ты думай; а я вже за тобою.

(Поютъ).

Кандзюба.

Гакъ будьмо жь мы сватамы!

Одарка.

Сему мы ради самы.

Кандзюба.

Прышлю, прышлю людей.
Сваты мои любезни!
Стецька свого прышлю.

Прокипъ.

Прышлить, прышлить людей,
Ой сватушка любезный!
Горилки накуплю.

Одарка.

Прышлить, прышлить людей,
Ой сватушка любезный!
Я хустку почиплю.

(Обнявшись приплясываютъ).

Одарка. Э, трывайте лышень: ще треба дивкы слытаты; якъ-то вона ще скаже?

Кандзюба. Хыба вона часомъ и не туды?

Одарка. Та такы тропкы вередлывенька. То скаже не варите зъ саломъ, а зъ яловычыною: то мяса не схоче, а сала забажа; то тараня солоня, та що-небудь и выгадуе; така вже соби нижна! То щобъ изъ жениха не стала вередуваты.

Кандзюба. Та вона жъ те панянка! Нехай вже ти вередуютъ, покы довередуютця до свого. Та ничего гриха таиты, теперъ и усюды така мода: наши мужычкы такъ усе бѣ то за мищанъ; а мищанка вже и обь кунцеви не дуже дума, а щобъ выскочыты за палацького, за скубента! то и глыды: дивуютъ, сердешни, до того, що можна буде на Донци греблю загатыты. А зъ своею якъ хочете, а я людей прышлю. Не наробить тилькы жешкету.

Одарка. Та не бійтесь, го бійт прысылайте такы старостивъ: вже жъ вона не безъ розуму, а и розсудыты.

Кандзюба. Спасыби жъ за ласку. Ждите видѣ насъ людей по закону, у вечери; а я Стецька прышлю, нехай зъ дивкою... Я щось ии не знаю; а якъ ии звуть?

Одарка. Та Уляна жъ и доси.

Прокипъ. Та ще и Прокиповна.

Кандзюба. Такъ нехай мій Стецько зъ Уляною, якъ тамъ треба, поговорють; а вы ии навчить, щобъ часомъ не брыкалась. Прощайте жъ до якого часу.

Кандзюба.

Прышлю, прышлю людей,
Сваты мои любезни!
Стецька свого прышлю.

Прокипъ.

Прышлить, прышлить людей,
Мій сватушка любезный!
Горилки накуплю.

Одарка.

Прышлить, прышлить людей,
Мій сватушка любезный!
Я хустку почиплю.

(Обнявшись приплясываютъ, потомъ Кандзюба уходитъ).

Прокипъ. Отъ же скверно, що свата безъ чаркы горилкы видпустылы! Чому бѣ то дома про нужду не держаты? Теперъ треба збигаты на волну, та на сватанния прыдбаты.

Одарка. А, вже ты мыни зъ тою волною остывѣ та опоганывѣ! И якъ бы то ты пронисѣ видѣ обьяздчыкывѣ?

Прокипъ. Але! будыто и первына? Черезъ лисокъ, та черезъ ярокъ, та вскочывѣ у садокъ, та и дома. Отъ имъ и дуля пидѣ нисѣ! Такъ посылай же.

Одарка. Нехай лышень выяснитця, бачъ, нахмарыло! Иды лышень до дому, я пидожду Уляны, та и прыйду и сядемо обидаты.

Прокипъ *(не охотно)*. Тадже и пиду. Такы-то и урався на волну! *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

ОДАРКА и УЛЯНА.

Уляна. Здорови, мамо, булы! Зъ недиленькою будьте здорови!

Одарка. Спасыби, будь и ты здорова! Де-то ты такъ рано ходыла? Поки я упоралась, дывлюсь вже тебе и нема.

Уляна. Ходыла, мамо, на базарь, поки до ранней, та купыла де-що. Ось скындячки у косы, а оце шпалфривъ купыла на голубы та на квиткы. А оце, бачъ, такъ обиялася: на ти гроши, що по п'ятинькахъ заробляла, такъ видкладала, та, зибравшы, отъ и купыла платокъ. Бачъ, якый? (*Развертываетъ платокъ*). И не гарный скажешь? Велькій та модный, зъ квитками; теперь усюды таки на мишанкахъ.

Одарка (*разсматриваетъ платокъ*). На-що було тратытьсь? Мабуть и дорогий?

Уляна. Дала я за него симъ кишъ та золотого зъ п'ятакомъ; та вже торгувалася, торгувалася! Морока та й годи! Била круглого трахтыря Чугуевська перекупка такъ ажъ забожылась, що не можна дешевше. Та ще тамъ смихъ, вона узяла та на мою голову примирае и каже: вишь, якъ тоби къ лыцю! А тутъ де узявсь панъ, та такы спражній панъ, тутъ хрестъ (*указывая на грудь*), а тутъ кавалерія (*указывая на шею*), та и каже: «Отъ славная д'вушка! Пристало, пристало! Вотъ красавиця!» А я якъ засоромылась! У вочахъ почервонило та не знаю, куды и дывытысь; а винъ усе хвалыть та сміетця.

Одарка. Потурай панамъ, чого вони не набрешуть! То винъ надъ тобою глузувавъ.

Уляна. Будто бь то паны и брешуть? Вони сего не вміють, и надъ дивкою не будутъ знушатысь. Вони пысьменни.

Одарка. Та знаю я ихъ пысьменныхъ. Е, душко, зъ нихъ усякови! Чы мало тутъ на Гончаривци дивчатъ зъ ума позводылы и пысьменни, и купци, и усяки? Хто молодого чоловіка зупыныть!

Уляна. Та сей, мамо, вже підтоптаний.

Одарка. Потурай, потурай! Такой ще билшь лыха наробыть, чымъ молодой! Охъ! знаю я такывськыхъ! Та скажы жь ты мыни, на-що тоби сей платокъ?

Уляна. Оттакъ, на-що! Лучытця чоловікъ, отъ у мене и хустка. Рупныки е, хусткы не було, теперь иде ему на хустку, а якъ выйду замижъ, такъ буду сама повязуватысь. Теперь вже така мода, що очипкивъ не носить, и на попадыхъ не побачышь; не такъ, якъ вы усе у очипци, по старосвицькы.

Одарка. Тымъ то и горе, що новына старовыну прогонить. Потурай людямъ! Покинули свій законъ, та усе бь то по панськи, то и наши будутъ якъ паніи зъ мужыками жыты. А се добре зробыла, що купыла хустку. У вечери жды старостивъ, казаны прыйдутъ.

Уляна (*жеманно*). Яки тамъ старосты? Видь кого бь то?

Одарка. Чы знаешь изъ-за Харькова Павла Кандзюбу, що чумакуе? Винъ колысь до насъ заходывъ зъ монастыря на Спаса.

Уляна. Отъ за того старого? Лысого?

Одарка. Тютю, дурна! За Стецька, его сына, колы знаешь.

Уляна. За того божевильного? Се ще краще! Та винъ, мамо, зовсимъ дурный!

Одарка. Дурный? Такъ богатый!

Уляна. Щуръ ему зъ его богатствомъ, колы въ него глузду нема.

Одарка. Глузду нема, такъ богатый.

Уляна. Якъ и по нашей вулыци иде, то мали диты зъ него сміютця.

Одарка. Нехай сміются, а винъ соби богатый.

Уляна. А якъ прыйшовъ разъ до насъ на Оснивьянську мойку, такъ тамъ такой зъ него регить бувъ, що вже хазяинъ насылду прогнавъ, щобъ мы черезъ него не гулялы. Се вже побыла лыха годына та нещаслива, колы за такого йты; ныначе усе люде повымыралы.

Одарка. Такъ кажу тоби, що богатый! Скільки паръ воливъ, чы усякою худобы? У него будешь у золоти ходыты; а помре старый, такъ усему добру будешь господыня. Нема на-свити лучшого щастя, якъ за дурнемъ жыты! Винъ тебе ни бье, ни вередуетъ; а колы тамъ зъ-дурю хочъ и налае, такъ тилькы крыкны на него, то винъ и замовче. Куды зхочешъ, тидешъ; якъ задумаешь, такъ и худобою орудуешь. Та що-то и казаты! Усе не те, що зъ розумнымъ: нема тоби воленькы

ни погуляты, ни въ хороши походыты. А сварка, а лайка, а бійка!... Ось и мій пьяныця: що зъ него, що винъ не дурный? Колы бъ пакъ одуривъ, то я бъ зрадувалася.

Уляна. Та вже, мамо, що хочите, кажите, а я за того дурня, за того бецмана не пиду, та и не пиду.

Одарна. Ничого вередуваты! За такого богатаго не пидешъ, такъ кого ще тобі треба? Чы якого повитчыка будешъ ждаты? Та докы намъ тебе и содержаты? Бачъ, батько пьяныця непросыпенный; я своими бублыкамы тилькы васъ и содержу, та вже и въ мене сыла не та; звалюсь, хто васъ буде годуваты?

Уляна. Чымъ я тобі, мамо, у тягистъ? Литомъ на мойци, слава тобі Господы, скилькы заробляю! А зимою пряду; та и зибрала чымало: повписенька скрыня на колесахъ. Колыжъ я стилькы у дивоцтви зибрала, то могу себе и содержуваты и зодягаты и безъ мужыка дурая.

Одарна. Те таки, що зибрала, то гараздъ, а що за богатымъ мужыкомъ бильшь зберешъ, такъ те лучше. Послухай мене, Улясю! Послухай мене, доню! Не дровичь, иды за Стецька, даромъ, що дурный. Бачъ, никто не трапляеця. За кого жъ тебе и видаты? Де ти люде?

Уляна (застыньчиво). Мамо!... я бъ вамъ... щось сказала...

Одарна. А ну, кажы.

Уляна. Адже вы знаете Олексія?

Одарна. Якого се.

Уляна (смильте). Коваля. Ось чы въ памъятку вамъ, що доварывъ вамъ кочергу, а оце недавно чашлю зробывъ?

Одарна (вспоминая). Эге-ге-ге! Коваль? Знаю. А що? Чы не дума винъ?

Уляна (стыдливо). Атожъ!

Одарна. Нехай собі и у голови не поклада. Чы можна, щобъ я за него виддала? Хиба винъ тобі казавъ?

Уляна. Эге!

Одарна. А ты що? А ты ёму и не плюнула межы очы?

Уляна. Оттакъ пакъ! А за що?

Одарна. Щобъ не сикався за неривню. Чы не думаешъ ты за него?

Уляна. Атожъ!

Одарна. Та що се ты узала у голову? Чы ринъ же тобі ривна? Правда, винъ парень добрый, коваль мудрый, усячыну зробыть, не пье, зъ бурлакамы не гуля, противъ мене звычайный; усе правда. Такъ щожъ? Крепакъ!

Уляна. Що нужды, мамо, що крепакъ! Паны у него добри, про нихъ ус ды така чутка иде.

Одарна. Та хочъ воны и добри, та паны! Якъ такы се можна, щобъ тобі зъ воли та у неволю! була казённа, та пидешъ у пидданство; була городянка, та станешъ селянкою!

Уляна. Де бъ я не була, чымъ бы я не стала, то мыни й байдуже. Мыни зъ нымъ буде усюды добре, бо я люблю ёго!

Одарна. А того и не подумаешъ, якъ тебе поженуть на паныцыну?... Охъ мыни лыхо! Мою Улясю та на паныцыну!

Уляна. А чымъ паныцына страшна? Такъ за те не знатымемо ни подушныхъ, ни десятицькыхъ, ни хвонарныхъ; усе то паны за своихъ людей платють. Та и на мойци чы мало тамъ панськыхъ? Такъ усе-то, крый Боже! якъ-то хвалютця, що якъ добре зъ панамы жыты!

Одарна. Та вжежъ, Улясю, якъ собі хочъ, а я тобі маты, такъ я тобі скажу: скорышь въ мене на долони волосся выросте, чымъ я виддамъ тебе за Олексія! Та вже тутъ ничего патякаты: я вже старому Кандаюби казала, щобъ сёгодні и старостивъ прысылалы.

Уляна. Охъ мыни лыхо! сёгодні?...

Одарна. Сёгодні, сёгодні. Чого тутъ видкладаты? Постій же, доню, тутъ; Стецько прыйде, та й поговорите собі любенько; а ты не безумствуй, будь до него прыязна...

Уляна. Объ чимъ зъ такимъ дурнемъ и говорыты? Я невмію...

Одарна. Потурай! Дивка зъ парубкомъ, абыбъ зійшысь, ато найдуть объ чимъ говорыты, а часомъ и мовчкы ще й лучше подружыты; я се добре знаю. Посыдь же за воротмы, а я пиду лагодыты обидаты (Уходитъ).

Уляна (одна). Такъ такая-то моя доленька нещаслывая? Такъ такому-то дурневи достанеця орудуваты надо мною? Такъ такой-то ёлопъ надругаетця надъ моею русою косою? Що мыни у ёго богатствы! Казала жъ наща паламарька: черезъ золото, каже, слёзы лютця. Наварю и борщу и усякои стравы, та якъ воно буде розведено моими слизонькамы, чы пиде жъ у душу? Буде и одежа хороша и постиль била, та

колы стина нима, зъ кымъ буду розмовляты, у кого пора-доньку узятъ? Зъ Олексіємъ пишла бѣ на край свиту, стар-цѣвому сухареву буду рада, зъ калюжи водыци напьюся, абы бѣ винъ, мій милый, мій голубонько сызый, мій Олексіечко мыни подавь! Колыжъ горе и беда постыгне, то, абы бѣ винъ бувъ били мого серденька, винъ не дасть мини сплакнуты; а якъ приголубить мене, то и усю бидоньку забуду... (*Раз-вертываетъ купленный платокъ и, разсматривая его, поетъ*).

Хусточко жъ моя, шовковая!
 Чы на те жъ я зарабатала,
 Щобъ пелюбу та й не мыломутъ.
 Та и я дочыпляла?
 Хусточко моя, шовковая!
 Обитры мои слизонькы!
 Нехай же, нехай же видь ныхъ,
 Польшняють квитонькы!
 Хусточко моя, шовковая!
 Прийшлось тебе заховаты,
 Съ плиточкою, та и дротяною
 Теперъ, треба привыкаты!
 Хусточко жъ моя, шовковая!
 Не доставайся ворогу,
 Покрый мои ясныи очи,
 Якъ я ляжу у гробу!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

УЛЯНА и СТЕЦЬКО *выходитъ скоро; разинувъ ротъ и размахивая руками, идетъ и, увидѣвъ Уляну, останавливается, самъ съ собою смѣется, охорашивается; подходитъ и боится; осматриваетъ Уляну сзади и съ восторгомъ говоритъ.*

Стецько. Та и патлата! (*смѣется громко и, подошедъ къ Улянѣ, вдругъ перестаетъ и, долго подумавъ, говоритъ*). А що у васъ варылы?

Уляна (*стоя на мѣстѣ, не обращаетъ на него вниманія и печально отвѣчаетъ*). Ничого!

Стецько (*долго вспоминая*). Ну!.. ну!.. а теперъ... що?

Уляна. Що?

Стецько. Що?

Уляна. Що?

Стецько. Що?

Уляна. Що? ничего.

Стецько. Брешешь бо, якъ ничего? Батько казавъ: розпытай ии обо всеимъ. А чортъ ии зна, объ чимъ ии розпытуваты! Я усе позабувавъ.

Уляна. Такъ пиды до батька та и розпытай, колы позабувавъ еси.

Стецько. Такъ винъ бо добре казавъ, не йды, каже-говорить, видь неи, покы обо всеимъ не домовысся.

Уляна. Ни объ чимъ намъ домовлятыся.

Стецько. Якъ ни объ чимъ, колы вже ты за мене йдешъ?

Уляна. Ни, голубчику; сѣго николы не буде.

Стецько. А чомъ nebude?

Уляна. Тымъ, що я за тебе не пиду.

Стецько. А чомъ ты не пидешъ?

Уляна. Тымъ, що не хочу.

Стецько. Та чому не хочешъ?

Уляна. А не хочу тымъ, що не хочу.

Стецько. Ну, теп рѣ твоя правда. А батько казавъ, що ты пидешъ.

Уляна. Не пиду.

Стецько. Ну, а батько казавъ: не потурай ии, поженыхайся та писенькы заспивай, то вона и пиде. Отъ я и заспиваю.

На курочки пирьячко рябое;

Любымося, серденько, обое.

Дыбъ, дыбъ на село,

Кывъ, моргъ на него;

Я не дивка ёго,

Не пиду я за него.

Ой полола дивчына постернакъ,

Та сколола ниженьку на будякъ.

Дыбъ, дыбъ на село... и проч.

Не такъ болыть виженька зъ будяка,

Ой якъ болыть серденько видь дяка.

Дыбъ, дыбъ и проч.

Ой чыя ты, дивчыно, чыя ты?

Чы ты выйдешъ на вулицю гуляты?

Дыбъ, дыбъ и проч.

А що? чы хороша моя песьня?

Уляна. Такъ точнисенько, якъ ты, што ничего и не вто-
ропаешъ. Осъ слухай, яку я тоби заспиваю. *(Поетъ)*.

Въ мене думка не така,

Щобъ пишла я за Стецька.

Стецько стыдкый,

Стецько брыдкый!

Щуръ тоби, не вьяжыся!

Пекъ тоби, видченыся!

Божевильный!

Не дурна я и не пьяна,

Щобъ пишла я за Степана.

Стецько стыдкый, и проч.

Лучче впасть мыни зъ дубу,

Чымъ йты замижъ за Кандзюбу,

Стецько стыдкый, и проч.

Лучче мыни зъ мосту въ воду,

Чымъ достатыся уроду!

Стецько стыдкый, и проч.

А що, Стецю, чы хороша моя песьня?

Стецько *(долго смотритъ на нее молча, потомъ вдругъ
вскрикиваетъ)*. Погана! Який тебе нечистый такой навчывъ?
Якъ я и розслухавъ, такъ вона дуже погана! Зачымъ ты и
спиваешъ? Га?

Уляна. Та я тоби и спиваю и кажу, що не люблю тебе
и не пиду за тебе.

Стецько. Такъ се бѣ то, батько збрехавъ? Ну, ну! Осъ
тильки скажу ёму, що винъ бреше, такъ по пыци лопанця и
дасть *(вздохнувъ)*. Я вже пробувавъ.

Уляна. Такъ щожъ? То батько твій, а я тоби кажу, що
не хочу.

Стецько. Не треба мнѣ твого хотиння; пидешъ и безъ
нёго. Батько ще казавъ, щобъ ты не дровичлась.

Уляна. А чого мыни дровичысь? Я не скотына, нехай
Богъ мыде! А щобъ я пишла за тебе, то наврядъ. Я жъ
кажу, що наше сватання ще выламы пьсане.

Стецько. Эй!... чы Присько, чы Домахо, чы якъ тебе!
Послухай, та иди. Осъ колыбъ ты вже була моя жинка та

сказала бѣ, шо нехочешъ за мене, такъ я бѣ тоби пыку по-
бывъ, якъ мыни батько часомъ бѣ; а то ще теперъ не можна.
Батько казавъ, пьсля весилля можно жинку быты скилькы
хочъ, а теперъ не можна. Дарма! я и пидожду. А покы ще
ласкою прося: пиды за мене!

Уляна *(въ сторону)*. Що мыни зъ дурнемъ товковаты?
Покынула бѣ ёго, такъ маты даятыме. Зостанусь, та буду ёго
пиддурюваты.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и АЛЕКСІЙ, увидѣвъ ихъ вмѣстѣ, тихо подходитъ
и подслушиваетъ.

Стецько. Опе жъ у вечери и старостивъ прышлемо. Чы
прысылать?

Уляна. А якже? прысылай. *(Въ сторону)*. Побачишъ,
якого облызня пиймають.

Стецько. А пичъ колупатымешъ?

Уляна. Якъ то вже не колупатыму? Оттакъ усю поковы-
ряю. *(Деретъ его по лицу пальцами)*.

Стецько *(опрываясь хохочетъ)*. Бачъ, яка жартолыва!
Але трохи банскъ не выколупала. Зачымъ такъ робыты?

Уляна. За тымъ, шо я тебе шаную *(тихо)*, якъ ту со-
баку рудую!

Алексій *(въ сторону съ огорченіемъ)*. Отъ тоби и правда
на свити! Послухаю, шо дальшъ буде.

Стецько. Ну, кажы жъ ты мыни: якъ мы оженымось,
то шо будемо робыты? Га? кажы, кажы.

Уляна. Ты знаешъ, а я не знаю.

Стецько. Пожалуй, я знаю, а чы ты знаешъ?

Уляна. Та не знаю. Ну тебе зовсимъ.

Стецько *(смѣясь)*. Эге, такъ я тоби усе роскажу: нигде
правды диты. Мене батько навчывъ. Чи сказаты? *(болѣе
смѣется)*. Напечемо корживъ, зомнемо маку, та намишаемо
зъ медомъ, та й посадаемо, та и истымемо. И не мудро,
скажешъ? *(Увидя у нея шелковый платокъ)*. А шо то въ тебе?
Хустка? Чы не мыни то?

Уляна. Кому жъ, якъ не тоби, мій вороне чорнесенькій!
(Тихо). Твой пыци вона и прыстала!

Стецько. А ке сюды, я прымираю.

Уляна. Та нехай же у вечери, сама тобі почилю *(тихо)*, що и у двери не потовпыся.

Стецько. Що то; мабуть, гарно зъ хусткою! Чи знаешь що? Я ще зъ роду не женився. То-то десь гарно жонатому. шо уси жъ то, уси, куды окомъ закинешь, уси женютця! Будешъ мыни головоньку мыты и голубыты?

Уляна. Змыю, змыю *(тихо)*, шо тебе и чортъ не пизна. Пуръ вже ёму! прожену ёго видсила, та й втичу до дому. *(Ёму)*. А прыголублю ось такъ: ось ходы сюды. *(Протягиваетъ къ нему руки, а онъ, разньжася и охорашиваясь, хочеть подойти къ ней)*.

Алексій *(съ сердцемъ становится между ими)*. Здорова, Уляно! Нехай тобі Богъ помога!

Уляна *(обрадовавшись, бросается къ нему)*. А, мій Олексіечку! Де ты узався? Я тебе цилый ранокъ бажала.

Алексій *(сердито и отвращиваясь отъ нея)*. Дурный, шо и прийшовъ, не чувъ бы объ своимъ нещасті.

Уляна *(испугавшись)*. Охъ мыни лыхо! А шо тамъ за нещастя?

Алексій. Тоби лыхо? Незнаю, кому. Ох-ох-охъ! Отъ правда на свити! Здоровъ Степане! Поздравляю тебя засва-тавшись!

Стецько *(важно)*. Спасыби!

Алексій. Такъ оце у вечери до Уляны и за рушныками прышлешъ?

Стецько. Пришлемо.

Алексій. Боже жъ вамъ помогай! *(медленно идетъ)*.

Стецько. Спасыби.

Алексій *(все уходя горестно)*. Прощай, Уляно!

Стецько. Иды здоровъ!

Уляна *(въ сторону)*. О батечки! шо мыни робыты? Винъ ничего не зна, та й сердыця и утика, колы мыни свить не мымый. Якъ бы ёго зупыныты? *(громко)*. Олексію!

Алексій *(въ сторону)*. Зхаменылась? Нехай покортыты! *(будто не слышитъ и все идетъ)*.

Уляна. Олексію бо!

Алексій *(останавливаясь)*. А чога тамъ?

Уляна. Чога бо ты сердыся?

Алексій *(возвращаясь къ ней)*. Чы сежъ такы правда, шо ты йдешъ за ёго?

Уляна. Такъ щожъ, шо правда?

Алексій *(поетъ)*.

Чы се жъ тая крыныченька, шо голубъ купався?

Чы се жъ тая дивчыночка, шо я женихався?

Женихався, не сміявся, хотивъ иъ взяти,—

Уродыла товариша нечыстая маты.

Чы ждавъ же я бидынонькы такой на себе,

Щобъ почуты въ дивчынонькы, шо не йде за мене!

Не за мене, за другого йде моя дивчына!

Шо робыты? Тилкы ыты а свить за очыма!

Уляно, Уляно! якъ же мыни не сердытысь? Якъ мыни стояты и слухаты, шо ты, забувши, якъ десять разивъ бо-жылася генъ тамъ, на Холодній гори, у лиску, якъ зъ тобою за горихамы ходылы, шо ни за кого не пидешъ, опричь ме-не, а тутъ пры мыни кажешъ, щобъ прысылавъ за рушны-камы!... Грихъ тобі, Уляно! Занапастыла ты мене! Я жъ ка-жу: колы се правда, шо ты идешъ за Стецька, шо у посмихъ на увесь городъ, за навиженого, за дурня...

Стецько *(зъвавший по сторонамъ, наконецъ, вслушался въ послѣднія слова)*. Брешышь, брешышь! Оце вже, голуб-чыку, брешышь! Тривай лышень: я ще не зовсимъ дурный, а батько каже, колы ще и винъ не бреше, шо въ мене не-уси дома. Та дарма; хочбы и дурный, такъ хыба не можу женитыся? Тутъ не розуму треба; я вже знаю.

Алексій. Такъ шо жъ у тимъ, шо оженися, та якъ не вмитьмешъ жинку содержать? Треба ии годуваты. Ніякои ху-добы не стане, колы не будешъ самъ робыты. А вмить ты шо робыты?

Стецько. Робыты пожалуй вмю, такъ талану щось нема. Разъ батько такы протурывъ мене на тикъ. Дарма; я и пи-шовъ, узавъ ципъ, и молотю зъ дядькомъ Панасомъ, а винъ ще, братику, лысиший, чымъ мій батько. Я чы вдарывъ разъ по снопови, чы ни, а его якъ учыщу замість снопа та по лысыни, а винъ якъ гопне объ землю, такъ сторчака и давъ! *(Смѣется)*. А я соби: кыхъ, кыхъ, кыхъ! кышкы порвавъ, ре-

гочачысь. Годи пiсля того часу молотыты! Батько сказавъ: нема талану, лучче чумакуваты та у дорогу ходыты.

Алексій. Ходывъ же ты у дорогу?

Стецько. Ходывъ.

Алексій. А куды?

Стецько. Зъ хурою, до моря.

Алексій. До якого мiсця?

Стецько. Ажъ до Основы.

Алексій (*смиється*). Крый Боже, якъ далеко! Ажъ двi версты!

Уляна. О щобъ тебе, Стецю! и мене росмишывъ.

Алексій. Зачымъ же ты увъ Острову зъ хурою ходывъ? Чы не въ биръ по шышкы?

Стецько. По шышкы! Тютю! ще й смiетця! Кажуть тоби, пишла хура до моря, за рыбою. Отъ и мыни батько давъ пару волывъ, нехай, каже, хлопья прывчаецця. Отъ мы идемо, идемо, усе идемо, усе идемо... ажъ гулькь! прыйшлы увъ Основу. Тамъ чортъ надай дядькывъ, Дыкани, колы знаешъ; та и заклькала мене обидаты. Отъ я и сивъ, та и обидаю, обидаю, усе обидаю та и забувъ про хуру, а вона, братъ, якъ учыстыла, та ажъ до Пылыповаго села, а я усе обидаю, усе обидаю... та якъ пообидавъ, та и потягъ у солому! такы до дядькывъ на тикъ, та якъ давъ хропака, та ажъ геть-геть до вечера. Ну, знаешъ, батько побигъ провидаты хуру, та и нагнавъ, та и пытаецця: а де Стецько? А Стецька катъ-ма! (*Смиється*). Хропе, сердека, у соломи, мовъ панъ на подушкяхъ. Ажъ гулькь батько у солому, якъ потягне мене рубанцемъ! А я зъ просоння якъ злякаюсь, якъ побижу та черезъ вогороды! А батько якъ гукне: хлопци, сюды! Тутъ, братъ, нынче зъ пюрни хорты до дерты, такъ хлопци повибигалы, та мене ловыты, та й пiймалы, узялы, мыни руки закрутылы, та звязалы гарненько, та у городъ, та до волосного правленiя, та у колоду, а уранци и приводъ.

Алексій. Такъ тебе и у приводъ водылы? Я сего и не чувъ.

Стецько. Водылы, голубчыку! Сказано, слухай батька та не втикай.

Алексій. Що жъ тоби було у прыводи?

Стецько. Потылыццю выголылы, та и пустылы. Не що.

Алексій. Черезъ що жъ тебе не прынялы у салдаты!

Стецько. Та такъ, беда сталася: не зумивъ пальчивъ переличыты! (*Перебираетъ пальцы*). Та и до-биса жъ ихъ и на рукахъ! Станешъ ихъ личыты, такъ-такъ одынь одного и попережа. Осъ бачъ! (*Перебирая пальцы, задумался*). На якого гаспыда такъ богато пальчивъ? Эге! А я знаю. Осъ Ячъ, Уляно! Якъ бы ты зъ однимъ пальцемъ та зложыла оби дулю? Эге! Не можна бо, хочъ якъ, та не можна!

Одарна (*изъ-за воротъ кричитъ*). Уляно, Уляно! А иды обидаты!

Уляна. Заразъ, мамо, прыйду.

Одарна. Колы Стецько тутъ, кльчъ и ёго.

Стецько. Осъ-озыдечкы я. Обидаты? Заразъ. Що то вже я люблю обидаты! Я бъ и въ день и въ ночи усе бъ обидавъ! (*Уходитъ во дворъ*).

Алексій. Що, Уляно? чула? Отъ за якого дурня идешъ!

Уляна. Чы якъ сама за него йду, чы що?

Алексій. А якъ же, колы и за рушныкамы велила прысылаты. Я самъ чувъ. Прощай, Уляно! Богъ изъ тобою! Тилкы мене и бачыла Самъ соби смерть заподию...

Уляна (*бросаясь къ нему*). Олексiечку, мiй голубчыку! И я безъ тебе не хочу на билимъ святи жыты! Не вмирай безъ мене, озьмы и мене зъ собою! Не покынь мене сыротынку!

Алексій (*стоитъ, не обнимая ее*). Та се правда? Де жъ твоя божба. Уляно? Тяжко моему сердцю, колы вже и ты не держишь правды и миняешъ того, хто тебе любывъ видъ щирого сердца, дуже любывъ!... и миняешъ на кого? Не боисся жъ ты Бога, га?

Уляна (*все обнимая его*). Бога я боюсь, люблю тебе, мiй лебедыку, мiй сызый голубоньку; часъ видъ часу бильшь люблю, чымъ упершъ на вулицы зiйшлыся. Не покынула бъ я тебе ны за-що на-свити; що жъ будешъ робыты? Не моя волонька: маты емле!

Алексій. Ты жъ ий казала, що мене любышь?

Уляна. Казала усе: казала що не хочу за Стецька, казала, що колы не за тебе, то и ни за кого не пиду; такъ и говорыты не дае. Та вже жъ: на усе пиду, а за Стецькомъ не буду. Приголубъ же мене у останнiй разочокъ! (*Обнима-*

ютъ)

Дуетъ.

Улна.

Горе, лихо и беда!

Не дають за тебе!

Олексію, сердце мое,

Не покинь ты мене!

Алексій.

Не вбывайсь, моя Уляно!

Буду вишно я любыты.

Бо ніякъ мыни не можна,

Везъ тебе на свити жыты!

Уляна.

Я боюся zostаватысь;

Вже и маты скоро выйде.

Алексій.

Тяжко, важко розставатысь!

Що жъ? Нехай же хочъ и прыйде,

Въ ноги ій отгуть впаду,

Слизонькамы обиллю

Уляна.

Станьмо мы іи молыты.

Станьмо жалибно просыты:

Вмѣстъ.

Не розлучай насъ, мамо ридна!

Ой дай пожыты ще намъ биднымъ!

Не пый, не пый ты нашой крови!

Не розрывай мижъ насъ любви!

Уляна.

Умру безъ тебе, Олексію!

Алексій.

Соби я смерть самъ заподію!...

Алексій.

Горе, лихо и беда!

Не дають за мене!

Ой Улясю, сердце мое,

Не забудь ты мене!

Уляна.

Горе, лихо и беда!

Не дають за тебе!

Олексію сердце мое,

Не покинь ты мене!

(Обнимаются).

Стецько *(выходя изъ-за воротъ).* Чы то тебе довго ждаты? Вже и борщъ поилы и яловычыну покрышылы, а вона и не иде. *(Увидѣвъ, что любовники обнимаются).* Бачъ, зъ кымъ тутъ вона! Маты не збрехала, казала, що вона мабуты зъ Олексіемъ розмовля; а воно добре розмовля, що женихаецця! Иды жъ, иды. Казала маты, що колы, каже, честю не послуха, то жены іи у потылицю.

Уляна. Та иду, заразъ иду. Олексіечку! не втикай видсия; я швидко выйду. За слизонькамы и не истыму ничого, та й поспишу до тебе. Последня наша годинонька, тилькы и наговорытыся зъ тобою! *(Плача уходитъ во дворъ).*

Стецько. Выйдешъ, выйдешъ, колы то ще пушу. *(Подходитъ къ Алексію).* А ты чога тутъ, пробышако?

Алексій. Чого? я до Уляны прыходывъ.

Стецько. До Уляны? А засъ не знаешь? До Уляны!

Алексій. Шо? ще и сей ставъ на мене гриматы!

Стецько. Атожъ и не гриматы? Одарка казала: прожены его.

Алексій. Ты мене проженешъ? О вражый сыну! Черезъ тебе така напасть? *(Бросается къ нему. Стецько испуганный бѣжитъ; Алексій, поймавъ его, схватываетъ за грудь и трясетъ).* Задушу анахтемську виру! О, якбы я не боявсь гриха, тутъ бы и аминь моему супостатови! *(отталкиваетъ его отъ себя).* Згинь зъ очей, кателыче!

Стецько (до чрезвычайности испуганный, не может кричать, а стоит в углу и во все время стонет и дрожитъ).

Алексій (успокоившись). Дурный и я, що зь дурнемъ звязався! Що мыни робыты? Де сыкаты помочы? Тяжко моему сердцю! Самъ бы на себе руки пиднявъ! Похожу по горн. погы Уляна выйде; чы не прыдумаю чога. (Уходитъ).

Стецько (осматривается во все стороны и, не видя Алексія, бѣгаетъ и кричитъ). Проби, ратуйте, ратуйте! Кто въ Бога вируе, ратуйте! Ой, ратуйте!... Проби!...

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

СТЕЦЬКО и ПРОКИПЬ съ ОДАРКОЮ.

Одарка (бросаясь къ Стецьку). Шо? що тутъ таке? Чога ты крычышь?

Прокипъ. Чы не обзычыкы кого зь горилкою злапалы?

Терцетъ.

Стецько.

Харцызяка мене бывъ!

А я каши ще не ивъ...

Одарка.

Ось, внесу тобі и каши... (уходитъ).

Стецько (плачетъ).

Гы, гы, гы, гы, гы!

Кашы хочу, кашы, кашы!

Прокипъ.

Ой ходимъ мы за лисокъ,

Тамъ новенькый е шынокъ,

Купымо горилкы глѣкъ...

Стецько.

Цуръ тобі изъ нею пекъ!

Кашы хочу, кашы, кашы!

Одарка (приноситъ ему большой кусокъ каши).

Одже и каши на шматокъ,
Ижъ же, сыну, та не плачь.

Стецько.

Еге! Ось побачъ:

Я хочъ и зовсимъ

Оцю грудку ззимъ,

А плакаты ще буду,

Ще бо мняса я не ивъ:

Такъ сѣго я не забуду.

Одарка.

Ходимъ до хаты мы, ходимъ!

Тоби мняса я добуду.

Стецько.

Та я и мнясо хочъ поимъ,

А плакаты такы все буду.

Прокипъ.

Отъ лыхо, лыхо и зовсимъ,
Нигде горилкы не добуду!

(Уводятъ Стецька съ собою).

Дѣйствіе второе.

Та же улица.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Скорикъ (*выходитъ съ другой стороны дома Прокопова*).
Што за приятной оцей Харьковъ! Ей, истинно! и за границею таково не видалъ! Таки што хозяинъ, то и доброй чалавѣкъ. Той тебя проситъ абедать, другой на кунпанію; та все съ потчиваннѣмъ та зъ ласкавымъ словомъ. Вотъ усю Туречыну, Францію и Россію прахадилл, а нѣтутъ такого приятнаво города! То-то Харьковская Русь матушка! Та какъ усе нашаво брата повожають! Ни хрестини, ни свадьба у знакомыхъ не бувайтъ, штобъ безъ меня-та обошлось. Правда и то, што ужъ никто такъ парядка не дастъ, какъ я (*нюхаетъ табакъ изъ тавлинки и вздыхаетъ*). Павидавъ таки свиту и я на своемъ вику! И гдѣ-то я не пабувавъ! Такъ куды мужику противъ нашаво брата справитця-та, хочъ у дружкахъ, али у старостахъ, али у кумахъ. Всѣ законы знаю атъ таво и усѣ ка мнѣ. Вотъ и у вечеру пайдемъ старастаю дѣвку сватать; тамъ акрама таво, што отъ Шкуратыхи рушникъ шумитъ, та и старой Кандзюба на радощахъ, што засватаю сына ево дурака, чимъ небудь таки постушитця-та. Вотъ и будетъ на табакъ! (*смигется*). Въ свѣтъ только живи умѣючи, ато не пропадешъ зъ го-ду (*поетъ*).

Лишь умѣй за дѣло взяться,
Можно всеюды поживлятьця;
Въ полѣ бый, колы, рубы,—
Дома денежки беры.

Подпускай дѣвчатамъ лясы,
Старымъ бабамъ баянтрасы,
Самъ же въ оба лишь смотри,
Да зъ ныхъ денежки беры.
Въ свѣтъ много чудаковъ;
Охъ! и не безъ дураковъ.
Только имъ не говоры,
Мовча деньги зъ нихъ беры.
Не одинъ на свѣти я—
Лѣкаръ, купчикъ и судья
Правдой въ свѣти не живетъ
И гдѣ можно—знай беретъ

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СКОРИКЪ и АЛЕКСІЙ.

Алексій (*выходитъ въ задумчивости*). Ходывъ-ходывъ, а все такы не знайшовъ своего щастя. Бувъ и на кладбыщи, позавыдувавъ покійныкамъ; имъ-то ни печалы, ни воздыханія, якъ спивають дякы. Лежать соби и вже ни обь чимъ не думаютъ; а нашъ брачыкъ терпы! Думай соби та гадай, та ничего не выдумашъ. (*Поетъ*).

Горе, лыхо, пропадаю!
Де захватись видъ биды?
Смерть найты я де—не знаю;
Видъ людей куды втыкты?
Ой хожу я и блукаю,
Якъ те сонце въ крузи!
Куды иду, що шукаю,
А все сердце въ тузи!
Горо крута, роаступься,
Лису темный, розійдыся,
Ричко быстра, пиднимься
Вся звиряка, набижься!
Погубить мене мерщій.
Колы хочешъ, щобъ пропасть,
То жывы середъ людей.
Видъ ихъ бидъ и видъ напасты
Швыдче вмрешъ, чымъ одъ звирей!

(Подходя къ двору Прокіпа). Обишала же Уляна після обиды выйты; пидожду, колы не збреше. Що жь ий скажу? Що жь я выдумавъ? Ничого! Зйдемось, посумуемо, поплачемо... та и тилькы; а у вечери гаспыдськый Стецько буде хусткою выхвалятыся!

Скорикъ (все узнававший его, говоритъ тихо). Та онъ же Алексій. (Ему). Паслушай, маладецъ!

Алексій (оглянувшись къ нему). Га? (кланяется небрежно). Здрастуйте, господа служивый? (Безъ вниманія оставляетъ его и идетъ къ хатѣ).

Скорикъ. Алексій! Ты меня и не позналъ?

Алексій (подходя къ нему, всматривается). Ни, щось не пизнаю. А видкиля вы?

Скорикъ. Та видкиля, видкиля и вы... Та што тутъ, нѣгде дѣтись: я Осипъ, дялюшка твой.

Алексій (узнавъ). А! такъ и е! (Обнимаются). Здоровы жь, дялюшка, булы! Давно не бачивъ васъ, та и не пизнавъ. А шо, годивъ чотыри е?

Скорикъ. Та такъ-такы, што есть. Втямки тебѣ, какъ мы зъ палкомъ ишли у Туречину черезъ Харьковъ и я зъ вапымъ управытелемъ тутъ зайшося; вотъ тутъ и тебя выдавъ.

Алексій. Та знаю жь, знаю. Тоди мене привезлы виддывать у ремество.

Скорикъ. Такъ ты усѣ у городѣ и живѣшь? Што жь я зъ табой нигде не пастрѣчался? А у какомъ реместви?

Алексій. Та въ коваляхъ, и вже въ роботныхахъ, на заводи кубы дилаемо. Сто двадцять рубливъ беру у годъ.

Скорикъ. Чесной парень, сполать! Што жь твои батюшка и мать, сестра моя, живеньки?

Алексій. Батюшка померъ, а маты дуже старенька, одначе, слава Богу, ще жыва. Браты поженылысь, а меншу сестру у двирь узялы за барышнею, а ти повиходылы у наше жь такы село. Я тамъ заговивши бувъ. Що жь вы до насъ не навидаетесь? Чы вы теперь у одпуску, чы якъ?

Скорикъ. Изъ палявыхъ, булъ у нехвалытахъ, а дали чыстую палучилъ. Хатѣль, штобъ такы навидатысь да сваихъ; хочъ бы сестру павидать. Десять гадовъ, какъ ии выдавъ; було замыреные, такъ у отпускъ прихадилъ. Ты ищо бувъ махенькій, не помнишь. Теперь хатѣль, штобъ не быть безъ

службы, пайскачь себѣ мѣстечка, такъ што-то не то. Савѣговали до аткупщика на заставу, такъ я, братъ, салдаты и чесную душу имѣю; намъ туда не рука.

Алексій. Отъ вже, думаю, походылы по свиту, навидалысь усячины?

Скорикъ (хвастливо). Ушь я то ни пахадилъ? Есть ли такая старана, гдѣ бь я не пабувалъ? Булы мы и у Франціи, усю Нимецію прайшли, у Расьи стаялы, та и у Туречину завертали-ста! Што-то, батюшки, свѣтъ великый! Какъ вы живѣте здесь у глуши, такъ и думаете, што вотъ только и свѣта, што надъ вами? Нѣтъ, братъ! Пайди вотъ какъ мы-та, такъ Господи! сколько гадовъ надомно, чтобъ увесъ ево прайти, вотъ какъ мы исхадилы-ста!

Алексій. Набачылысь, мабутъ, усякого дыва. Што то якъбы колы гуляючы послухаты!

Скорикъ. Вотъ какъ дождѣмъ Рожественскыхъ святъ, такъ пайду у ваше село и тебя азму съ сабой, тамъ ушь буду розказовать. Будеть чаво послушать пра чужны земли. Усякъ, хто ни розказуе, усякъ брешеть, усѣ не такъ; я до всѣво приглядался. Тамъ, братъ, усѣ не такъ, какъ у насъ. Прийдѣшь у Францію, такъ тамъ усѣ Французъ нагало; а у Нимеции,—другой народъ, Нѣмецъ до едыного, а ушь нашаво и не спрашуй; у туречину прыйды, такъ куда ни абернись, усѣ Турки, усѣ Турки; ажъ сумно! А во всякой земли гаворять не по нашому. А какъ? вотъ видишь, я тебѣ и его разталкую. Вотъ у насъ, примѣромъ сказать, хлѣбъ; вотъ и я, и ты, и усякъ знаетъ, што то хлѣбъ, а у нихъ такъ иначе заветця. Али вотъ и вода: ну, малая дитина у насъ назаветъ тебѣ воду водою, а у нихъ такъ и не вмѣють такъ назвать. Умново въ нихъ никаво не спрашуй; усѣ па своему и са-всѣмъ не такъ, какъ у насъ.

Алексій. Господы мылостывый! Якихъ-то людей на свити нема! Де вы, дялюшка, на хватери? Я бь до васъ прыйшовъ колысь бы послухаты.

Скорикъ. Да я такъ—то у аднаво прыятеля паживу, то у другога, та де-чемъ и промышляю. Спасиба Харькавцамъ, палюбили меня! Де христыны, де свадьба, то ушь безъ Осипа Скорика не абайдетця, патаму што увесъ законъ знаю: какой парядокъ у какомъ случаѣ падать и где какое слово приставитъ, и где пабрехеньку выпуститъ. Та и то втому жь, какъ

стояли зъ палкомъ у Ягатыни, такъ тамъ старыкъ хазяинъ, та и палобиль меня и показаль де-што; такъ я и знаю али кровь замовить, али отъ гадюки заговорить; скотину исправить, и прочего де-чаво знаю. Хадивши какъ я по Франціи и по Туречини, чаво то чалавѣкъ не навчитця! А ать таво и хлѣбушка перепадаетъ. Вотъ и сей вечеръ, прахаль адинъ пріягель высватать сына; та хочъ онъ и дурачокъ, та я знаю, какъ тутъ павернуть. Узять грѣха на душу, наболшъ брехать, какъ абнаковенно при сватаннѣ...

Алексій (*нетерпѣливо*). До кого жъ се вы идете старостю!

Скорикъ. А вотъ пайдѣмъ до Прокопа Шкурата, вотъ онъ тутъ и живѣтъ, а дѣвка братъ важная!

Алексій. Та що се вы зо мною робыте?... Се вы мене, дядюшка, буцимъ живого ржете!... Се вы мыни смерть заподиваете!

Скорикъ. Што ты говоришь? Нѣшта дѣвка тебѣ приглянулась.

Алексій. Та не то, ще прыглянулася, а мы вже бильшь пив-году зъ нею любымося, и божылыся и запрысягыся, щобъ намъ не разлучатыся, а теперь, якъ постыгла насъ лыхая годинонька, що ии сылуютъ за Стецька Кандзюбенка, такъ намъ и свить не змылыся! Поможить, будте ласковы! Не идить сватать за Стецька, а ходимъ зо мною до Шкуративъ, та поговорыте объ мыни. Вы таки свиту навдыалыся; знаете и Хранцюзьке слово и Турецьке; зробить такъ, щобъ Уляну за мене виддали и щобъ не дали мыни зъ журбы пропасти, та щобъ не загубылы и ии! Бачыте, яка ходыть!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же и УЛЯНА, вышедъ за ворота и увидѣвъ Скорика, застыдилась и аочетъ воротиться.

Алексій. А иды, Улясю; а иды, галочко, сюды. Та не соромся. Се мій ридный дядюшка вернувся съ походу. (*Приводить ее къ Скорикю*). Осъ росказы ему, якъ ты мене любышь.

Уляна. Здйайте мылость, уступитесь за мене бидную, нещасную! Хочуть мыни свить завязаты, хочуть мене сылоу виддаты за Стецька, за того дурного...

Скорикъ. Ахъ ты дѣвушка, дѣвушка! Павези тебя у Францью, такъ бы тамъ тебя назвали мамзель, а у Туречини — марушка, а у Рассѣи — дѣвушка-заснобушка! Я усѣ ихъ языки знаю. Ну, какъ тебя аддаты за Стецька, когда ты любишь маво племянника.

Уляна. Охъ, батечку! Якъ же вы оце видгадалы, що я ёго люблю?

Скорикъ (*хвастливо*). Ну, да такъ; не усѣ спраста. Хадили такы па паходахъ, виддали свѣту, та де-што и знаемъ. Ну, такъ ты любышь ево?

Уляна (*стыдливо*). Мыни стыдно сказаты! Адже вы знаете?

Скорикъ. Ну, Алексій тебя любить?

Уляна (*скоро*). О, про ёго скажу: винъ мене любыть такъ, що и сказаты не можна, и каже, що краце мене нема ни межъ селянами, ни межъ городянами. Я бъ и про себе сказала бъ вамъ, якъ я ёго люблю, такъ негодытця про се росказуватъ. Я тилкы матери сказала, що люблю ёго дуже, дуже, и що краце ёго и у всимъ Харькови нема. А вамъ сѣго не скажу.

Скорикъ. Што жъ матушка? Каково чорта вона ретируется-та?

Уляна. Каже, що крепакъ. Бойтця, щобъ мене у сели не обиждалы.

Скорикъ. Крепакъ? Такъ што жъ за беда? Вана не хадила по свѣту, такъ ничаво и не знаетъ. А вотъ какъ я хадиль па паходахъ, такъ видаль, што и у Франціи, и у Туречини, и у Рассѣи за памещиками крепакамъ життѣ доброе. Вотъ и Алексіевъ баринъ доброй, чесная душа! А што меня у салдаты аддали, такъ ета по наговоркамъ прикажчика. Такъ што жъ? Паслужиль Богу и государю, пахадиль па паходахъ, навидался свѣту и у Франціи, и у Нимечынѣ, и у Рассѣи, и у Туречынѣ; та и сталъ чалавѣкомъ, та и горюшки мнѣ мало-ста.

Алексій. Постарайтесь жъ и объ насъ, дядюшка! Кыньте Кандзюбенка, ходимъ до Шкураткы, та поговорить, нехай не губыть насъ!

Уляна (поеть). Ой дядечку,

Голубчику,

Змылуйся надо мною!

Не дай мыни,

Сыротыни,

У яму иты живою!

Якъ рыбонька безъ водыци,

Такъ я, сердешна, бьюся!

За дурного за Кандзюба

Сылуе матуся!

Зъ Олексіємъ розлучають,

Не дають пожиты.

Лучче смерть я заподію,

Колы не любыты.

Ой дядечку,

Голубчыку!

Не дай мыни пропасты!

Прошу тебе,

Ратуй мене,

Защыты видъ напасты!

Озымы свое ружжо страшне,

Та стрелны въ Уляну.

Ой чымъ иты за нелюба,

Лучче лягты въ яму.

Озымы свою шаблю востру,

Зрубай мене разомъ!

Безъ мылого Олексія

Вмру однимъ я часомъ!

Ой дядечку,

Голубчыку,

Прошу тебе,

Ратуй мене,

Не дай мыни пропасты!

Скорикъ. Нѣтъ, сего не мажу сдѣлать. Я присяжной чалавѣкъ, абычалъ Павлу Кандзюбѣ йтыть за рушныкамы и давжонъ здержать слово. Тольки вотъ што: на сватанни впалавину буду брехать и розхвалювать дурного Стецька, а такъ,

зъ военнава артикулу, закину и усѣ дѣло около пальця зверну; а завтра прыйду та и буду атакувать стару Шкуратку; я знаю, у ней уся сыла. А когда што не то, такъ мы и наговорною водыцею попоштуемъ, тогчасъ сласця и думкою на лѣво кругомъ! (Поеть).

Ушъ не даромъ мы хадили,

Скрозъ въ паходахъ изслѣдили.

Знаю, знаю весь обрядъ,

Дѣло все звезду на ладъ.

Булъ у Нѣмцовъ на родынахъ

И у Турковъ на крестынахъ,

У Французовъ былъ дружкомъ,

Тамъ хадила я съ рушныкомъ.

Одъ гадюкы одчытаю,

Стару дѣвку просватаю.

Лыхаманку зашепчу,

И злодія проучу,—

Все зроблю я, што вамъ нужно;

Ворожить теперъ досужно.

Знаю, знаю весь обрядъ,

Дѣло все звезду на ладъ.

Алексій. И, вже до завтрѣго! Лучче бѣ сѣгодня. Пожалеуста, дядюшка! (Уляню). Адаже маты дома?

Уляна. Нема, пишла у ризныи яловычыны купуваты; буде вечерю варыты на те прокляте сватання. И я жъ кажу: лучче бѣ сѣгодня, якъ паньматка вернетця, та и поговорылы бѣ, або може и выдшепталы бѣ ии видъ Стецька; ато якъ рушныкы подаю, то и побоитця видкыдатысь, щобъ не платыты Кандзюби безчестя за наругателство.

Скорикъ. Вотъ, а я жъ у васъ на што? Сѣводни никакъ не мажу, даль слово, давжонъ сполнить; я на то прысягу принималъ, щобъ стоять и у слови, и у дѣли, а назадь не подаватця. А завтра другое дѣло, посмотримъ и на зори и што кому приснытця. Можетъ, такы Осельбъ Скорикъ што-небудъ та знаетъ-та. Ушъ онъ ли свѣта не бачыль? не учить ево. Разведетъ бѣду и не такую. Потерпите до завтрѣво. Авось!

Уляна. До завтрёго? Може мене завтра на столи побачите!

Алексій. Якъ тилкы здумаю, що Уляна чыпляе хустку оттому навиженому Стецькови, то мене такъ трясця и трусить. *(Стецько за кулисами поетъ).* О, бачъ, який иде!

Скорикъ. Жалко мнѣ васъ, дѣтушки! А по другой командѣ, вотъ што: не только свѣту, што у въ акнѣ; я и самъ думалъ, што только ево и есть, што у насъ, а какъ пашоль па усѣхъ государствѣхъ, такъ батюшки! какой свѣтъ большой! Такъ и вы не тужить. Папськай другой дѣвки, когда сая не наша. Теперича пайдю товариша у старосты съкаты; а ти черезъ часъ мѣста дажидай меня на Лопанськомъ мосту. Я тебѣ новый пароль скажу. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

УЛЯНА, АЛЕКСІЙ и СТЕЦЬКО поетъ и грызетъ орѣхи.

Стецько *(поетъ безъ музыки).*

Ишовъ Стецько лёдомъ,
Свыня огородомъ;
Подай мыни, моя мыла,
Свою билу ручку!

Бачъ, де вона! А я соби сыдивъ, сыдивъ, ажъ спаты захотилося. И що робить, не знаю: чы йты до дому, чы тутъ старостивъ дожидатись? Никого и спытатись. Маты повіялась вудысь, а старый усе кыкала мене на волну, дали и захрипъ; тамъ такъ здорово хропе, що ажъ хата трусытця. А я полизъ на польцю, та й намацавъ горихы, та и трошу ихъ. Анумо, Уляно! цятатись! А кажы: чы чить, чы лышка? Отъ у жмени держу.

Уляна. Та пиды соби геть! Чить, тилкы видчепысь!

Стецько *(щитаєть орѣхи).* Такъ, видгадала, оце одынь, два ихъ, пѣять, десять, три, уси!

Алексій *(ударивъ его по руцѣ, выбиваетъ орѣхи).* А ты, бачу, и личыты не вмѣшь? Оттакий козакъ!

Стецько *(оглянувшись и тутъ только увидѣвъ его).* А ты чого тутъ, пробышако? Чого ты зъ моею дивчыню стоишь?

Чого ты дывысса на неѣ, та ще може и говорышь изъ нею? Гляды, щобъ я не давъ тобі щыпки! Геть видсила, кажу тобі! *(Алексій подходитъ къ нему, а онъ пятится отъ него).* Цуръ тобі! Не заньмай мене, я тобі кажу! Ато побачышь, що я тобі зроблю.

Алексій *(все подступая къ нему).* А ну, ну! що ты мыни зробишь?

Стецько *(отступая).* Що зроблю? Ось побачъ; ось тилкы хочъ цалцемъ доторкнесся до мене, то якъ скаженный закричу: проби! ще дужче, чымъ тоди.

Алексій. Цуръ дурня та масла грудку! Чуешь, я тобі кажу: не вѣяжысь до людей, то и я тебе не заньматыму.

Стецько. А до якыхъ же я людей вѣяжусь? А кажы, кажы!

Алексій. Чого ты вѣяжесся до Уляны, ёлопе? Вона за тебе не хоче.

Стецько *(подобравъ орѣхи, продолжаетъ ихъ грызть).* Дарма.

Алексій. Вона каже: лучше ий зъ мосту та у воду.

Стецько. Дарма.

Алексій. Вона каже, що за тобою буде пропаша.

Стецько. Дарма.

Алексій. Вона каже: лучше ий свить за очыма питы, чымъ за тебе.

Стецько. Дарма.

Алексій. Вона каже: цуръ тобі, пекъ тобі, осына тобі, дурный, божевильный, навиженый, кателыче, бузовире..

Стецько. Дарма, дарма, дарма! Хочъ ты мыни що хочъ кажы, а я тобі усе казатыму: дарма, за тымъ, що дарма. Хочъ вона и не хоче, хочъ вона плакатыме и вбыватыметця, хочъ здохне, то мыни дарма, абы бѣ тилкы пишла за мене.

Алексій. Що ты будешъ зъ такимъ дурнемъ робыты! Винъ усе свое товче. Ну, ще ласкою попрошу тебе: Павловичъ, Степанку, голубчыку! Видкынься видъ Уляны не заидай ий вику, дай ий ще на свити пожиты зъ кымъ другимъ, а не зъ тобою! Не беры иѣ, я тобі спасыби скажу!

Стецько. Такъ и я жъ тобі, братику, ласкою скажу, що я бѣ тебе послухавъ, такъ що жъ будешъ робыты зъ моимъ батькомъ! Оженысь, каже, такы оженысь; та вже ажъ обрыдъ

мыни съ сымъ оженнивямъ; такъ оце тилкы за тымъ я и женытыся хочу.

Алексій. Та шукай соби другой дивчыны; се вже не твоя и не хоче за тебе.

Стецько. Та де ихъ у враговой матери знайдешъ? Вже я разъ ходывъ зъ старостамы; ходылы по усему за-Харькову и усю Запкивку и Москаливку выходылы; де хочъ поганенька дивка була, усюды заходылы, такъ ни одна не йде, якъ за-тялысь.

Уляна. Чомъ же вони за такою парубка та не йдуть?

Стецько. Безъ сорому казка: кажуть, що дурный. «Дурный, цуръ ему!» Ось якъ кажуть. Се вже урагова мода стала, що усе за розумныхъ хотять. Видь сего и люде на свити переведутця: за дурныхъ не йдуть, а розумныхъ нигде узяты, отъ уси люде и повыздыхають, а новыхъ людей-пирру! нигде буде узяты!

Уляна. Та и я жъ тымъ за тебе не хочу, що ты дурный, и тоби у вичи кажу.

Стецько (молча смотрѣлъ на нее быстро и долго, потомъ вдругъ вскрикиваетъ). Тю на твою голову! Ты тилкы сама кажешъ; а маты каже, що я не зовсимъ бы то и дурный; такъ хто васъ зна, хто зъ васъ бреше. А тамъ и дивка каже, и батько каже, и маты каже, браты кажуть, сестры кажуть, що буцимъ я дурный, такъ вже нигде дитысь!

Алексій. Оттакъ казалы за-Харькивци, а якъ прыйдешъ свататысь на Гончаривку, то и за-Лопанци тежъ скажуть.

Стецько. Матери трясця за-Харькивциамъ и за-Лопанциамъ, колы такъ скажуть! А купци такъ не те кажуть.

Алексій. Хыбы жъ тебе и купци знаютъ? Якъ же ты до нихъ попавъ?

Стецько. Ось бачъ якъ. Пославъ разъ батько,—та и близенькій свить!—ажъ за Нетечу, а я й не потрапывъ, та и блукаю по вулицяхъ, та розглядаю. А тутъ шустъ на мене кони! Машталиръ якъ уриже мене у се плече кнутомъ, якъ гыкне: пади! Я сюды; а мене другой по сему плечу; я бачу, що неперелывкы: видсила кони, видтила пани, такъ я шморгъ у лавку, та и дывлюсь, що тамъ робытця. А тамъ купци та такъ обдурюють панивъ, що на! (Смѣется).

Алексій. Чымъ же вони обдурюють?

Стецько. Эге! ось якъ. Увидѣ пани у лавку, уся така пвахована, якъ макъ у поли. Брыль на ній... тилкы що увъ огородъ горобцивъ полохаты, та шовкове рядно напъято, а скрызъ такъ и свитытця... (Смѣется). Вже я, братику, нады-вывся!.. Отъ купецъ и подасть шовковой ганчиркы шматокъ, або хусточку дыряву, шо мыни и на онучи ии не треба, та и дупыть грошыкы скільки выдно. А вона и хвалытця, шо добро купыла; а я бачу, та регочусь соби, та думаю соби: купыла добро, шо и на пидтычку не годытця. Ажъ ось мене купецъ и вздривъ, та и каже: чаво табъ, маладець, нада? А я кажу: я не молодець, а Стецько. Тутъ, знаишь, скинулысь по слову, та и стали прыятели. Дали зибралось ихъ чымало: и стари, и молоди, и дыси, и пидслиповати и усякою масти. Регочутця зъ мене; а я тожъ зъ нихъ регочуся, та де-що выгадюю. Дали заставылы танцюваты: якъ же я имъ учы-тывъ гопака, такъ ажъ полягалы регочучысь. А дали й нада-валы, хто сукна на шапку, хто поясъ, хто ренського, хто ху-стку, та прохалы, щобъ ще прыйшовъ...

Алексій. Годи жъ, Стецю, тебе и до вечера не переслу-хаешъ. Теперь кажу тоби: просывъ тебе ласкою; не видкы-даесся? Такъ слухай же: отъ насъ двое и Уляна третя; тил-кы поберешъ рушныкы, та побачу тебе зъ хусткою, то знай, шо тилкы тоби и на свити жыты.

Стецько. Лыха матери! А я зъ хусткою та зализу ажъ у солону. Трясця тамъ знайдешъ!

Алексій. И тамъ знайду, та и задушу...

Стецько. Ось тилкы задушы, а я батькови скажу...

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тъ же и ПРОКИПЪ безъ шапки, крадется черезъ театръ.

Уляна. А куды-то, тату, мандруете? Вернитесь лышень. (Ведетъ его назадъ). Ей-же-то-Богу, не пуцу.

Прокипъ. Та мыни е дило до чоловика, шо се таке?

Уляна. Оттакъ прыпало дило; та безъ шапки и йдете?

Прокипъ. Вынесы жъ ке шапку.

Уляна. Не вынесу, бо пидете на волну, а описля шо видъ матери достанетця? Хиба не знаете?

Прокипъ. Оттакъ! усе на волну.

Стецько. Та вынесы ёму шапку, послухай, бачъ, якъ ёго корыть. Хочбы и на волну пишовъ, такъ тоби що за дило? Не хто жъ велыть, батько, хочъ и поганенькій, мовъ лыкамы шытый, а усе такы батько. Не послухала бь ты мого? Винъ бы тебе такъ зкрутывъ, що до новыхъ виныкывъ памъятала бь! Чы такъ и мужыка не будешъ слухаты? Ну, ну! въ мене гляды.

Уляна. Не буду тебе слухаты, бо не буду твоею жинкою.

Стецько. Побачу якъ то не будешъ! А ну старый, якъ скажешъ: чы вона буде, чы не буде моею жинкою?

Прокипъ. Хмъ!.. Я бь тоби шось сказавъ, тутечка не можна. Осъ ходимо зо мною прогуляймося ажъ генъ туды на лысу гору.

Стецько. Якого я тамъ чорта забудь? Не хочу.

Алексій (*отведя въ сторону Стецька*). А що, чы е въ тебе гроши.

Стецько. Та осъ повна кышеня; батько давъ на сватанья.

Алексій. Пробигайся жъ зь нымъ на волну та поставь ёму четвертыну, то винъ до тебе буде добрый и дочку прысылуе.

Д у э т ъ.

Прокипъ.

Ходимъ, зятю, за лисокъ,
Тамъ новый стоить шынокъ.
Горилочка лепська,
Шынкарочка Хвеська.

Стецько.

Тютю, дурный, видчепыся!
Пый горилку, подавыся!

Прокипъ.

Тамъ горилка е и пыво
И шынкарька чорнобрыва!
Шынкарочка почастуе,
Шынкарочка поцилуе.

Стецько.

Кажу, самъ пый, подавыся!

Про ипъ.

На шынкарку подывыся:
Шынкарочка нальвае,
Шынкарочка знай моргае.
Ходимъ, зятю, помандруемъ,
Горилочки покуштуемъ.

(Подмигивая и приплясывая).

Горилочка лепська,
Шынкарочка Хвеська.

Стецько (*все думавший, соглашается*).

Шынкарочка нальвае,
Шынкарочка знай моргае.

Прокипъ.

Е горилка тамъ и пыво
И шынкарка чорнобрыва.

Стецько.

Шынкарочка почастуе,
Шынкарочка поцилуе

(Вмѣстѣ).

Дурнямъ ты не потурай,
Ходимъ швыдче, поспишай.
Хидимъ хутко, помандруемъ,
Горилочки покуштуемъ,
Эъ шынкаркою пожартуемъ.

Горилочка лепська,
Шынкарочка Хвеська!
Шынкарочка почастуе,
Шынкарочка поцилуе.

(Обнявшись и приплясывая уходятъ).

Уляна. Буде жь мыни теперь видь матери, зачымъ батька не встерегла! Побигь бы ты, Олексіечку, та вернувъ ихъ.

Алексій. Не рушь его, Уляно; нехай иде, нехай Стецько заведе его на волну, та и самъ зійде хочь до завтрёго, такъ зь кымъ старосты прыйдуть и якъ у вась безъ батька буде.

Уляна. Нехай якъ соби знаютъ, а я не выновата; я такы шапки не дала. Що, Олексіечку, ось и вечерь близенько: що намъ робыты?

Алексій. Кто его зна, моя рыбонько! Щось и дядько не туды ставь гнуты; усе за богатого тягне. Що то якбы я паномъ бувъ тоди бь своя воля: укравъ бы тебе по панськы, та и оженився бь.

Уляна. А описля и покинувъ бы мене, якъ паны роблять?

Алексій. Не говори такъ, моя крышечко! Хочбы я надь панамы пань бувъ, хочбы ахвыщеромъ бувъ, а все бь тебе такъ любывъ, якъ и теперь. И хочбы мыни одежи на увесь годъ давалы, або пару воливъ, або отоманомъ настановлялы, то я бь ничего не захотивъ, опричь тебе одну.

Уляна. Спасыби тобі, мій соколыку, що такъ мене любывъ, та и я жь не меншь тебе. Нехай бы за мене сватався не то що Стецько, та хочбы и самъ хваталный, та давалъ бы мыни скилькы разкивъ намыста зь дукатамы, та справивъ бы баеву юпку, та каламайкову спидныцю зь шовковою запаскою, то отъ же то ей Богу плюнула бь ему межы очи, а пишла бь за тебе... Отъ же и лыхо! Маты иде, ще буде мене даяты, за чымъ съ тобою стою.

Алексій. Нехай иде; ще буду и ласкою прохаты; чы не змылосердыця хочь трохи.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ

Ть же и ОДАРКА.

Одарка Чы се жь тобі, дивко, звычайно середь дня зь парубкомъ на вулицы стояты? Чы се тобі хыба вечерь? Невмила бь де у куточку постояты, щобъ никто и не бачивъ. а то й маяче усямъ и вичи, якъ та верства! Що люде скажуть!... Та и тобі, Олексію, чого тутъ ханькы мняты? Вже

вона мовъ просватаана; видризана скыбка! Шукай соби другу, а и вже не обдурой.

Алексій. Ни, паньматко, никола я никого не обдурывавъ; не моя се натура. И жь я полюбывъ, отъ видь Макотруса буде другой годъ; та правду тобі скажу, такъ и полюбывъ, що колы не виддате за мене, то не знаю, якъ и на свити проживу. Одаріе! Не знаю, якъ вась по батьющи, паньматко! Згляньтесь на Бога, не занастить моеи души; кажу вамъ, що вмру, або у салдаты пиду, колы и рихусь. Пожадїте мене, сыроту: батька у мене нема, маты пры старости одна, никому и бидной буде доглянуты. Я буду тутъ-здесь на заробиткахъ, а Уляна и господарюватиме и стару матирь доглядатыме. Я жь соби ремесный; паринь не заплющый, никто мене никола не позывавъ, затымъ що я ни зь кымъ ни заводуся, ни залаюся. Хазяины платюгь добре, копыка въ мене водыця, буду содержать и яко-мога! Чого душа и пожалала, усе для ней буде. Захочете и вы до насъ перебраться,—найдемо кутокъ, буде и хлиба шматокъ. Буду на васъ заробляты, буду васъ почитаты и послухаты, якъ матирь риднесеньку. Худого слова видь мене не почувете. Буде вамъ гарно въ мене жыты. Кола и було яке лыхо, то усе позабувае, тилькы видайте за мене Уляну.

Одарка. Олексійку, мій голубчыку! Послухай же и мене, що я тобі скажу. Я и сама тебе люблю, мовъ риднесенького сына. Паринь ты противъ мене звычайный, слухняный; якъ озьму у руки ту чаплію, що ты мыни зковавъ, то заразъ тебе и згадаю. Та якъ же за тебе виддаты? Ты соби на-лыхо крепакъ! Уся за-Лопань мыни очи просьміе, що я, таки будучы и сама не простого роду, а пошивського, та виддамъ однимъ-одну дочку за крепака! У насъ у веимъ роду Перелущенкивъ не було зроду ни одного пидданого. Та и за Кандзюбенка якъ не виддаты? Хочъ дурный міры нема, такъ богатый, не узавъ его чортъ изъ батькомъ. Сама соби господиня, свекрухы нема; у хороши походыть и у воли пожыве. А пиде за тебе? Ще то добре, якъ не озьмутъ у двирь панських полумыскывъ мыты; а якже, нехай Богъ боронить, та приставлять собакамъ дерть запарювать? Кола жь и на сели жытыме, то и погналы, якъ ту скотыну, на панщину. Теперь же вона по свой воли; литечко—вона на мойци; що день, то и копа, а у празныкы зь ягодамы; зимою пряде; та и назби-

Алексій.

Я за очыма свить пиду!

(Обнимаются. Одарка въ сторонѣ плачетъ).

Одарка *(подошедъ къ Улянѣ, ласкаетъ ее)*. Годи жъ, Улясю, годи моя доненько! Не розрываи мого серця! Иды у хату та вбирайся; вечеръ близенько, скоро старосты прыйдуть.

Алексій. Трывай, паньматко! Поки ще Уляна не заручылась, поки ще мыни не грихъ назваты ии своею, нехай мы попрощаемось, якъ довгъ велыть. *(Подошедъ къ Улянѣ, говоритъ съ горестью и сквозь слезы)*. Улясю! серденько, рыбонько! Бачыть Богъ, якъ тяжко мыни на души!... Не можю тобі розказаты, якъ надрывається мое серце!... Прощай... Улясю! *(Плачетъ, и Уляна горько рыдаетъ)*. Прощай, моя зирочко!... Нехай... тобі Богъ помога!... Казавъ бы я тобі — не забувай мене, такъ законъ не велыть; ты довжна любыть и шанувать кого тобі Богъ дастъ. А объ мыни... и не спомьяны!... Знаю, якъ ты мене любыла, та знатому, яково буде твому серцю жыты за нелюбомъ. Не горюй, Уляно, та не вбывайся... Нехай я одынь за насъ за двоухъ буду горе пыты!.. Нехай я одынь буду страждать.. Колы жъ почувешъ, що була вйна, то и знай, що мене перша куля зведе зъ свиту!.. Заплачъ нышкомъ, та й... якъ соби хочешъ... *(Тихо плачетъ и хочетъ ее оставить)*.

Уляна *(обнявъ, удерживаетъ его)*. Олексіечку! мій лебедьку, мій соколыку! На кого жъ ты мене покидаешъ?... Чы такъ же я тебе любыла, щобъ пережыла разлучення зъ тобою?.. Ще ты не далеко зайдешъ видъ Харькова, а мене прыньме сыра земля! Очи мой якъ не вздрять вже тебе, то й закрыютьця на выки!.. Не довго намъ, Олексіечку терпеты горе; вмру дивкою... Та хустка, що я для тебе прыдбала, не достанетця никому: понесе ии парубокъ побилы моеи домовыны; весильныи подарочки та рушнычкы почиляе маты тымъ, що зйдутся на мои похороны; нехай утырають свои слизонькы объ мыни бидной! Не почую я весильныхъ писенекъ, ходячы зъ дружечкамы; заспывають мыни дякы вишнюю памъять!.. Дойде сая висточка до тебе, мій Олексіечку, — не журысь: поплачъ трошкы, видпomyнай ту, що тебе шыро до смерти любыла, та й надійсь, що Богъ насъ зведе на тымъ свити

до купоньки. Прощай, Олексіечку, прощай!... була твоя и буду твоею! *(Обнявъ его въ послѣдній разъ, утираетъ слезы и подходитъ къ матери съ твердостью)*. Ходимъ, мамо: робить зо мною що хочете; уже я не тутешня!... *(Скоро уходитъ)*.

Одарка *(во все время горько плакавшая)*. Свита не бачу за горючымы слизонькамы!.. Олексію! не цурайся насъ; прыходъ такы до насъ, якъ було и прыходывъ. Розговорюй ии, щобъ не журылась, щобъ справди не пропала зъ журбы. Я жъ кажу: колы бъ мыни не Кандзюбова худоба. то я бъ и не подумала за того стыдкого та брыдкого Стецька видлаты таке золото, якъ моя Уляна; та ба! *(Уходитъ)*.

Алексій *(въ горести задумался)*. Усе то гроши, усе-то гроши! Такы куды не подывысь, усе воны на свити орудуютъ! Зъ гришмы що не задумай, тагъ усе и уродыця! Зъ гришмы хочъ лежень, кажуть: трудящій; зъ гришмы дурня, неvigласа и почытуютъ, и шануютъ лучче чымъ доброго, разумнаго и роботящаго. Зъ гришмы можна и бездилнычатъ и другыхъ обдыратъ, та ще замисць щобъ такого у Сибирь, такъ такому ще й кланяютця. Та чого тутъ далеко ходыты? Зъ гришмы отъ и Стецько шануетця мовъ чоловікъ; а винъ, по правди сказаты!... що винъ? Стецько!

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

АЛЕКСІЙ и СТЕЦЬКО.

Стецько *(за кулисами еще отзывается)*. Га? Чого? Осъ-озьде я! *(Выходитъ, едва идя отъ усталости и вытмивъ)*. Ге!... ге!... ге!.. Бодай тебе заводъ! ге! заводыла лыкоманка, якъ винъ мене за... ге!... завивъ! Одно те, що на сылу дійшовъ, а тутъ ще й не потрашывъ, замисць Харькова та учыстывъ ажъ у Григоривку. Було бъ тобі сватанья! За якого бъ чорта рушныкы даваты, якъ бы я не прыйшовъ? Ще жъ и до дому швандыты не близько!

Алексій *(въ сторону)*. Ище зъ симъ дурнемъ ничого и не зробышь! Заславъ бувъ ёго, такъ такы вернувся. *(Стецьку)*. Чого жъ ты вернувся? Де ты дивъ свого тества?

Стецько. А щобъ винъ злызь! Знаешъ: якъ пишы мы, та усе йдемо, усе йдемо... а винъ-поспиша, ажъ сопе, та усе

поспила; а дали ставъ тюпаты пидбигцемъ; а тамъ вже— даромъ що старый—ставъ и пидплигуваты, нынче панський прыстяжний; а я за нимъ тюпаю, усе тюпаю... та не дожену. Отъ якъ бачу, що не дожену, гукнувъ, щобъ вернувся та узявъ гроши, бо за-що винъ пытыме? Кынувъ ёму зо жменю, та якъ потягъ назадъ, та й не потрапывъ, та ажъ у Григоривку просунувся, а видтиля вже сюды; та такъ утомивсь, що нынче у хрещыка гравсь. А ты чога такъ посупывъсь, мовъ той китъ, що мышу упустывъ? Але не слуха, що ему й кажешъ...

Алексій (*все не слушая его*). Пиду теперь до дядька салдата. Не хочу ніякои порады. Нехай вчить муштры; йду охотою у салдаты... (*Скоро уходитъ*).

Стецько (*одинъ*). А ну, Стецьку, чи вже спочывъ? Ходимъ, голубчику, ще до батька; може винъ досе сердытця, що я не йду. Прыйду, та обую шкапови чоботы зъ пидковамы, одягну нову свыту... та й мудра жъ! Ходимъ!... Та не близько жъ и йты! Ажъ генъ-генъ! И не выдно видсиля!... (*Поетъ*).

Оцей свить,

Такий свить,

Якый соби довгий!

Цилый день проходишь,

Кинця не знаходышь!

Колы бъ винъ,

Колы бъ винъ,

Та бувъ коротенький,

Що бъ тутъ поле,

А тутъ лись;

Не далеко бъ дидько нись:—

Оттуть дивка, а тутъ батько.

А тутъ ихъ и хаты,

Щобъ не довго до нихъ швандяты,

А швыдчъ дочухраты.

А то швандяй,

Швандяй, швандяй,

Швандяй, швандяй...

(*Уходя, все поетъ*).

Дѣйствіе третье.

Внутренность крестьянской хаты; на правой сторонѣ длинный столъ, покрытый ковромъ и сверху скатертью, на ней большой ржаной хлѣбъ. По обѣимъ сторонамъ стола длинныя скамейки; на лѣвой сторонѣ сцены три маленькія скамейки.

Въ углу, но на виду, печь.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

ПРОКИПЪ *лежитъ на скамейкѣ за столомъ и спитъ.*

Одарна (*выходитъ и продолжаетъ говорить за кулисы*).
Гляды жъ, Улясю, душко, не барись. Повъязавшы скиндячки, щобъ знате було, що молода, та й выходи пичь колупаты. Вже скоро й люде прыйдуть... Та що мы безъ батька будемо робыты? Хочъ поганенький, та бувъ; а теперычки изза своего та треба позычаты. Де то винъ шляется?.. О лыха моя годына!.. (*Поетъ*).

Та лыха жъ моя годына!

Мене маты втопыла:

За пьяныцю виддала,

Щобъ я бидна пропала!

Була соби попивна,

Межъ дивками королівна;

Мудри бублыки пекла,

И танокъ усимъ вела.

Теперь куды гожуся?

Зъ пьянюгою вожуся!

Ни зъ кымъ взяты порады,
И совиту податы.
Краса моя завъяла!
Худобонько пропала!
Гай, дивочіи лита!
Плачу, якъ та сырота.

Прокипъ (*крѣпко всхранилъ*).

Одарка (*увидѣвъ его*). Дывысь!... се винъ спыты! уставай! Скоро людъ прыйдутъ, давай порадокъ. Устань бо! (*Толкаетъ его, онъ привстаетъ, зѣваетъ, потягивается и сидя дремлетъ*). Та прочуняйся, навиженный! Та кажи лышень: де оце ты шлявся?

Прокипъ (*все сидя зѣваетъ*). Шо съ не втямвы, де я бувъ.

Одарка. Та вже нигде билшь, якъ на волній!

Прокипъ. А побигъ бы я, та спытавъ, чы я бувъ тамъ?

Одарка. Та годи тобі, уставай, давай порадокъ; адже ты батько.

Прокипъ (*вставая*). А може й справди, що я батько?

Одарка. Ну, теперъ кажи: чого ты на волну ходывъ, колы я не велила?

Прокипъ. Якъ чого? Поясъ выкупаты. Хиба безъ пояса на сватанни буты?

Одарка (*скоро*). А що жъ, выкупывъ?

Прокипъ (*вяло*). Та эжь!

Одарка. Де жъ ты гроши узывъ? Мабуть у тебе е воны? Такъ ке сюды, на сватанни треба.

Прокипъ. Де узывъ? Зять давъ.

Одарка. Зять? Бачъ, який добрый! Ше й ничего, а вже й гроши дае. Зосталося жъ у тебе? Та ну бо прочуняйся швидче, (*ласкаясь къ нему*) та прыберысь любенько: умыйся, щобъ хмиль пройшовъ, та пидпережысь гарненько. Та ке лышень гроши сюды, я зховаю, а описля тобі и видамъ. Або ке поясъ сюды, я тебе пидперезу, якъ зъ-молоду пидперизувала. Ты бувъ тоди тавый бравый! Чы въ памъятку тобі, якъ колысь разъ, ще ты парубкомъ бувъ...

Прокипъ (*слушая ее, разньжился*). Ге! якъ на току? знаю, знаю. Згадавъ. (*Въ большомъ духѣ*). Шо то тоди гарно було!

Ище того не забудь,

Якъ я парубкомъ бувъ:

Зъ дивчатамы жєныхався,

По вулыцяхъ усе шлявся.

А теперъ уже не такъ;

Вже не той у мене смакъ.

Пуръ ему вже жєныхатысь,

Отъ на волну швидчъ забратысь.

Ой жинкы вы цокотухи!

Не смашнишь вы видъ сувухы!

Хочъ якъ хочешъ, такъ цилуй;

А смашнишь, якъ: буль, буль, буль!

Одарка. Давай же поясъ сюды мерщій...

Дуетъ.

Одарка (*ласково*).

Ке лышь поясъ сюды, мое серденько!

Прокипъ (*нѣжась*).

Озьмы поясъ, пидвяжы, та легесенько.

Одарка (*съ большою ласкою*).

Давай, давай, голубчыку, давай поясъ сюды

Прокипъ.

А що жъ? скажу: голубочко, нема пояса въ мене.

Одарка.

Адже ты въ шынокъ ходывъ выкупаты его.

Прокипъ.

Колы жъ грошей не було, зновъ заставывъ его.

Одарка.

Бодай тебе заставляла лыхая годына!

Прокипъ.

А чымъ бы я похмилывсь? Тутъ лыха годына!

Одарка (засучивая рукава).

Та хочъ грихъ, хочъ и два, побью я пьяногу.

Охъ, бувъ колысь чоловикъ, теперь зпывся зъ кругу!

Одарка.

Побью тобі морду всю,

Хочъ я тобі й жинка!

Бодай лучше изкаазывсь!

Охъ, бидна я жинка!

Прокипъ.

Та чымъ бы я похмилывсь,

Якбы не горилка?

Та чымъ же я выновать,—

Дорога, горилка.

Одарка (въ большомъ сердцѣ). Такъ оце у тебе й грешей нема? О гаспыдськый чоловикъ! Щастя твое, що не такий часъ, я бѣ тебе такъ прытасувала, щобъ тебе и чортъ не пизнавъ! Та ще може не скоро старосты прыйдуть, ато описля сердце видйде. (Бросаясь къ нему съ кулаками). Я тобі, стара собака!.. Я тобі сыви патлы пообрываю... (Стукъ у дверей). Охъ мыни лыхо!.. Сидай, сидай швидче... Цуръ тобі! нехай описля... (Садится съ мужемъ и отдыхаетъ).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и АЛЕКСІЙ входитъ съ спокойнымъ духомъ.

Одарка. Э, се Олексій!

Алексій. Дай Боже вечеръ добрый! Помагайби вамъ на усе добре.

Прокипъ (очень важно). Спасыби.

Одарка. Просымо до господы. Сидай, Олексію, щобъ якъ вазуть, старосты сидалы. Ты такы прыйшовъ до насъ?

Алексій. Прыйшовъ, титко, колы не выженете. Знаете, що я вамъ скажу; ходывъ соби по вулицы, та ось що зморочавъ. Не виддаете Уляны? нехай такъ, Богъ зъ вами! Дядько каже: не тилкы счита, що у викни, не во гнивъ сее слово. Е дивчатъ по усему свиту, заплющившысь десятокъ нагорбаю. Невдаха женытись на Уляни—найду соби другу. А мыни позволте подывытись, якъ люде сватаютця; повчусь и соби.

Одарка. Добре се ты Олексію, выгадавъ, що покынувъ за Уляною вбывалысь, а теперычкы и вона, побачывшы твое роздумья, и сама зхаменетця и полюбыть Стецька. Посыдь же зъ нами, казалы дивчата—прыйдуть на сватанья, и музыку достанемо, отъ и ты зъ нымы потанцюешь и Уляню розважышь.

Алексій. А де вона? Я бѣ зъ нею поговорывъ и навывъ бы ии на розумъ.

Одарка. Оттамъ у кимнати убираетця. Уляно, Уляно! А ходы вже сюды! (Стучатъ три раза крѣпко у дверей). Охъ мыни лыхо! оце вже старосты! (Суетится). Ты, Олексію, сядь тутъ окроме билия дверей; а мы старый, зъ тобою якъ голубъ зъ голубкою. Эге! (Садится съ Прокопомъ на переднихъ лавкахъ подлѣ стола). Уляно, Уляно! Иды пичъ колунихъ лавкахъ подлѣ стола. (Опять такъ же стучатъ). Та йды пай; старосты вже прыйшлы. (Опять такъ же стучатъ). Та йды бо; що ты не йдешъ? (Въжмитъ за нею и выводитъ Уляну заливающуюся слезами и ставитъ ее у печи). Отутъ стій, та соромся, та почервоній бо: бачъ яка бидна, та ни на кого не дывысь, усе колупай.

Уляна (съ горькими слезами). Охъ, Боже мій! и Олексій тутъ!

Алексій (подойдя къ ней, говоритъ тихо). Мовчы та дышь. Давай певно рушныкы, а зъ хусткою подожды, покы дядько-салдатъ навчыть. (Идетъ къ своему мѣсту и садится. Опять такъ же стучатъ за дверью).

Одарка (уставившись съ мужемъ). Ну, теперь зовсимъ. Почынай, старый!

Прокипъ (громко и важно). Колы добѣи люде та зъ добрымъ словомъ, то просымо до господы; а колы такъ соби, выбачайте.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

СКОРИКЪ и **ТЫМИШЪ** входятъ съ палками; у перваго подъ мышкой ржаной хлѣбъ. **СТЕЦЬКО** въ новой свитѣ и очень большіе сапогахъ, франтитъ и все охорашивается, не снимая новой высокой шапки.

Скорикъ (тихо Тымошу). Ты жъ товарищу, какъ у походахъ не буваль и свѣта не видалъ и ничаво не знаешь; такъ у ричахъ не суйся за умилыми, а ожидай команды, да только поддакуй. Вотъ и увесь пароль. (Стецьку тихо). Та снимы жъ шапку, новобранецъ? У первой разъ во фронтъ? (Оправившись подходятъ).

Прокипъ (очень важно). А що вы за люде и видкиля Богъ принисъ?

Скорикъ (также важно). Прежде усеву дозволте во фронтъ стать и безъ темповъ вамъ честь отдать, а просто пакланитця и добримъ словомъ прислужитця. Прежде послушайте насъ, а послѣ ушь будетъ ать васъ приказъ. Кагда будетъ тее, такъ мы и онее; кагда жъ наше слово не въ пріемъ, такъ мы адресируемся и прочъ пайдемъ. А што мы не дезертѣри и не марадѣры и безъ худои науки, такъ вотъ вамъ хлѣбъ святой у руки. (Подаетъ хлѣбъ). Пожалуйте.

Тымишъ (кланяясь). Такъ-таки, такъ.

Прокипъ (принявъ хлѣбъ, цѣлуетъ и кладетъ подлѣ своего). Хлѣбъ святой принимаемо, а васъ послухаемо; колы жъ ваша ричъ не до дила, то не треба и васъ и вашого хлиба. Сидайте, люде добри; може здалеку идете? (Старосты садятся и усаживаютъ Стецьку подлѣ себя). А видкиля вы, панове, зъ якои земли?

Скорикъ. Мы зъ земли далнои. Калы слыхалы, ажъ зъ Франціи.

Стецько. Вже и видно москаля, заразь и збрехавъ. Мы притьмомъ зза Харькова. (Тымишъ его удерживаетъ).

Прокипъ. Що жъ то за земля? Чы далеко вона видѣля?

Скорикъ. Не близько. Ище ажъ за Москвою будетъ верстовъ сто.

Тымишъ. Такъ-таки, такъ.

Прокипъ. Крый Боже, якъ далеко! Мабуть на кинци свита! Туды воронъ нашої кости не занесе! Хороша жъ сторона?

Скорикъ. Старана важная! Туда и за всево свѣту господство зъбъзжаетця пажить, пагулять...

Прокипъ. Чы тамъ же кабаки, чы волна?

Скорикъ. Тамъ объ кабакахъ и не слышно; усѣ пьютъ безъ заказу.

Прокипъ. А горилка дешева?

Скорикъ. Ни по-чому. Тамъ гарильчаны каладизя.

Прокипъ. Отъ сторона, такъ-таки! Ще лучше Косолапивки. Тымъ-то и господство туды унажа. Э якбы намъ, жинико, туды на слободу перейты, та хочбы разъ у такихъ колодязяхъ скупатысь!—Вы жъ въ насъ постоемъ, чы шо?

Скорикъ (говоритъ скоро). Нѣтъ, мы прахадяца, партиенна каманда. А вотъ зъ нами какая гисторія, просимо паслухатъ. Разъ, у прошломъ у годи, були мы у паходи, у дикомъ народи. Сѣмдесять городовъ разорили, тридцать полонили, а одинъ траншеями осадили. А у евтомъ городи какъ разъ сидѣлъ вотъ евтотъ (указавъ на Стецьку) дикой князь. Войско ево штурмуеть, а онъ знай сабъ бунтуеть, паднимаеть угору плечи и говорить такія рѣчи: зъ городомъ валѣ атдамся завсѣмъ, только патѣште меня тѣмъ, аддайте минѣ али птицю, али чорную кунюцю, али красную дѣвицю, якую у васъ изберу и до себя приведу. Генераль насъ призвалъ, у васъ изберу и до себя приведу. Генераль насъ призвалъ, такии рѣчи исказалъ: ты, Осипъ Скорикъ, па всѣму свѣту пабуваль, усю Туречину изхадилъ и въ Рассею заходилъ, ты зъ нымъ пайди и въ Нимецію зайди, ищите таково дива, шукайте, и какъ найдѣшь, ему аддавайте. Вотъ мы какъ пашли, тридцать государствъ прашли, а таково дива не нашли. Я було у ретираду астался, такъ нашъ дикой князь залялся: усе ишли, ишли, и учера у етотъ городъ,—какъ завѣтця, не знаемъ,—пришли; тутъ разомъ пала намъ пароша...

Стецько (все слушалъ со вниманіемъ). Бовъ, бовъ, бовъ! То по москалевій брехни дзвонють. Яка литомъ пороша?

Скорикъ (къ нему съ большимъ сердцемъ). Малчи, шпѣнтъ! Не дасть закону сполнить!

Стецько (тихо). Дарма, брешы, брешы; до чого-то воно детця.

Скорикъ. Вотъ какъ пала пароша и на пароши слѣдъ увидали, слидыть стали. Нашъ дикой князь тотчасъ на слѣду взналъ и какъ апеченой закричалъ: вотъ мая ни птица, ни чорная куница, а красная дивица! Пайдемъ ее съкаты н на нее пароль узять. Вотъ мы па слѣду и пайшли, и да вапово дому прійшли. Теперъ мы себѣ разсуждаемъ: певно наша ни птица, ни куница, а красная дивица, у васъ у хати, тутъ ее и палучить желаемъ. А па евтои мови, будте усѣ здоровы. Нашому слову кинецъ, а вы дайте дѣлу винецъ.

Тымишъ (все продолжаетъ). Такъ таки, такъ.

Стецько. Бачъ, куды карлючка заканзюбылась! Не зъчорта хытрый и москаль!

Прокипъ (все съ важностью). Що се за напасть така. Видкиля се вы, панове Хранцузы, таку биду на насъ наклыкаете? И якого намъ дыкого князя поставяете? Що воно таке е, кажыть? Шобъ намъ нашего дытаты не втопыть.

Скорикъ. Э, хочъ нашъ князь дикой, одначе онъ штукаръ великой! Какъ на свѣтъ родился, то ищо зъ собою не бился; когда жъ ляжетъ спать, такъ ать нево и слова не слыхать; и таки зъ худоби кой-што маеть, и когда абѣдаеть, зуболь не позичаеть, а собственными своими кусаеть; ать вды ни разу пъянъ не бываль, и никогда у себя грошей не краль; у кампаніи знаеть честь, свичей и сала не бѣтъ, умъ и разумъ за нимъ ведетца, онъ на стѣну не деретца. Теперъ вы дѣломъ размышляйте, а намъ доброй ативѣтъ давайте.

Одарка (Уляню, которая стоитъ неподвижно). Колупай швидче пичъ, колупай!

Прокипъ (подумавъ, важно). Осъ що мы зробымо: хлибъ святой приймаемо, доброго слова не цураемось; а щобъ вы насъ не парочылы, буцимъ-то мы передержуемо куницы, або красни дивыци, такъ мы васъ повьяжемъ. Чы такъ, жинко?

Одарка (весело и ласково). Робы, якъ знаешь. Ты батько и намъ усимъ голова; якъ скажешъ, такъ и буде.

Прокипъ. Эге! Дочко, а годи пичъ колупаты, давай чымъ опихъ Хранцузивъ повязаты.

Стецько (испугавшись). А ну, ну; до чего дѣдетца, то я и навтикача.

Одарка (подойдя къ Улянѣ, весело). Иды жъ, иды. Чуешь, що батько велыть? Може ничого не прыдбала, та вже и со-

ромыся? Не вмила матери слухаты, не вчилася прясты, не заробыла рушныкивъ, вяжы жъ хочъ валомъ. А ке лыпень, що въ тебе тамъ е. (Тащитъ ее противъ воли). Та иды бо; ще и опынаеться.

Скорикъ (подойдя, удерживаетъ Одарку). Пастой! Дѣлаишь темпы безъ флигельманта. Когда не знаете порядку, спрашуйте бувалыхъ. Прежде надомно сполнить законъ. Мы усѣ знаемъ: видали какъ ето дѣлаетца и у Франціи, и у Туречинѣ, и у Рассей. Вота што: садись, мѣть; а ты, дѣвка, пакланися батюсци и матусьци па-троеча, дякуй за хлѣбъ и соль и за науку, и праси благаславленія на доброе дѣло. Вотъ какъ усюда дѣлаетца. (Садится).

Тымишъ (все повторяетъ кстати и некстати). Такъ-таки, такъ.

Скорикъ (Улянѣ). Кланяйся жъ у ноги, безъ темповъ, по слову. (Уляна, заливаясь слезами, кланяется въ ноги три раза, а Скорикъ приговариваетъ). Разъ, у другой, у третей. Полно.

Прокипъ (когда она ему кланяется). Та буде жъ, буде; та годи жъ, годи. Давай швидче по чарци.

Скорикъ. Ну, теперъ матусци; разъ, у другой, у третей. Полно.

Уляна (поклонясь въ третій разъ, остается предъ матерью на колѣняхъ и плачетъ, держа ее за руку). Ненечко, моя риднисенька! Лебидочко.. перепилочко! У останній разъ прошу тебе: не топы своего дытаты!.. Дай мыни на свити пожыты!..

Алексій (стоитъ въ сторонѣ и, тронутый, утираетъ слезы).

Одарка (сквозь слезы). Годи жъ, Улясю, годи, доненьку! Устанъ же, кажу тобі. Сего вже не буде. Давай тамъ, що е. (Видя, что Уляна не встаетъ, начинаетъ сердиться). Та кажу жъ тобі, що давай. Отъ тилкы не вынесешъ, то я тебе зъ-роду не была, а тутъ за патлы потягну.

Тымишъ. Такъ-таки, такъ.

Уляна (въ отчаяніи). Боже мій милосердный! (Идетъ и обращаясь къ Алексію). Теперъ, Алексію, прощай на вики вишни! (Уходитъ, заливаясь слезами).

Одарка. Дурна, дурна! Такъ и я не хотила за своего Прокопа, на стину лизла; и дали и ничогисинько.

Стецько. Эге, воно такъ: спершу не хоче, дали и сама захоче.

Уляна (выноситъ на деревянной тарелкѣ два шитыхъ рушника, крестъ на крестъ положенные, и подноситъ прежде къ Скорикѣ и кланяется. Когда онъ взялъ, она другой подноситъ Тимошу, и отошедъ къ сторонѣ, плачетъ).

Скорикъ (взявъ рушникъ, встаетъ, и кланяется, держа его въ рукахъ). Спасибо батюськи и матусьци, што свае дитя рано будили и доброму дѣлу учли. Спасибо и маладой, што рано уставала, тонко прядла и харошеньки рушнички придбала!

Тымишъ. Такъ-таки, такъ.

Скорикъ (Тимошу). А ну, товаришу, завяжи мнѣ, а я тебѣ, (Другъ другу завязываютъ рушники чрезъ плечо). Вотъ такъ: штобъ не зводили на людей напраслины. Уперѣдь наука. Завѣмъ. Скачи, казакъ. (Садятся на своихъ мѣстахъ). А што жъ? Дѣлайте дѣло зъ канцомъ. Мы приведенные, мы не стаць виновати: свяжите и колонновожатаво.

Стецько. А князя и забулы? Хочъ бы тоби на смихъ чымъ-небудь оплуталы.

Одарка. Давай же, Улясю, хустку молодому.

Прокипъ. Нубо, нубо мерщій; пора частуваты.

Уляна (ломая руки). Вже жъ, матинко, що хочъ робы зо мною: дай, бый, хочъ до смерти вбий; а не дамъ нелобу хусткы!..

Одарка (вскочивъ, къ ней). Та що се ты, Уляно? чы на тебе бисъ напавъ, чы-що? Кинчай дило, кажу тоби!

Уляна. Зъ мисьця не пиду, хочъ вбий!

Стецько. Та чога ты ий у пыку дывысея? За патли, та въ потылицю!

Тымишъ. Такъ-таки, такъ.

Одарка (разсердясь). Та що се ты задумала? Якъ се можна хусткы не даваты? За якога жъ ты гаспыда рушныкы подавала? Та я зъ тебе духъ выбью!.. Та я не подывлюсь, що ты молода...

Скорикъ (подойдя, разводитъ ихъ). Пастой, мать; ета не просто. (Посмотрѣвъ Улянѣ въ глаза). Наслано, я вамъ гаварю, што наслано; та не пабаимся насилки, умѣемъ и ата-слать. Мы бували по свѣту: бували и у Франци, и у Туречыни и у Рассей: видали виды и знаемъ, што къ чему. У меня не долго: скажу Французскоѣ слово, такъ праженамъ

хочъ какую насылку. Пайдемъ сюда, у кутокъ. Не смѣй никто падхадитъ къ намъ. (Отводитъ Улянѣ въ сторону и говоритъ съ нею. Она дѣлается веселѣй. Между тѣмъ) —

Одарка. Наслано! Охъ мыни лыхо! А хто бъ то и на-славъ? Чы не врагова Сюсюрчыха? Точъ и е. Колысь на базари подаялысь изъ нею, такъ и похвалылася: я тоби, каже, видячу. А учора и бачыла, що усе округъ двора сновала; чы собирала що, чы пидклала, а я и байдуже! Отъ же такы и видячыла!

Стецько (громко зъваетъ и потягивается). Цуръ ёму, сему сватанню; яке довге! Колы бъ швидче спаты!

Уляна (выслушавъ все отъ Скорика, въ большой радости убѣгаетъ). Заразъ, дядку, заразъ.

Скорикъ (подходитъ къ мѣсту и садится). Какъ рукой знялъ. Выбрыкуючы пабѣгла и заразъ усе принесеть. Ета хто-то и наслалъ, та не умѣючи. Ушъ зъ етакимъ не справитця-та! И пагразнѣй пападались и у Франци, и у Туречыни, и у Рассей, и гдѣ мы па паходахъ хадили, та и тыхъ за поясъ затыкали. Да насъ же прихадили вчитця-та.

Одарка. А що пане старосто, якбы я васъ попросыла: чы не можна що подяты мому Прокопови? Пѣе непросыпуце! Я бъ вамъ спасыби сказала.

Скорикъ (подходитъ и долго смотритъ ему въ глаза). Дано, зъ разу вижу, што дано; та ета хто-то зъ умомъ и давъ. Много минѣ будетъ мароки. Вотъ, кабы ево у службу, та до нашава хвельтѣхвебеля, такъ тотъ бы атучилъ! (Хочетъ). Тотъ бы безъ наговоровъ, а просто, палочками; такъ бы и глядѣть на сивуху не сталъ. То-то служба святая! (Поетъ).

Ми, какъ въ службу поступаемъ,

Всю натуру оставляемъ.

Быль ты пьяница и мотъ,—

Въ службѣ будешь ты не тотъ.

Палка! дѣло ты святое:

Умъ и разумъ намъ даешъ.

Бросишь, братъ, ты все пустое,

Какъ къ фельтфеблю попадешъ!

Ахъ фельтфебель, другъ любезной!

Вмѣсто крестнаго отца,
Полтараста ты улѣпишь,
И поправишь маладца!

Адначе не бойся, старой не бойся; я пашутиль. *(Садится)*. Справимся и безъ палочокъ. Не даромъ хадили па Франціи, па Туречинѣ, да и у Рассею завертали-ста: што небудь да знаемъ. А вотъ што сдѣлаемъ: даждемъ маладика, такъ нада-тѣ будетъ ево какъ яструба три-девѣять зарей выводить, та кае-што па Французьки гаварить, што знаемъ, а тамъ падку-римъ та напоимъ. *(Тимошу)*. Екъ, мусье?

Тымишъ. Такъ-таки, такъ.

Скорикъ. Ну, харашо, когда такъ; будешъ дякувать.

Уляна *(веселая, румяная, выноситъ приготовленное ею и покрытое сложенными шелковымъ платкомъ, подноситъ къ Стецьку и кланяется)*.

Стецько *(въ полной радости встаетъ, засучиваетъ рукава, и не взявъ еще, обратясь къ отцу и матери, кланяется и говоритъ, прерывая смѣхомъ)*. Спасыби матери... шо вчыла батька спаты... та будыла... прѣсты...

Пока онъ говорилъ, Алексій взялъ изъ-за него подноси-мый платокъ и проворно зацѣпилъ за поясъ. А Стецько, проговоривъ, схватываетъ не смотря большую тыкву. Стоитъ въ изумленіи, разинувъ ротъ и держитъ ее предъ собою. Уляна бросается къ спѣшащему къ ней Алексію.

Алексій. Теперь ты моя на вики вишни!

Уляна. Не покину тебе до смерти!

Вмѣстѣ.

Одарка *(не видавшая, что случилось съ Стецькомъ, а видя обнимающихся Алексія и Уляну, вскакиваетъ съ серд-цемъ)*. Шо се, шо се таке? Шо се?

Стецько *(заслонивъ Алексія и Уляну, подноситъ ей близко къ лицу тыкву)*. Гарбузь! Хиба повилазыло? Ось бачъ; хочъ покуштуй!

Одарка *(внѣ себя отъ удивленія, стоитъ съ подня-тыми руками)*. Шо се таке? Та се насъ обморочено!

Алексій *(бросаясь къ ней)*. Ни, матусенько, се не мо-рока, се правда святая, хочъ перехрыстысь. Таке мое щастя: мыни досталася хустка, а урагу мому гарбузь.

Стецько. Такъ поминяймось, ке.

Уляна *(также бросаясь къ матери)*. Матусенько моя риднисенька! Божая воля на те, щобъ я пожила на свити. Благословы жъ мене и мого Алексія!

Стецько. Поблагословы ихъ оцимъ гарбузомъ по по-тылицѣ!

Одарка *(въ большомъ гнѣвѣ)*. Щобъ я васъ благослови-ла? Нехай васъ сей та той благословыты! Не буде сѣго, не буде!..

Тымишъ. Такъ-таки, такъ.

Прокипъ. Та нубо швидче благословляй; пора по чарци.

Одарка *(скоро и кричитъ)*. И ты, пьянице, туды жъ! Знай свою волну, а у мое дило не мипайся; тебе не довго, то и бытыму. А васъ отъ якъ благословляю: тебе, проклятый халахуре, волоцюго, поблагословлю тѣю чаплию, шо мыни на лыхо сковавъ. Усю на тоби потрошу, та у прыдачу трясями, та болячкамы, та стонадцять купъ лыхорадокъ. А тоби увесь гарбузь розтовчу объ голову, уси патлы тоби пообрываю, косы твои вырву, та такы зъ Стецькомъ и обвинчаю, обвинчаю, такы обвинчаю! А ты, пройдысвите, вонъ зъ моеи хаты! Подай лышень хустку сюды; подай, подай, подай... *(Задыхается отъ гнѣва и хочетъ отнять платокъ у Алексія)*.

Скорикъ. Трррр! трррр! трррр! настоящей батальной огонь! Теперь пайдемъ у сикурсъ на штыки. *(Становится между Одаркою и Алексіемъ)*. Послушай, паньматка, мене бувалово...

Одарка. Не хочу, не хочу ничего слухаты!..

Скорикъ. Та послушай!..

Одарка. Нехай виддасть хустку Кандзюбенку, а самъ виетця съ хаты и щобъ мого двора не знавъ!

Скорикъ *(притопнувъ ногой)*. Такъ цитъ же, кажу-гаварю табѣ. Заразь кабылою станешъ, вотъ только скажу Французское слово.

Одарка *(испугавшись, зажимаетъ ротъ)*. Охъ мыни жъ лыхо! не буду жъ, не буду!

Стецько *(въ большой радости)*. А ну, ну: зроби ии ко-былою, я ще не бачывъ, якъ чоловікъ звирякою перекидыетця. Та колы бъ ще заиржала; то-тобъ смиху було!

Скорикъ *(Стецьку)*. Малчи и слушай камандныхъ словъ. Не бисысь, Одарко, и поблагослови своихъ дѣтушокъ.

Одарка. Якъ собі хочете; бисытысь не буду и благо-словляты не хочу. Нехай виддасть хустку. Я въ него зъ горла выдеру!..

Скорикъ. Не шумѣть! Паслушай толкомъ. Вотъ сколько я земель ни прахадилъ, былъ у Франціи, у Нѣмeciи, у Россей и у Туречыни, та вотъ и до васъ прыйшолъ...

Стецько. А за Харьковомъ що бувъ, такъ и не кажешъ?

Скорикъ (*грозитъ ему*). Смирно! Ну, такъ на всѣхъ земляхъ такой законъ: каму дана хустка, тотъ и женихъ; а каму паднесуть гарбузь, вотъ какъ бы нашому Кандзюбенку, тотъ ступай вонъ. Ета ужо спаконъ вѣку такъ, и закону перемѣнить не можна. А хто адъ етаво закону адступитця, таму смертельной и на скатину падежъ будетъ.

Одарка. Та у насъ ни волыка, ни коровкы. Усе мій старій попропывавъ, ничому и здыхаты.

Скорикъ. А миру хрестянськаво не жалѣешь? А што тагда скажешъ, какъ у всѣмъ свѣти павыздыхаетъ скатина? Такъ што табѣ тагда будетъ? Заразь тебя на абвахту, та падъ ваенной судъ.

Прокипъ. А пидъ судъ якъ пидложуть, такъ тамъ и поворушытыся не можна.

Стецько. А ну, ну, до чого-то воно дїдетця?

Скорикъ. Ето первое дѣло. А другую рѣчь погаваря: зачимъ ты не хочешъ аддать дочки за Алексія? Парень важной, разумной, ремесной, да ишо жъ и пламѣнникъ мой?

Одарка. Такъ крепакъ...

Скорикъ. Эхъ! Што мнѣ зъ тобой, какъ зъ рекрутомъ гаварить! Ты ваеннаво артикулу не знаешь и усѣ здоръ порешъ. Паслушай меня, я присяжнай чалавѣкъ: я не мажу неправды гаварить. У казѣнныхъ мужичковъ начальники, а у подданныхъ памѣщики камандѣры, а усѣмъ галава батюшка государь. Атъ ево милости приказано усѣмъ никаво не абижать. У Алексѣева барина людамъ житѣ славноѣ, и у нихъ усѣво довольно.

Прокипъ. А въ нихъ у сели чы кабакы, чы волна?

Скорикъ. Волная, братъ, волная. На десять верстовъ кругомъ кабацкаво духа и не слышать.

Прокипъ. Отъ сторона! Такъ чого тутъ и думаты? Не дровичь, Одарко!

Одарка. Але, тривай лышень... такъ бачъ, пане старо-сто, у Кандзюбенка худоба... Серце болыть, якъ згадаю!..

Скорикъ. Ага! Такъ ета ушь не просто. Харашо; мы умѣимъ какъ и зъ етимъ справитця-та. А поставте сюда ослончикъ. (*Исполняютъ*). Такъ. Теперъ, стара, азьми миску, вотъ етима четырма пальцами, и принеси сюда. Та сматри, именно етима пальцами.

Одарка. Охъ мыни лыхо! Чы не будете ворожыты?

Скорикъ. Ничаво, не пугайся; ето не ворожка, а знять съ тебя нада-тѣ насилку. Мы не даромъ па усѣмъ мѣстамъ хадили. Зниму, штобъ ты адъ неи не зачахла!

Одарка (*низко кланяясь*). Охъ, батечку, голубчыку! робишь швидче, що знаете; такъ и чую, якъ мене зза плечей бере. Такъ мыску вамъ податы?

Скорикъ. Миску, та вотъ ефтими пальцами. (*Она приноситъ, и онъ ставитъ ее на скамейку и, снявъ свой рупникъ, отдастъ Тимошу*). На, товаришу; падержъ пачотной знакъ. У евкакомъ дѣли не слѣдуетъ прапускать никакой ево-значъ. Держи жъ ево, вотъ такъ, по нашому, ваенному: падъ куроць. Да здѣлай дружбу, не зварочувай ево, ато штобъ либо меня, либо тебя у три погигеги не звернуло. Теперъ, стара, либо тебя у три погигеги не звернуло. Теперъ, стара, азьми водяничкы зъ водою и держи тутечка, а я кой-шта па-лажу. (*Вынимаетъ изъ кармана бумажку и достаетъ вещи*). Вотъ зъ Французькава каравая весильная шишка; мы ее па-ложимъ у миску. Такъ. Таперъ усѣ атайдить на аванпосты, у кутюкъ, и ништо ни пары зъ усть. А ты зъ рупникомъ стань тутъ. (*Ставитъ Тимоша подлѣ себя*). Теперъ, Одаріе, льий у миску воду та приговорюй Французское слово голосно: плюхъ, плюхъ, плюхъ! (*Одарка сдѣлала, приговаривая*). Теперъ на зъ Турецкой церкви свѣчечка; засвити ее и неси сю-щущая, приноситъ зажженный восковой огарокъ). Дай сюда. (*Прильпливаетъ его къ мискѣ*). Теперича усѣ зажмуртесъ и не маги ништо шевельнутца. Ну... начинаетца наше дѣло... Ну!.. а самово такъ ляхоралка и бѣтъ. Ето уміючи насла-но; та ничаво, не насилуешъ. Одаріе, рожденая, молитвенная, кре-пценовая, винчаная, покрывая!.. скажи... какъ тебя: чы зза пле-чей беретъ, али у очахъ рябіетъ?

Одарка (*дрожа*). Та... изза... плечей и у очахъ...

Скорикъ. Французкая, па усему вижу, што французкая насылка; у насъ, у ваенныхъ, это не диковина. Злая насылка! Адначе справимся-га. *(Поетъ)*.

Тара, бара, мара, деларжанъ!

Пуру, буру, туру, акерманъ!

Бендеръ, кардашъ,

Дюпень, марьяжъ,

Ёкъ, пшикъ, ёкъ, пшикъ!

(Топитъ свѣчку въ воду).

Банжуръ, мадамъ Одаріе; снято! Атъ каво прыйшло, на таво пайшло. Поздравляю, мадамъ Одаріе! не рябей! Вотъ, сматрите усѣ у воду смѣлаво: хочбы тебѣ адна скатинка, али каровка, али што-небудъ изъ Кандзюбиной худобы. Ничаво нѣтъ; усѣ пашло геть. Сматреть, сматреть!

Прокипъ *(подходитъ и съ боязнью заглядываетъ въ миску)*. Але и справди! Хочбы тоби воловий хвистъ; нема ничого.

Стецько *(крѣпко присматриваясь въ миску)*. Хочбы тоби одна скотына; тилкы сама моя пыка зосталася.

Тымишъ. *(Также смотритъ)*. Такъ-таки, такъ.

Одарка *(приходя въ себя)*. Чому жъ тамъ и зостатысь, колы я сама бачыла, якъ усѣ повышлыговало геть!

Скорикъ. Оттакъ же, Одаріе, повышлыгуеть и усѣ худоба Кандзюбина зъ твоей памѣти, какъ ты ефтуго воду выпьешъ, пѣючи ее каждоденно по напѣретку, натошача. Какъ воду кончишь, такъ и жалковать перестанешъ. А наши молодіи, какъ будутъ любитца та дружно жить, та не линуочись работать, такъ и зберуть ищо пабольшѣ чимъ у Стецька. Да вотъ и я: хадиль па Туречинѣ, па Франціи, па Рассеи, да и собралъ пѣядесятъ палковыхъ; такъ па смерти маей усѣ запавѣдаю Алексію; онъ меня и пахаваеть...

Стецько. Якбы мыни гроши видавъ, я бѣ тебе, урагового москала, сѣгодня бѣ у домовыну. Вже я бачу, до чого воно йде.

Одарка *(наконецъ отдохнувъ)*. О спасыби жъ тоби, пане старосто! Такы якъ руками знявъ. Теперъ мыни не тилкы що Стецька, та и усїи ёго худобы ничогисинько не жалко. А Олексія вже полюбыла, мовъ риднисенького сына. Ходите

жъ, диточки, сюды. *(Обнимаетъ Алексія и Уляну)*. Будте жъ здоровы, якъ вода, а багаты, якъ земля, а красыви, якъ весна!

Скорикъ *(вскрикиваетъ)*. Ура! наша взяла!

Стецько *(задумавшійся, испугавшійся его крика)*. Тю! на твою голову! Ще и весилля не було, а винъ вже и гука. Оттака-то московска вира!

Скорикъ. Теперъ, товаришу, подавай знакъ сюда. *(Навязываетъ рушникъ)*. Спасиба жъ вамъ, панове сватове, за ваше послушаніе и любовь. Теперъ надате сполнить законъ и кончатъ дѣло. Сидайте жъ вы тутъ. *(Усаживаетъ стариковъ на ихъ мѣста)*. А мы, товаришу, тутъ. А маладіи пастойте.

Стецько *(сидясь подлѣ старосты)*. А князь озъдечкы сяде.

Скорикъ *(сводитъ его)*. И нѣтъ, братъ; ушъ не здывуй. Минулось твое княжество! Али сядь себѣ, али вонъ пайди. Ну-те-жъ, скажемъ законное слово. Панове сватове!

Прокипъ и Одарка *(вмѣстѣ)*. А мы рады слухаты.

Скорикъ. Што вы жалали, то мы здѣлали. А за сіи рѣчи, дайте намъ горилки гречи.

Одарка. Просымо на хлибъ, на силъ и на сватання.

Скорикъ. Вотъ теперъ нада-тѣ садавитца по закону. Молодіи! просымо на пасадъ. *(Усаживаетъ Алексія и Уляну на большомъ мѣстѣ, отца и мать—подлѣ Уляны)*. Тутъ батюшка, а матушка здеся, штобъ близко поратця. А мы, таваришу, здѣсь. *(Садится съ Тимошемъ подлѣ Алексія)*.

Прокипъ. Та мершій давайте страву; пора по чарци.

Стецько. Бачъ, якъ попаровалысь! Я вже бачу, до чого воно дѣдетца.

Одарка. Та сидай, Стецю, зъ нами, тай повечеряешъ. А отъ скоро и дружечкы прыйдутъ, то й потанцювавъ бы зъ нымы.

Стецько *(поетъ)*.

Бодай не дждалы,

Щобъ я зъ вами ивъ!

А ось що скажу

Отутъ вамъ усимъ:

Маты, изказыся,
 Батько, подавись,
 Женых провалыся,
 Москаль утопись.

Теперь же ты, Уляно,
 Ажь ось мене послухай:
 Ой плачь теперь, небого,
 Потылицю чухай,—

Женых твій крепакъ:
 (Нехай ёму болячка!)
 Черезъ нёго и ты стала,
 Не хто, якъ крепачка.
 Крепачка, крепачка,
 Крепачка, крепачка,
 Крепачка...

(Собираетъ шапку и тыкву, прячетъ ее и выходитъ, все продолжая пѣть): крепачка! (Затворивъ дверь, опять выглядываетъ и кричитъ): крепачка! (и опять по временамъ выглядываетъ и тоже кричитъ).

Между тѣмъ Одарка выноситъ тарелки и другія принадлежности; разставивъ все по порядку, подаетъ на столъ миску и проч.

Скорикъ (между тѣмъ нарѣзалъ хлѣба). Вотъ теперь па трудахъ можна и порцію подавать.

Прокипъ. Насыду за увесь вечеръ разумне слово сказалы. (Наливаетъ водку и подноситъ Скорику). Пожалуйте, пане старосто!

Скорикъ (тихо отводитъ его руку). Пожалуйте, пане свату, вы вперёдъ викушайте. Можегъ намишалы Французской бурды, што и на стѣну падерёмся. Да и у Туречини завсигда приговорюють: у каво у рукахъ, у таво и въ устахъ.

Прокипъ. Будте жъ здорови! (Выпиваетъ поспѣшно). А!.. кабацька... розведена. Щобъ то на волній узаты!.. (Подчищаетъ Скорика).

Скорикъ (взявъ рюмку, говоритъ скоро). Ещо пью за здравье, вамъ скажу какое: чарочка моя кругленька, налита зъ краями ровненька; тимъ ты мнѣ мила, што оченно полна.

Когда втоплю въ тебѣ свои уста, такъ вамъ скажу: многая лѣта! Небойсь, чарка, я тебя не струшу, лейся въ горло, весели салдацкую душу; а штобъ мнѣ не сухо пить, такъ при чаркѣ вотъ што стану гаварить: здравствуй, батька съ маткой, веселитесь своею дитяткой; радость вашу величайте и онась не забувайте. Здравствуй, князь съ княгинею, зъ молодю господинею! Любитесь, пійте, гуляйте и чоловѣчество розпложайте. А наконецъ, вотъ мой пароль: здаровья всей кампаніи чесной! (Выпиваетъ и брызжетъ вверхъ). Штобъ такъ наши маладыи выбрикивали!

Одарка. Кушайте жъ страву, просымо. Отъ же и дружечкы идуць. (Прокипъ подчищаетъ водкой вошедшихъ дивчатъ; онъ не пьютъ, и онъ все выпиваетъ самъ).

Хоръ дивчатъ (начинаетъ пѣть за кулисами).

Та ты, дупечко, наша Уляно!

Обмитаите дворы;
 Обмитаите дворы,
 Застылайте столы,
 Кладите ложечкы,
 Срибни блюдечкы,
 Золотыи мысочкы;
 Отъ идуць дружечкы!

1-я дивка (кланяясь и вѣтъ за нею). Дай Боже вечеръ добрый! Помогайби вамъ на усе добре.

Алексій и Уляна (пристаеъ, кланяются).

Одарка. Спасыби, дружечкы! Просымо на хлѣбъ, на силъ и на сватанья. Сидайте сюды, дивчата. (Усаживаеъ ихъ подль Уляны). Отъ же и вамъ ложечкы; брусуйте, друженькы, брусуйте...

Скорикъ (продолжая пѣть). Вотъ етакъ и у Франци: перва пакупають страву, а тамъ и яловичину покрышуть.

2-я дивка. Та намъ же при людяхъ исты не подоба?

3-я дивка. Лучче мы вамъ заспываемо, та вашихъ молодыхъ возвелычаемо.

Скорикъ (оставивъ пѣть). Эхъ, дѣвушки! патеште насъ, патѣште писеньками.

Хоръ дивокъ.

Ой чому, чому,
 Въ сямъ новимъ дому
 Такъ рано засвѣчено?

Улянка рано вставала,
 Русу косу чесала,
 Матинку пытала, и проч.

Одарка (во все время сей пѣсни плакала). Охъ дру-
 жечки, сизи голубочки! Не разрывајте мого серденька жа-
 либными писеньками. Якъ здамаю та згадаю, якъ мыни безъ
 Уляны зоставатысь, такъ за слизоньками свита не бачу! Зос-
 тануся съ пьяницею, и вже добра не ждаты.

Скорикъ. Нечево плакаты; вогъ тугъ-то и пайдѣтъ тебѣ
 дабро.

Одарка. Де вже добра скаты!

Прокипъ. Добра? Ось-де добро:

ВОДЕВИЛЬ.**Прокипъ.**

Хто добре пѣе, той знай все спыть;

А хто все спыть, той не гришыть.

Чого жъ намъ тутъ вередуваты?

Прыньмимось лышень кулыкаты,

То и вродытця добро той часъ.

Не буде сваркы,

Не буде лайкы,—

Горилочка зупыныть насъ.

Якъ напьемось, та и полягаемъ,

Прокынувшись, давай зновъ пыты;

Та такъ соби и прогуляемъ.

А що, Тымоше, якъ?

Тымишь.

Такъ-таки, такъ.

Прокипъ.

Колы жъ тутъ лаятысь и бытысь?
 Зъ горилкою добро намъ жыты!

Хоръ.**Прокипъ.**

Колы жъ тутъ лаятысь и бытысь!
 Зъ горилкою добро намъ жыты!

Всѣ:

Оттуть-то лаятысь и бытысь!
 Зъ горилкою намъ лыхо жыты!

Одарка.

Якъ жинка стане мужыка
 Товкты и вчыты, часто быты,—
 Тоди намъ добре буде жыты!
 Теперъ же правда въ васъ яка?
 Куды не повернысь, старши воны.—

Мужыкъ дуріе,

На все винъ сміе,

Не слухае ни въ чимъ жоны.

Ось нуте лышень намъ пиддайтесь,

Пидь нашу дудку годака

Скачить, мовчить и не брыкайтесь,

А що, Тымише, якъ?

Тымишь.

Такъ-таки, такъ.

Одарка.

Нехай вчыть жинка мужыка,
 То й правда буде не така.

Хоръ.

Одарка.

Нехай вчыть жинка мужыка,
То й правда буде не така.

Всѣ:

Не вчыты, жинци, мужыка!
На свити правда не така.

Алексій и Уляна.

Тоди на свити правда стане,
Тоди добро мижъ насъ прогляне,
Якъ щыра буде въ насъ любовь,
Не буде лайкы, ни розмовъ.
А що, Тымише, якъ?

Тымишь.

Такъ-такъ, такъ.

Алексій и Уляна.

Якъ станемо уси любытысь,
За що намъ буде вже сварытысь?

Всѣ.

Якъ станемо уси любытысь,
За що намъ буде вже сварытысь?

Скорикъ.

Въ паходахъ, всюды пабувавъ,
Какихъ земель не павидавъ!
Такъ знаю всѣ, и вотъ парада:
Вперёдъ всёво такъ треба-нада:
Увесь народъ ва фронтъ паставить,
Меня фельдфебелемъ наставить.

Вмѣстѣ.

„Муныцю бережы,
„Аль пряжку падвяжи!“
Кагда жъ судьямъ тутъ браты взятки?
И лѣкарямъ народъ морить?
Кагда женамъ мужей дурить?
Кагда матать вамъ безъ аглядки?
На зло не будетъ часу; вирно!
Чуть што не такъ, каманда „смирно“!
И фуктель показаль имъ бравой,
И „съ мѣста маршь всѣ, лѣвой, правой“!
И въ ногу будутъ всѣ хадить,
Кагда жъ тутъ ссоры завадить?
А што, товаришь, какъ?

Тымишь.

Такъ-такъ, такъ.

Скорикъ.

Ахъ, матушка, военна служба!
Въ тебѣ адной любовь и дружба!

Всѣ.

Ахъ, матушка, военна служба!
Въ тебѣ адной любовь и дружба!

Стецько (предъ тѣмъ возвратившійся).

Ось и я до васъ вернувся,
Ось и я вже схаменувся;
И женытыся не буду,
Ни до вику, ни до суду,
Своимъ дитямъ закажу:
Не казйтесь,
Не женитесь.
Такъ и батькови скажу:
А чому винъ оженився?
Я бѣ безъ него народывся.

Всякъ про щастя все пытае,
А того никто не знае,

Що тоди бѣ прыйшло добро,
Якбы не женивсь никто.

А що, Тымише, якъ?

Тымишъ.

Такъ-таки, такъ.

Хоръ.

Стецько.

Оттоди бѣ прыйшло добро,
Якбы не женивсь никто.

Всѣ.

Отъ и згнуло бѣ добро,
Якбы не женивсь никто.

Тымишъ.

Гай, гай, товкуете обѣ чимѣ!
Тоди добро мы будемъ знаты,
Якъ що-небудѣ не такъ зовсимъ,—
А намъ не спорыть, а казаты:

Та такъ-таки, такъ.

Хочь луплять волость пысари;
Жинкы у гречку знай все скачуть,
Въ горилку воду пынкари
Знай ллють; та що робыть? вси кажуть:

Та такъ-таки, такъ.

Богатый дметца, мовъ шкурать,
И часомъ бреше, пальци знаты!
Самъ бачышъ—винъ чортаци братъ,
Не треба спорыть, а казаты:

Та такъ-таки, такъ.

(Къ зрителямъ).

Висестъ.

А що, чы можна васъ спытать?
Чы сватаннямъ вамъ не остылы?
Якъ ничего про те сказать,—
Плеснить, панове мои мыли!..
Оттакъ, оттакъ!

Финаль.

Всѣ.

Поки добра на свити ждаты,
Такъ намъ отгуть хйба дриматы?
А ну! почнимъ лышень гуляты!
Горилка е, музыка гра.
Дивчата! Нуте танцюваты!
Трара рара, трара рара.

(Общіе танцы).

А не, як можна варт скарбам?
 Ім святыхамъ вѣкъ не оскверня?
 Ніч нікого нѣго не скверня?
 Писанятъ, новеи кон мѣня?
 Отвѣдъ, отвѣдъ!

Ф у м а м

Всѣ

Нѣмъ добръ не свѣтъ жывѣтъ!
 Тѣмъ нѣмъ свѣтъ жывѣтъ!
 А нѣ! поганна вѣдѣтъ жывѣтъ!
 Тобѣмъ е! жывѣтъ жывѣтъ!
 Дивага! Нѣтъ жывѣтъ!
 Тѣмъ добръ, жывѣтъ жывѣтъ!

(Свѣтъ жывѣтъ)

Тѣмъ нѣмъ свѣтъ жывѣтъ!
 Тѣмъ нѣмъ свѣтъ жывѣтъ!
 А нѣ! поганна вѣдѣтъ жывѣтъ!
 Тобѣмъ е! жывѣтъ жывѣтъ!
 Дивага! Нѣтъ жывѣтъ!
 Тѣмъ добръ, жывѣтъ жывѣтъ!

ДѢЙСТВУЮЩИЕ ЛІЦА

Тѣмъ нѣмъ свѣтъ жывѣтъ!
 Тѣмъ нѣмъ свѣтъ жывѣтъ!
 А нѣ! поганна вѣдѣтъ жывѣтъ!
 Тобѣмъ е! жывѣтъ жывѣтъ!
 Дивага! Нѣтъ жывѣтъ!
 Тѣмъ добръ, жывѣтъ жывѣтъ!

Щыра любовь.

Дѣйствіе происходитъ въ 1770 году.

НБ ОНУ імені І.І. Мечникова

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Таранецъ обыватель пидгороддя Гончаривкы.
Галочка, дочка ёго.
Олена, подруга ии.
Мыкола, робитныкъ ёго.
Твердохлибъ, обыватель изъ города Харькова.
Зорынь, офицеръ.
Пятановскій, прыказный изъ Губернской канцеляріи.
Сусидній народъ, составляющій весилля.
Розсильные, изъ Губернской канцеляріи.

Дѣйствіе происходитъ въ 1770 году.

ЩЫРА ЛЮБОВЬ.

Діѣствіе перве.

ДОНОСЪ.

Середына хаты достаточного малоросійскаго обывателя.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВЕ.

ГАЛОЧКА и ОЛЕНА *сидятъ, прядуть и тыженько спиваютъ.*

Галочка *(переставивши спивать)*. Отъ же собака забрехала... *(Выглянувши у окно, скрикуе)*. Олено! мерщій... та ну бо, мерщій...

Олена *(оставивши работу, встает)*. А що тамъ таке?

Галочка. Та ну бо, яка неповоротна! Мерщій защипку... *(Бѣгаетъ слоды и туды)*.

Олена *(слидкуючы за нею)*. Яка тамъ защипка?... Де тамъ вона?..

Галочка *(усе зъ безпокойствомъ)*. Та онде двери... держы бо... защипны...

Олена *(остановлючись)*. Чы ты дурна, чы божевильна? що робыты, скажы?

Галочка. Хиба жъ не чуслы? Защипны, кажу, дери, та не пускай..

Олена. Кого тамъ не пускаты?

Галочка. Его не пускай... цуръ ёму! я боюсь ёго... Ну бо, швыдче защипны.

Олена. Тадже и защипнула.

Галочка. Держы, душко, и плямку; та крипко, ато видирве...

Олена. Та й держу жь.

Голосъ за дверима (и стуканья въ двери знадвору), Дома хозяйинъ? Отоприте!

Олена (держа двери, до Галочки, прыжавшися у другимъ кутку, въ пивголосо). А що сказаты?

Галочка (въ кутку, дрыжачы видъ страху). Скажы, що нема никого у хати.

Голосъ (и упяять стукъ). Эй, кто есть? Отоприте...

Олена. Нема никого у хати, идите дальшъ.

Голосъ. Какъ нема?.. А кто же говоритъ? Отопри сейчасъ!

Олена (все держачы двери, до Галочки тыхо). Охъ, душко! Я такъ и трушуся... Боюся, троха се чы не москаль?..

Галочка (ище больше ховаеця). Та не бійся ничего, тилкы держы...

Голосъ. Кто держитъ?.. Кто говоритъ?.. Отопри!..

Олена (до дверей). Та я вамъ кажу, никому видперты: никого нема, хата пустисинька...

Голосъ. А кто же говоритъ? Ты и отопри.

Олена. Та и мене нема... (до Галочки тыхо). Цуръ ёму, якый страшный! Я такъ и трушуся.

Галочка. Хорошо же, не отпираете? Я знаю, это Галочка говоритъ; не отпираете? Будете меня помнить!.. Я пришель, чтобъ переговорить... хорошо же, увидите!..

Олена (прислухаючысь). Отъ же троха чы не пишовъ...

Галочка (крадетця до вѣкна на цыпочкахъ, зъ великымъ страхомъ хоче заглянуть и впяять одскакуе назадъ). Охъ лыпечко! Боюсь и глянуты... онде... онде вже пишовъ... онде я хвиртку за собою зачынивъ... (стоитъ посередъ хаты). Охъ, насылу душа видыхнула, а сердце такъ и колотытця!.. Иды, сидай, не бійся, вже не в-рнетця.

Олена (не сходючы съ мисця). Не здужаю зъ мисця зійты... ноги одубилы, а руки такъ и привицилы до защипки... отъ хиба не страшный!..

Галочка (отводитъ ии отъ дверей). Та ну бо вже не бійся, вже винъ далеко. Бачъ, яка ты боязлива.

Олена. А то и не боятыця такого? Ще жь то хороше, що ранокъ, а якбы такый прышовъ смеркомъ, то я тутъ бы и вмерла!

Галочка. Зовсимъ ничего ёго боятыця. Не пусты, прожены, та й годи.

Олена. А ты и не злякалася? Ну, ну, якъ стина побилла. Хто жь се такый страшный бувъ? Я ёго ови и не бачыла.

Галочка. Чого жь ты злякалася?

Олена. Затымъ, що ты боялася.

Галочка. Я думала, що ты уздрила, якый винъ е страшный, та на тебе глядучы уже злякалася.

Олена. А я, на тебе дывлячысь, соби злякалася и не бачучы ёго... Бачъ, яки мы соби!.. (смлютця обыдвѣ). Годи жь регататыся, ничего и не наробымо; сидай лышень, дивко, та робы. (Сидаютъ и роблять). Роскажы мени, будь ласкова, хто се такый прыходывъ? Адаже ты ёго бачыла?

Галочка. Эге! тымъ-то я и злякалася, що побачыла, хто иде... Се, колы хочъ знаты, се мій женихъ прыходывъ...

Олена. Женихъ? Охъ мыни лыхо? Чы не дурна жь ты зовсимъ? якъ такы можна такъ жениха шануваты? Що винъ теперечкы скаже?..

Галочка. Потураты ёму! Се такый женихъ, що цуръ ёму видъ мене!

Олена. Явыхъ у неи до-гаспыда женихивъ! Кого ни почуешъ, усякъ ии сватавъ. Мабуть зъ еотню вже е. Колыбъ до мене ихъ зъ половину прыслала. Ато мы не такъ богаты, та и дивчатъ насъ у батька ажъ трое, такъ ни одинъ злы-день и не навидаеця. Тебе знаютъ, що ты одна, а батько богатый, уся худоба достанетця, такъ тымъ и топчутця. Ты жь пидешъ за него?

Галочка. А щобъ винъ не диждавъ зъ своимъ поганымъ родомъ! Булы, булы люды, ато вже выявився якыйся-то приказный. Та стыдкий, та мерзеный; и горилку пѣе добре, и кабаку крипко вѣыва, та й посватався. Якъ же мій панъ-отець напрямкы ёму видризавъ, такъ винъ и розлютувався, и побожывсь, що зробыть панъ-отцеви якусь биду. Тымъ-то я и злякалася, и заперлася видъ него. Цуръ ёму!

Олена. О шкода жь! Мы бь зь нёго туть поглузували, посмялысь бы, та и протурьлы бь ёго...

Галочка. Нехай вьетця, куды хоче. Мени и дывытыся на нёго гыдко, не то щобь зь нымь говорыты! Ну ёго кь сыну! и не спомынай про ёго. И безь нёго мени нудно! *(Вздыхае).*

Олена. Вже я бачу, що тобі не сёгодня нудно; адже перестала до насъ и на вулицю выходыты. А того не знаешь, що тилкы за-для тебе уси ажъ зь города зиходютця, якъ вущи и школяри, та и паны. Чы знаешь, якъ ты не выйшла до насъ у короводи граты, то той увесь народь, побачывшы, що тебе нема, и розийшовся.

Галочка. А вы бь соби самы граты, що вамъ до людей?

Олена. Оттакъ пакъ! Будемо самы за-для себе и граты, и спиваты? Мы на те дивчата, не для себе граемо, а щобь люды на насъ дывылыся, та завьдували.

Галочка. Такъ оть що!

Олена. А вь тебе, мабуть, и не така натура? Ну, ну, такы всяка!

Галочка. Шо жь за мною запримытыла? А ну, скажы.

Олена. Куды! За тобою ничего нема. Ты усе граешь зь намы, ажъ геть, билия велького садка. Якъ же хто выйде... Знаешь?.. та сяде билия дворивь, на колодкахъ, такъ ты и почала усе туды короводь водыты, або у хрещыка, усе туды бижышь. А чого се такъ? Га?

Галочка *(зъ замилательствомъ).* Такъ бо пань-отець мий садовытця и любыть дывытыся, якъ я граю.

Олена. Пань-отець? Охъ, ты хытра! А зь пань-отцемъ та сыдыть... пань охвыщерь... А що? напекла ракивь? По-червонила? Я усе знаю...

Галочка *(стыдячысь).* Шо?.. що ты знаешь... кажы, кажы усе.

Олена. Знаю, Галочко, усе знаю. Якъ тилкы ты выйдешь до насъ, а тутъ де озьмешця и охвыщерь, та прямо до твого пань-отця, и посидаютъ соби на колодкахъ. А ты тутъ якъ та дзыга, усе передь ными та коло ныхъ; а мы тилкы подбигаемъ за тобою. Якъ же вони пидуть соби, то у тебе и голова разболытця, и ноги потомылыся, и втикаешь до дому... а зачымъ?.. Знаю, усе знаю. Затымъ, що твй пань

охвыщерь... я хотила сказаты, пань-отець вже дома, такъ за-для нёго и вертаеся.

Галочка *(смутывшысь, протяжно).* И правда!..

Олена. Такъ тамъ бо и охвыщерь твй. Та и що то: и сёгодня у васъ, и завтра, и пьсля завтрёго и по усякь Божый день усе винь у васъ. Нехай же винь зь пань-отцемъ, а ты чого туды?

Галочка. Але! послухай лышень, що и я тобі скажу. Колы прыйде до насъ пакъ, такъ треба жь чымъ тамъ звычайно ёго попоштуваты; оть затымъ я и стараюся. А другу ричь тобі, Оленочко, скажу: тилкы начны слухаты, що винь и якъ говорыть, то и забудешь усе и не видйдешь видь нёго. Який то винь розумный! Чого то винь не зна! Та якъ стане росказуваты, то я и заслухаюся, и задывлюся на нёго, такъ що и роботу покыну, голку зь рукъ впущу... и сама себе не тямлю. Оть ей Богу, що правда!

Олена *(зъ участямъ).* Галю, Галю! дывыся, та не задывлюйся; слухай, та не заслухайся. Свй розумъ держи.

Галочка. Охъ, сестро, що мыни робыты! Тоби тилкы самй признаюся, будь ласкова, не росказуй никому, може полегша, якъ тобі роскажу: сама не знаю, що зо мною сталося. Безь нёго усе мени нудно, тяжко, усе жду ёго... ёго одного бачу, и бильшь мени никого не треба...

Олена. Галю, Галю!.. що жь съ сёго?..

Галочка. Я и сама не знаю, що и робыты зь собою?.. *(Зъ слезами).* Мы зь-малу усе зь тобою укупи. Навчы, що мени робыты!.. Поможы мени!..

Олена. Чымъ же я, душко, тобі поможу? Лыхо тобі!.. любышь ёго, якъ и сама бачышь...

Галочка. То-то мое и горечко, що люблю ёго!.. Я все давно запримытыла, що полюбыла ёго, та и була веселенька, сама не знаю чого. Якъ же винь, оце два тыжни, чогось ставъ журытыся, то и я зь нымъ, моя душко, та якъ у воду опушена!.. А ось на тимъ тыжни и переставъ бувъ ходыты. Господы! якъ я за ти дни не вмерла, не знаю! Дали и прыйшовъ, та такы смутный! слова не почувешь видь нёго. Усе дывытця на мене, мовчыть, а тутъ у вочыцяхъ и выдно слёзы... я и швыдче у кимнату, та и заллюся слызамы... Такъ мыни важко, душыть мене... мовъ душа зь тила хоче выйты...

Олена. Такъ и не журыся, моя Галочко! Хочъ побожуся тоби, що и винъ тебе любить.

Галочка (*горестно*). Не хотила бь я сѣго николи!..

Олена. А чому жь?

Галочка. Нехай бы я сама страждала, винъ бы сѣго и по викъ не знавъ и не мавъ бы нѣякого горя, а я свое лыхо поховала бь у сырий земли зь своимъ дивоннячкомъ!.. А якъ винъ мене ще полюбить, що зь того?..

Олена. Якъ що? колы дуже полюбить, то и озьме тебе за себе. Ты станешь панею, будешь счастлива...

Галочка (*задумаетця, опустивши руки*). Шастя!.. Хто винъ?.. Хто я?.. О горечко!..

Олена. Не журысь бо попередъ усѣго... Отъ же хтось иде... Може впять дверей держаты?..

Галочка (*глянувши у викно*). Э ни, сѣму и видчыныты двери треба. (*Постышно утыра заплаканы очи и видчыняе двери*).

ЯВЛЕНІЕ ДРУГЕ.

Ти жь и ТВЕРДОХЛИБЬ.

Твердохлибь. Добрыдень вамъ, дивчатка?

Галочка и Олена (*низько кланяючысь*). Будте и вы, дядюшка, здоровы!

Твердохлибь. Галю, душко! А чы дома вашъ пань-отець?

Галочка. Воны дома, тамъ десь, бия батракивъ; хуру мають видправляты.

Твердохлибь (*Олени*). А потрудитесь, стало быть, Петровна, покличте Омеляновича. Скажите, що я прыйшовъ. Е пылне дило.

Галочка. Куды ий; вона ихъ и не знайде. Побожимъ, сестро, удвохъ. (*Хватаютця за руки*).

Твердохлибь (*удерживаючи Галочку*). Та ни, душко, не трудитесь вы. Вона молодша, вона збига и пишки усюды; а вы посыдыте зо мною.

Галочка. Та далеби що вона не знайде сама. Якъ я побожу зь нею, то и знайду вамъ пань-отця...

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЕ.

Ти жь и ТАРАНЕЦЬ.

Таранець. Та не треба мене шукаты, ось-ось де я знайшовся и самъ. Дай Боже день добрый вамъ, Потаповичу! Побачывъ, що вы, по ласци вашій, завернули до мене, такъ я покынувъ усе, та мерщій до хаты. Сидайте жь, пожалуйста; спочывайте: здалеку ишлы, втомылыся.

Твердохлибь. Не вамъ кажучы, нагривъ трохи чуба, покы допвандявъ до васъ. Забралысь, полагаю, верстовъ за три.

Таранець. Та и буде такы. Галочко, достань, дочечко, тамъ е варена, та пиднесы намъ по чашечци.

Твердохлибь. Та не турбуйтеся, Омеляновичу... я не за тымъ прыйшовъ...

Таранець. Отъ такъ пакъ! Будимъ мы васъ не знаемо? Адже не у пустку вийшлы. Спасыби Богу, хазяинъ е, и въ нѣго де-що водытця; и молода хозяйка пиднесе, не яка мени и турбаця. Се вже такъ законъ. Не видъ насъ воно стало, не намы и покончытця.

Твердохлибь. Благе дило, прятело мій любезный, не кыдатысь старовыны. Ох-ох-охъ!

Таранець. Покы будемо по-старосвितськый жыты, поты въ насъ и добро буде. Що жь у васъ, у городи, чуваты? якъ що поводытця?

Твердохлибь. А що? усе гараздъ. Війско муштруетця; кажуть, отъ-отъ пидуть на Турка; хочуть, мабутъ, Бендеривъ добуваты.

Таранець. Нехай имъ Богъ помога. А городъ хороший. Добре бь ёго до насъ загарбаты.

Твердохлибь. Та воно такъ, та и сыла супостата не малая!

Таранець. Не журитесь, Потаповичу! якъ пиде наше війско, то Турка такъ прышруть, що не своимъ голосомъ закрычыть: аманъ.

Галочка (*прыносит на деревяній тарилыци дви чашкы, подноситъ Твердохлибу и кланяетця*). Пожалуйста, дядюшка!

Твердохлибъ (*отводячы и рукою*). Що се вы робыте? хазяину треба попереду.

Галочка (*кланяетця*). Пожалуйте бо, звольтесе.

Твердохлибъ. И гостю буде хороше, колы хазяинъ прымиръ покаже.

Галочка. Пожалуйте бо, ато не видйду.

Твердохлибъ (*взявши чашку*). Не што зъ вами робыты Пиднесить же и пань-отцеви.

Таранецъ (*взявши чашку*). Та вже обь мени не турбуйтесь. И дочка батька не забуде, и хазяинъ себе не зобидыть. Пожалуйте жь, покушайте.

Твердохлибъ (*выльвае изъ чашки въ блюдце и кланяетця*). Будте же здорови! Нехай и нашъ Харькивъ процвита! А що, може зъ него буде що путне!

Таранецъ. И пожалуй, повстаемо зъ домовынъ и не пизнаемо. Тутъ може такъ заселютця, застроятця, що нигде и ступыты буде. А ке, дочко, ще по одной пиднесы намъ.

Галочка (*прыносыть горщыкъ и изъ него нальвае въ чашку и пиднесыть*).

Твердохлибъ. Чы не богато буде, Омеляновичу?

Таранецъ. Хазяинъ то зна; а гость не указчыкъ. Пиднесы, доню, пиднесы.

Твердохлибъ. Колы жь такъ, такъ ось якъ. Пиднесить вы обыдвы, дивчатка. А мы, стари, выпьемо, та отъ що скажемо: нехай же у нашъ Харькивъ зо всехъ мистъ збираютця добры люды, а ледачы геть втикають; та нехай дивчата красывиши надъ уси городы въ насъ не переводютця. Чы такъ, прыятелю мй любезный, и вы, дивчатка, машечкы мой?

Галочка и Олена (*пидносячы чашкы, кланяются*). Такъ, дядюшка, такъ-таки.

Таранецъ. И я скажу: нехай буде такъ, и усе-усе добре щобъ не переводылося!

Твердохлибъ (*вытывши и отдавши чашку*). Годи жь теперь! прыймайте оце куды знаете, та идить соби куды знаете, а намъ тутъ треба де-об-чымъ поговорыты.

Таранецъ. Такъ нехай же стоить; мы поговорымо-поговорымо, та и почаствуемося.

Твердохлибъ. Ни, вже доволно. Важне дило буду казаты, такъ щобъ не забуты де-чого.

Таранецъ. Якъ знаете. Прыймите жь, диты, посудыну, та идить соби гуляты.

Олена. Проведы мене, Галочко, до дому. Мени вже пора.

Галочка. Добре, ходимъ.

Таранецъ. Вертайся жь, доню, швыдче, не барись! (*Дивчата выходяты и односяты чашкы и все*). Ну те, прыятелю Потаповычъ, кажить, що тамъ маете?

Твердохлибъ (*съ безпокойствомъ*). Не знаю; зъ якого кинця зайты... скажить мени на мылость, хто недавно сватавъ вапу Галочку?

Таранецъ. Та ихъ стилкы на тыжни перебува, що и не згадаешъ усякого. Видкиля вже не наизжають! що вона имъ такъ далася?

Твердохлибъ. Та ни, не те. Оце на тимъ тыжни хтось сватавъ; хтось зъ губернской...

Таранецъ. Эге! се бь той... отъ не згадаю, якъ его... дивчата прозвалы пуцьвирокъ.

Твердохлибъ. Трохы чы не таке щось. Що жь вы ему сказалы?

Таранецъ. Такому паскудному и гарбуза пожалкувавъ даваты. Узавъ его за руку, та и вывивъ зъ хаты и сказавъ, щобъ николы и двора мого не знавъ. Такъ що хйба?

Твердохлибъ. Оглашенный що зробывъ?—у губерську канцелярйю подавъ доносъ, що буцимъ вы колдуете и що знайшлы ажъ шистъ скарбывъ такихъ, що имъ и цины нема.

Таранецъ. Що жь зъ того буде?

Твердохлибъ. Хйба жь вы не знаете, якъ у такимъ дили поводитця? И колдоваты лыхо, и за скарбъ, якъ не обявышь, такъ беда бува.

Таранецъ. Та видкиля жь се анахтемський пуцьвирокъ выгадавъ, що я чаклюю и скарбы знахожу?

Твердохлибъ. Вже сего не знаю. Показавъ ссылку на вашого батрака. Чы Мыкола у васъ е?

Таранецъ. Та е.

Твердохлибъ. Такъ буцимъ той сказавъ, що вы и колдовське слово знаете и що скарбы знайшлы.

Таранецъ. Сему не можна статысь. Мыкола въ мене така дытына, що и не треба луччого: розумный, права рука моя по усему торгу.

Твердохлибъ. Осъ покличте его попереду, та спытайте, що се означа?

Таранецъ (*выглянувши въ окно*). Онде жъ и винъ. Аговъ, Мыколо! ходы ке сюды. Що се за напасть така?

Твердохлибъ. Не смущайтесь, государю мій любезный, помы што до чого. А дило важнее, треба его затушкывать.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТЕ.

Ти жъ и **МЫКОЛА.**

Таранецъ. Скажи мени, Мыколо, чы ты знаешъ того... що отъ прозвалы пуцьвиркомъ.

Мыкола. Се бъ то Пъятаковский? якъ его не знаты: я ему и спыну натовкмачывъ, и патли обирвавъ.

Таранецъ. За вищо жъ у васъ узялося? кажы усю правду, не потай ничего.

Мыкола. Вы вже мене знаете, що ни для кого не збрешу, а тайты ничего тутъ; осъ якъ усё було. Разъ поставывъ мени горилкы, та и ставъ выпытуваты: видъ чого вы дяюшко, такъ разбагатилы? чы не знаете, пыта, якого колдовського слова, або чы не знайшлы колы скарбу? А я его обдурюю и кажу: дяюшка и слово таке зна и ажъ шистъ скарбивъ знайшовъ, що имъ и цины нема...

Таранецъ. Колы жъ се було? Чы боишься жъ ты, Мыколо, Бога?

Мыкола. Тымъ, що Бога боюся, тымъ его такъ и обдурывавъ. Колы бъ же розпытавъ, якъ што воно е, то я и сказавъ бы, що колдовське слово—те, що вы ласково просыте, такъ мы для того зъ шкуры лиземо, щобъ вамъ услужыты; а скарбы—то шистъ батракивъ, що имъ, за ихъ роботу и щыри труды, цины нема. Колы жъ винъ не пытавъ, такъ я и не росказувавъ; такъ и розйшлыся. А у друге винъ на вульщи, та ставъ щось брехаты про Галочку такы вашу, Омеляновичу. Такъ на него уся громада и напустылася, щобъ не смивъ ни про кого худой славы пускаты, бо се е грихъ; и таки добре его затюкалы. А я закмыкавъ его у кутокъ, та таки гарненько потасувавъ.

Таранецъ. За се спасыби, а за ти речи дуже не гараздъ буде. Винъ усё объявивъ началству, и на насъ беда збираетця.

Мыкола. Ажъ ничогисинько, дяюшка, не бйтеся. Тилкы судящи нехай мене спытаютця при нёму, то я усё докажу. Перестане цвиринькаты.

Таранецъ. Гляды, чы такъ воно буде! Иды жъ до своего дила. Наробывъ мени богато клопоть.

Мыкола. Далеби, що такъ усё мынетця. А его попаду, то ще прытасую, та вже не такъ. Нехай не бреше! (*Выходитъ*).

Твердохлибъ. Воно то, пожалуй, такъ, та по дилу не прйдетця такъ. Сегодня мени знакомый зъ губерської канцелярии росказавъ усё. Треба, каже, гасыты дило. Я що робыть? Кынувся до доносчыка. И що жъ? вашымъ словомъ дававъ два рубли, щобъ узявъ назадъ бумагу; такъ куды! На стину деретця. Нехай, каже, Галочку виддасть и худобу усю, тоди покиначю дило.

Таранецъ. А щобъ винъ не дждавъ, щобъ я своею дытвиною ставъ видъ биды видкупатыся! Самъ на смерть готовъ, абы бъ вона була щаслыва! Се беда мени зъ симъ доносомъ! До розуму не прйду, що мени робыты?

Твердохлибъ. А у протчимъ, прыятелю любезный, имйте резонтъ, не теряйте куражу у одвитахъ, когда прызовуть у губерську канцелярию. Шуткы рады скажу, хочъ и не той часъ: пры прежнихъ членахъ лучче було; знесы по требованью и не бйся ничего; а теперь такъ и нагадаты не можна. Зато правда процвитаеть; такъ, стало быть, и боитысь ничего... Отже... не убывайте, Омеляновичу... трохы чы не...

Таранецъ (*оторопивши*). А що? идуць за мною?

Твердохлибъ (*приглядаетця въ окно*). Ныбы розсылни идуць...

Таранецъ (*ломаючи руки*). О Господы! Що то зо мною буде? Бога мылосердного не боюся, я чыстъ у души; людей боюся!..

Твердохлибъ. Воля его надъ нами. Винъ сильниший усихъ замысливъ чоловическихъ.

Таранецъ. Що станетця зъ моею Галочкою?.. Вона и не зна биды!..

ЯВЛЕНІЕ П'ЯТЄ.

Ти жъ и РОЗСЫЛЬНЫЙ, а потимъ ПЯТАКОВСКІЙ.

Розсылный. А кто у васъ (вынимаетъ бумагу и читаетъ) Алексѣй Таранецъ? (Таранецъ, блідный, дрожить и не можетъ слова выговорить).

Твердохлибъ. А на шо винъ нуженъ вамъ?

Розсылный. Чтобъ шоль за нами.

Твердохлибъ. Куда? и по чьему требованю?

Розсылный. Въ губернскую канцелярію. Вотъ вамъ и записка.

Твердохлибъ. А за чымъ его требуютъ?

Розсылный. Не можемъ знать, мы посыльные.

Пятаков. (вбѣгаетъ и кричитъ). А что? а гдѣ злодѣй, колдунъ? Вяжите его, закуйте. Гдѣ ваши кандалы?

Розсылный. Нѣту гѣ ничево; не сказано, чтобъ заковать.

Пятаков. Такъ я вамъ приказываю. Закуйте ему руки, ноги, ротъ, глаза... я въ семь дѣлъ доносчикъ, я требую.

Таранецъ (ломаючи руки). О Господы! я въ кандалахъ! за калавуромъ!.. Якъ то Галочка стерпыть!..

Твердохлибъ (отвизивши на сторону Пятаковскаго, говоритъ ему тихо). Послушайте, государь мій любезный! Когда вы въ симъ дили маете сылу, то... дававъ вамъ два рубли... ну, звольте, отъ вамъ п'ять рубливъ. Потушить дило, видустить салдатъ и берить деньги; ше и попоштуемъ славно.

Пятаков. Хмъ! я самъ отъ примирія не прочь. Конечно, можно бы дѣло и утушить; я покажу, что я это писалъ не въ трезвомъ состоянїи, и сѣ и то... Только, какъ честный человекъ, по совѣсти скажу вамъ, что и пятидесяти рублей не возьму. Одна Галочка, и ни копѣйки меньше.

Твердохлибъ. Незбыточное, государь мій, дило, щобъ Галочку оддати за васъ.

Пятаков. Помилуйте, какъ, отчего? Я служу рачительно, на дорогѣ къ благородію...

Твердохлибъ. Служба тутъ не спрошуетця. Нуженъ нравъ и поведеніе.

Пятаков. Все у меня отличное. У человекъ характеръ ясно виденъ, когда онъ подопъеть. Я вамъ про себя скажу: когда я подопью, то меня не только обидѣть, но легко и при-

бить можно, что неоднократно и случалось. Даже оберуть меня до послѣдняго, а я ни пары съ усть, лежу себѣ недвижимъ. Ей такъ. Поведеніе мое также не зазорное. Я имѣлъ честь обѣдать однажды у здѣшняго комиссара и велъ себя добропорядочно: ни салфетки не уронилъ, ни скатерти не облилъ. Вотъ каковъ я! Стыдно себя хвалить, а грѣшно скрывать добродѣтели...

Твердохлибъ. Та не то. Говорите посліднюю цину, а Галочки вамъ не выдаты, якъ свои уха...

Пятаков. Такъ и вамъ же не видать отъ меня милости!.. Эй, караульные! Куйте его...

Розсылный. Помилуйте, во что ковать? Съ нами и кандаловъ нѣту-ти, да и приказу не было ковать, а довести бережно...

Пятаков. Такъ я вамъ приказываю... закуйте его...

Розсылный. Да кто станетъ слушать тебя?.. Пойдемъ, старичокъ, скорѣе; скорѣе и воротисься.

Таранецъ. Господы! не оставь мене... и Галочки!.. Шо зъ нею буде, якъ дознаетця?! Прыятелю мій! Зробы самъ... якъ знаешъ... ничего не тямлю!.. часомъ шо зо мною буде... благословы ии моею рукою и моимъ словомъ... прощай и ты..

Твердохлибъ. Не смущайтесь... Господь насъ не оставитъ... я пиду зъ вами, мени зъ руки доступъ де до кого... и Галочка ничего не знатиме, поки вернемося. Господы! Будь намъ покровитель! Ходимо!

Таранецъ. Хыжа моя, де я увѣ усимъ бувъ щасливый и хвалывъ Бога! Чы приймешъ хочъ прахъ мій! Донию моя!.. Галочко!.. (Выходитъ, заливаючыся слезами, провожаемый розсылными и Твердохлибомъ).

Пятаков. (одинъ). Заварилъ кашу, и довольно крутеньку!.. (Осматривая хату). Отъ такого достатка всѣмъ пожива будетъ. А Галочку съ остаткомъ возьму въ свою опеку. Гдѣ она?.. Пойду поджидать ее на улицѣ, а допросъ безъ меня снимуть. (Вынимаетъ табакерку и нюхаетъ табакъ, приговаривая). О любовь, лю..бовь!.. Знатный, бестія, табакъ продаеть. А!.. (Уходитъ).

Галочка (въ смущеніи). Кто жъ вамъ сказавъ, що я васъ... (склонившы голову, ледви може договорить) не люблю?..

Зоринъ (вскрикиваетъ въ восторгъ). Такъ ты любишь меня, Галочка? (Схватываетъ другую руку ея, которою она закрывалася, и быстро смотритъ ей въ глаза). Скажи, такъ ты любишь меня?..

Галочка (не могиши вырвать у него рукъ, щобъ скрыть свое замѣшательство, склоняетца на плече его). Я не знаю, якъ любить... А тилкы усе те, що вы про себе розказувалы... то такъ... (плаче) и мени було безъ васъ... И я не хотила безъ васъ жыты, хотила вмер...

Зоринъ (схватываетъ ее въ объятія, прижимаетъ, внѣ себя отъ восхищенія, цѣлуетъ ея глаза, щеки). Галочка! ты меня любишь? ты моя? О какъ я счастливъ теперь! какое блаженство за всѣ горести мои!..

Галочка (довго въ радости, прихлыльши до его, держитъ голову на плечи его). Що зо мною діетца?.. Мени такъ хороше! Ще якъ стала знаты васъ, то було якъ задумаюсь... То тоди було такъ хороше!.. Ой ни, теперь лучше! (Обнима его рукою). Я не знаю: кто я, де я и що я? Я мовъ пычка выбылась зъ густенькихъ хмарочокъ, летаю била ясного сонечка!.. Не страшне теперь мени ніяке горечко, перетерплю усяку биду хочъ черезъ увесь вѣкъ: я мала таку годиноньку зъ вами, що я по-вѣкъ не забуду сіи радости!.. Вы мене любите!.. Вы мене цѣлуете!.. Не покинете мене николи? (Обнима его обома руками и прижимает до себе, плачущи гирко). Не покиньте, не забудьте мене!.. Вы моя и душа, и радисть, и... не вмю розказаты, що тутъ у моему серденьку.

Зоринъ (продолжая ласкаться). Теперь я не сирота!.. И для меня солнце свѣтитъ!.. Въ радости вѣкъ доживу... Вотъ, кажется, идетъ твой панъ-отецъ... Скажу ему, буду просить... (оставляетъ ее).

Галочка (побачивты Твердохлиба, выходящего изъ хаты). Ни, то не панъ-отецъ; а вонны зъ сымъ чоловікомъ кудысь ходылы, то мабудь, скоро и прыйдутъ... Тилкы вы, Семень Ивановычъ, подождить; ще не пора панъ отцеву ничего говорить. Ще мы не поратылыся ни объ чимъ... Я ще и теперь ума не зберу усе те розказаты, що въ мене на думши. Я ще не привыкла до своего щастя... (Въ сторону). И якъ мени такъ скоро видрѣктыся видъ его!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЕ.

Ти жъ и ТВЕРДОХЛИБЪ, до того ходывшы то въ хату, то зъ нею.

Твердохлибъ (подходитъ до Зорина). Не во гнѣвъ вашому благородію будетъ, прошу покорно сюда, маю пынее дило поговорыты зъ вами секретно...

Зоринъ. Что такое? (Идетъ въ сторону съ Твердохлибомъ).

Галочка (съ безпокойствомъ). А що у васъ тамъ е? Адже вы, дядюшка, пишлы зъ панъ-отцемъ; де жъ винъ? Скажите, будте ласковы, и мени. (Идетъ до нихъ).

Твердохлибъ (отводячы ии). Не смущайтесь, машечко, и не машайте намъ. Самъ панъ-отецъ приславъ до его благородія... мы заразъ усе вернемося... (Иде до Зорина).

Зоринъ. Что такое? Говори скорѣе. Ты весь встревоженъ. **Твердохлибъ**. Сталася такая прычина. Мени звисно, що вы, по ласци свой, жалуете и мого пріятеля, сего хазяина, Олексія Таранця...

Зоринъ. Ну, такъ что? **Твердохлибъ**. А отго, ваше благородіе, що на него здланъ однимъ бездилныкомъ доносъ у самыхъ пустякахъ; ему оправдатыся можна, но якъ узялы его у губеревку канцелярію...

Зоринъ. Какъ? уже и взяли? **Твердохлибъ**. То-то и е, ваше благородіе. Я за нымъ пишовъ и просывъ, кого слиде, такъ якъ описля одвели его у секретну, такъ, знаете, тамъ...

Зоринъ. О Боже! его пытать?.. Побѣжимъ скорѣе, не можемъ ли ему помочь... (Идетъ).

Твердохлибъ. И я за тымъ васъ и шукавъ; у кватери нема, такъ я сюды... (Поспѣшае за Зоринымъ).

Галочка (въ безпокойствіи). Куды жъ вы? Семень Ивановычъ, потрывайте! Але и слова мени не сказалы, такъ и побиглы обыдва... Нехай Богъ мылуе, чы нема зъ панъ-отцемъ якои прычины! Вже жъ бы мени Семень Ивановычъ сказавъ. Хтось-то тамъ черезъ плить перелизъ... бижыты сюды... Охъ лышечко! то жъ навиженый пущьвинокъ... заховатыся нукуды!..

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТЕ.

ГАЛОЧКА и ПЯТАКОВСКІЙ.

Пятаковскій. Не уходи, моя красавица! я имѣю къ тебѣ криминальное дѣло.

Галочка. Нема мени до васъ ніякого дила. Чого вы сюды забралыся? та ще по плотяхъ лазыте, неначе... хто?..

Пятаков. Время, нетерпящее отсрочки. Тутъ, когда дѣло по самонужнѣйшей надобности, тутъ не смотреть ни на плоты, ни на что!

Галочка. Та що тамъ? кажыть швыдче, та и убирайтесь соби хочъ до... куды знаете!

Пятаков. Изволь, сей моментъ скажу, а ты немедленно положи резолюцію безъ волокиты. Люблю тебя, Галочка! животомъ и душою! Дай обѣщаніе выйти за меня—и все дѣло прекрашу.

Галочка. Не десять разивъ казаты вамъ, що цуръ вамъ! И не думаю, и не подумаю объ васъ ніколы. Выкыньте се соби зъ головы.

Пятаков. Съ кѣмъ же ты, душечка, останешься? Я былъ бы тебѣ и подпора, и защита.

Галочка. Не треба мени ніякои другої защиты: въ мене батенько е.

Пятаков. Я про то и говорю, что безъ батиньки былъ бы тебѣ защита. Какъ теперь тебѣ одной проходить званіе свое?

Галочка (зъ *безпокойствомъ*). Хиба де батенько мій.

Пятаков. А Твердохлѣбъ развѣ не сказалъ? Онъ за тѣмъ и пошелъ сюда.

Галочка. Вони були тутъ на часынку, та и не сказали ничего и пишли опъять до ёго.

Пятаков. Вотъ такъ! Теперь уже далеко до него.

Галочка (въ *велькій тревози*). Якъ далеко? що вы кажете? Скажите бо, здѣлайте мнѣ милость!

Пятаков. А! теперь просишь? А что тогда скажешь, какъ узнаешь, что твой гордый панъ-отецъ сидитъ въ тюрьмѣ, а теперь пошелъ въ Сибирь!..

Галочка (*поблидла и дрыжыть*). У Сибирь?.. Панъ-отецъ?.. Брешешь, брешешь, злый пудъвирку! мій батенько и не подумавъ ніколы такого, за-що люди у Сибирь ходють.

Пятаков. Нѣтъ, не брешу. Прежде за его мошенничества самого взяли, а потомъ прислали и за вашимъ работникомъ, Николою. Теперь уже обоихъ сослали, и Твердохлѣбъ за тѣмъ и приходилъ, чтобъ взять имъ что на дорогу.

Галочка (*скрыкуе*). Охъ, мени лышечко! Такъ, такъ и е! и ёму казавъ... и винъ ажъ поблидъ... и не сказавъ мени ни слова, побигъ... Побижу и я... Таточку-голубчыку! Де ты страждешъ?.. Озьмы мене зъ собою!.. (*Выбигае*).

Пятаков. (*долго смотритъ за нею съ удивленіемъ, и потомъ, щелкнувъ пальцами*). И именно дура!.. Будь я бестія, если она не дура!.. Имѣя такое богатство, остается полновластная и безспорная всему наслѣдница; отца ссылають въ Сибирь, а она плачетъ; какъ будто о какомъ несчастіи?.. Чудные бываютъ нравы у людей!.. Вотъ какъ и у меня, а хитрости сколько? О, доносъ на моего злодѣя Таранпа штука чудесная!.. Теперь радъ бы, пріятель, и десятерыхъ дочерей отдать мнѣ, такъ уже поздно.

ЯВЛЕНІЕ ПЪЯТЕ.

ПЯТАКОВСКІЙ и РОЗСЫЛЬНЫИ.

Пятаков. Что? за кѣмъ это еще?

Розсыл. Не за кѣмъ же, какъ за тобою. Во всѣ концы послали отыскивать, а я догадался, что ты здѣсь торчишь, да прямо и пошелъ.

Пятаков. (*гордо*). Говори вѣжливѣ; знаешь ли, кто я?

Розсыл. Какъ тебя не знать! Да полно чуфариться, ступай въ канцелярію; вѣлно привести какъ можно скорѣе.

Пятаков. Въ канцелярію? Хмъ! иди и скажи, что сейчасъ буду. (*Важно похаживаетъ*).

Розсыл. Вотъ еще и отповѣдь посылаетъ! Иди сюда: вѣлно связаннаго привести.

Пятаков. Кого?

Розсыл. Да не какого же чорта, какъ тебя. Секлетаръ доложилъ, что вовсе не пишешь, а все гуляешь.

Пятаков. Какъ, меня? Какъ-то и кто меня поспѣеть связать?

Розсыл. Не кто же, какъ я, и вотъ какъ свяжу! *(Берутъ его и вяжутъ руки).*

Пятаков. А все же не скованаго...

Розсыл. *(продолжая вязать его).* Тебѣ и то не въ диковину. Недавно же сидѣлъ на цѣпи!

Пятаков. Какъ недавно? Еще на прошлой недѣль...

ЯВЛЕНІЕ ШОСТЕ.

ТАРАНЕЦЪ и ЗОРИНЪ *выходятъ изъ хаты.*

Таранецъ. И у хати іи нема... Хіба ще и доси не верталася?..

Зоринъ. Это что за молодець? И куда вы упрятываете его?

Розсыл. Бѣгаетъ, ваше благородіе, изъ канцеляріи, такъ приказано...

Таранецъ. Се жѣ мій супостатъ. Се винъ же, Семень Ивановичъ, на мене доносъ подававъ.

Зоринъ. Теперь самъ попался въ бѣду? такъ слѣдуетъ.

Пятаков. *(разсылнымъ).* Это ничего, а вы развѣ не видите, что вашъ арестантъ ушелъ? Вы его отвели, а онъ ушелъ... Возьмите его, скуйте...

Розсыл. Полно брышкать-то? Ступай за нами.

Таранецъ. Отъ бачъ, пуцьвирку! Ты мене и у кандалы, и зысты хотивъ; я жѣ выйшовъ правъ, а ты попался...

Пятаков. Такъ что жѣ? Хотя и связанный, да не скованъ... я тебя таки добду!.. *(Разсылные уводятъ его на веревкѣ).*

Таранецъ. Зло для себе зле... Де жѣ наша Галочка? И тутъ еи нема!..

Зоринъ. Это мнѣ чудно. Я ее оставилъ здѣсь, и она все не знала о бѣдѣ...

Таранецъ. И хорошо, якбы и не знала. Може скучыла сама, та и пишла до подругы... *(Дывытця на сторону).* Такъ и е, шо не знала! Про усе прочула... мабуть и въ городи була вже... бачыте! летыть якъ стріла... *(Иде до неи назустрічъ).*

ЯВЛЕНІЕ СЕМЕ.

Ти жѣ и ГАЛОЧКА, прыбига и кыдасться до батька.

Галочка. Таточку!.. Голубчыку!.. Ще жѣ я васъ побачыла!.. *(Обнима его и плаче).*

Таранецъ *(также).* Годи жѣ, годи... Господь съ тобою! Бачъ, я и живъ и выпять тутъ.

Галочка. Я вже думала, шо васъ и на свити нема!.. сказаны пакъ, шо вы ажъ у Сибири...

Таранецъ. Хто жѣ то мене такъ запрятавъ?..

Галочка. Не хто жѣ, якъ оттой гаспыдськый Пятаковськый!.. Тутъ усе пристававъ до мене... и васъ, каже, у Сибирь повелы..

Таранецъ. Такъ ты и побигла мене вызволяты? *(Сміетця).*

Галочка. Ато жѣ пакъ! И не зтымылась, якъ и побигла... мала на край свита бигты... Бижу... лывлюся, якыйсь-то панъ иде на зустрічъ; я ихъ овси не знаю никого, та думаю: колы панъ, то и волю мае; отъ и стала ёго прохаты и кланяюся ёму, а винъ усмихнувся и каже: знаю, знаю... Не бойся, каже, ничего, верныся до дому, твого отця видпущено... Я якъ се почула, та назадъ ище дужче бигла... та й думаю: а шо, якъ той панъ не зна, та на смихъ сказавъ! И не вирю зъ радощивъ, а знай бижу... а тутъ салдаты зустрілыся, повелы на вирѣвци, мовъ собаку, Пятаковського, такъ и воны сказаны. Куды то васъ, тату, водылы? И шо тамъ на васъ за пеня?

Таранецъ. Пеня, доню, московська, та ба, нароблено багато клопоть. Не побочыла бѣ ты мене зъ руськый мисяць, якбы не Семень Ивановичъ; и поручывся за мене, спасыби ёму, и выпрохавъ, щобъ видпустылы.

Галочка *(зъ чувствомъ до его).* О Семень Ивановичъ!.. Вы знаете... усе знаете!..

Зоринъ. Знаю, Галочка, знаю, какъ бы ты тужила объ отцѣ, потому и хлопоталъ, чтобы его скорѣе, какъ невиннаго ни въ чемъ, отпустили домой. Тяжело мнѣ было видѣть, что

такой почтенный человекъ безъ вины долженъ страдать... Но все кончилось, не будемъ вспоминать.

Галочка. Тилки яка вы е добра душа, того не забудемъ по вить!..

Таранецъ. Ей, истинно! вы и булы, и е мій благодитель, и чымъ васъ виддякуваты?..

Зоринъ. О мой почтенный Алексѣй! Благодарность твою можешъ доказать, осчастливить меня на вѣкъ, самая смерть...

Галочка (*весело, старающысь не дать ему говорить*). А нуте вже, пры такому часи не спомынайте про смерть!.. На симъ свити такъ гарно, весело!.. Мени сегодня мовъ небеса одчынылыся... полетела бѣ видъ радости по пидъ хмарочкамы, та и впяять бы до васъ вернулась... Будемо тутъ жыты у щасти, у любви... ажъ помы зовсимъ постариёмось...

Зоринъ. Правда, Галочко, правда. Самое большое счастье жить въ любви. Будемъ такъ жить въ любви, будемъ такъ жить по вѣкъ. Не отгоняйте только меня отъ себя...

Таранецъ. Пожалуй, мы не видгоняемо, такъ вы щось насъ не такъ любите, якъ мы васъ? Чы будете часто приходыты?

Зоринъ. Не только часто приходите, но думаю съ вами и навсегда остаеться, когда только примете меня.

Таранецъ (*дивуючысь*). Щобъ то якъ?..

Зоринъ (*схватываетъ его руку*). Почтенный Алексѣй! выслушай... (*Галочка знаками упрашиваетъ его, чтобы онъ молчалъ; опустивъ руку Таранца и подумавши, говоритъ*). Нѣтъ... еще не время!.. Завтра... завтра приду и все скажу... (*Скоро уходитъ*).

Таранецъ (*задумавшись, дивытця у слидъ ему и помовчавшы*). Що се винъ, доню, сказавъ, що якбы ему зъ нами жыты? Га? (*Дивытця на ней пристально*).

Галочка (*смутившись*). Не знаю, таточку!.. Чы не противъ того... що може кватери имъ будутъ на Гончаривци... або що; не знаю такы..

Таранецъ (*долго дивытця на ней, потимъ протягуетъ до ней руки; вона кыдаетця до его и обнима его*). Ни, Галочко!.. я не боюся ничего!.. (*Кладе ей руку на голову*). Ты моя дытына!.. (*Поцилувавши въ голову, тихо иде въ хату*).

Галочка (*дивлячысь вслидъ за нымъ*). Твоя, таточку!.. и ты никола не видцураеся видъ мене... Боюся тилки того, що дума Семень Ивановичъ... Нехай попереду роскажу я, якъ намъ любовь нашу скинчаты... Такъ и зробимо, такъ и жытимемо... И що то за гарно буде!.. Винъ мене любитеме, поки я вмру... и я буду долго-долго жыты... бо у щасти та у вирній любви и душа буде радоватыся, и здоровья цвистыме якъ весення квичочка!..

Таранець (одинъ, сидить и читает книжку, потимъ, знявши очки). И великіи, и святіи мужи, а скільки бідству-вали на симъ свити!.. Чого жъ намъ гришнымъ тужыты, колы беда постыгне? Вони черезъ свое терпиння царство заробылы; треба жъ и намъ такъ робыты, якъ и вони. Не дай тилкы, Боже, якои напасты, якъ мени було ни видсиль, ни видтыль склалось лихо. Не було горя, не мавъ обь чимъ тужыты, такъ тутъ якъ разъ и беда! Достаточку, слава тоби Господы! и унукамъ зостанетця... Чадо мое мыле, що я и не знаю, якъ дякуваты Богу за неи... яка то ий судьба? (Задумуетця). Ой ни, ни!.. не буде сего!..

Дієвствіє третє.

КОХАННЯ.

На другый день.— Декорація перваго дієвствія.

ЯВЛЕНІЄ ПЕРВЕ.

Таранець (одинъ, сидить и читает книжку, потимъ, знявши очки). И великіи, и святіи мужи, а скільки бідству-вали на симъ свити!.. Чого жъ намъ гришнымъ тужыты, колы беда постыгне? Вони черезъ свое терпиння царство заробылы; треба жъ и намъ такъ робыты, якъ и вони. Не дай тилкы, Боже, якои напасты, якъ мени було ни видсиль, ни видтыль склалось лихо. Не було горя, не мавъ обь чимъ тужыты, такъ тутъ якъ разъ и беда! Достаточку, слава тоби Господы! и унукамъ зостанетця... Чадо мое мыле, що я и не знаю, якъ дякуваты Богу за неи... яка то ий судьба? (Задумуетця). Ой ни, ни!.. не буде сего!..

ЯВЛЕНІЄ ДРУГЕ.

ТАРАНЕЦЬ и ТВЕРДОХЛИБЬ.

Твердохлибь. Здоровы булы, Омеляновичу! Поздоровляю васъ покинувшы свое дило.

Таранець. Спасыби вамъ за усе. Сидайте, пожалуйста. Учора писля передрягы не змигъ питы до васъ подякуваты за усе ваше старання, що зарани звистку дали и тамъ обь мени старалысь, а що пуше, Семена Ивановыча поклыкалы: зовсимъ булы у турму сказалы; такъ винъ вже выпросывъ и поручывся. (За кулысы). А ке, доню, намъ чого, любезного гостя попоштуваты!

Твердохлибь. Не турбуйтеся ни въ чимъ уже рады мене. Не вамъ кажучы, лыхоманка трясла мене зъ самой осени; такъ обещався цилый годъ по п'ятныцяхъ не розрипашать. Покорно спасыби за усердіє. Радъ же, истыно радъ, що не дали ворогу посміятысь. Буде жъ и винъ знаты!

Таранець. А по ёму? Ничогисенько. Лыстокъ паперу на доносъ пропавъ, та й годи. Якъ показавъ Мыкола усе про ёго и протывъ чого яки слова говорывъ, такъ судящи заеміялысь и похвалылы Мыколу, а обь П'ятаковскому сказалы, що зъ-пьяну такъ зробывъ. Що жъ ёму се? винъ завтра на другого нападетця.

Твердохлибь. Э, ни, такъ, стало бытъ, вы, прыятелю, и не знаете, що зъ нымъ послидовало?

Таранець. Ни, не знаю ничего. Хиба що?

Твердохлибь. Виддалы П'ятаковського пидъ судъ и велѣно дило скорипе кинчаты; такъ оце сегодни озьмутъ обь васъ повальный обыскъ, та и рипеные послидує.

Таранець (скочывшы изъ ослинця). Якъ, обь мени повальный обыскъ? За що така напасть?..

Твердохлибь. Тверже дило буде, прыятелю любезный! Та вы не смущайтесь: обь васъ покажутъ усе добре, якъ и знаютъ.

Таранець (ходе сюды и туды, стрывожывшысь). Боже мій, Боже мій!.. Чи ждавъ я сѣго надъ собою!.. Усе добре покажутъ; спасыби за сю писню!.. Яково зъ такою душею, якъ моя, що и помыслыты боявся обь якій неправди, яково мени йты на людскій судъ? Чы бездылнычавъ я, чы ни?.. А чымъ за се удоволныты мене П'ятаковскый?.. А скільки годивъ за се потрачено за сей одынъ часъ, покы я почую, що про мене зпидъ присягы скажутъ?.. Винъ зпидъ суда вывернетця, а я вже бувъ пидъ розборомъ, пидъ следствиемъ! Охъ, Боже мій!..

Твердохлибъ. Не тужить такъ позанапрасно; такъ порядокъ велеть судящимъ. Отъ и се ще треба зробыты: даты показаніе, хто вы, де родылысь и колы стали жыты...

Таранецъ. Якъ и объ душогубци пытають!

Твердохлибъ. Та ни, Богъ изъ вамы, зовсимъ друге. Я оце зайшсвѣ за вамы; панъ комысаръ жде васъ. Идить, и проходытеса, и близче буде къ кинцю дило.

Таранецъ (*подумавшы и зъ прискорбіемъ*). Не смію ослушаться начальства, иду зъ вамы... а вже, яково мени на души, такъ одынь Богъ бачыть!.. (*Бере шапку и пальцу*). Э, трывайте-лышень; сказаты треба Галочци, що иду на часынку, ато якъ-разъ побижыть куды-очи бачать визволяты мене. Галочко, душко, а выйды сюды на часынку... Тутъ нема чужого.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЕ.

Ти жъ и ГАЛОЧКА зъ роботою въ рукахъ. Ввійшовшы, кланяетця Твердохлибу.

Таранецъ. Посыдь, Галю, сама у хати, помы я звернусь...

Галочка. Охъ, таточку, я вже и боюсь, що куды вы оце идете!

Таранецъ. Та не бійсь, божевильна. Адже бачышь, я не зъ салдатамы иду! Е дило до чоловика тутъ недалечко, такъ я, ты ше и рубця не дорубышь, а вже и звернусь.

Твердохлибъ. Не смущайтеса, Олексіевна! Робить соби та писенѣкъ спывайте; то и не счуетеса, якъ мы прыйдемо.

Таранецъ. Богъ зъ тобою, доню!—Ходимъ, прыятелю!—Иды, Таранецъ, оправдуйся... отъ до чого прывивъ бездилныкъ!.. (*Выходятъ обидва*).

Галочка (*одна, сидае до столыка и шые*). Отъ же троха чы нема у батенька якихъ глосить усе зъ тымъ навиженымъ Пьятаковскымъ? Щось винъ смутненькый пишовъ. Та и досадно жъ!.. А мени такъ весело? Прокынулася ще на зори: гарно такъ у Божому свити!.. Сонечко засіяло... На души мени такъ весело... бо и мы соби любымось!.. Колыбъ Олена

прыбигла до мене, усе бѣ иі розказала... та що-то. на вулицю выбигла бѣ, усѣму свиту розказала бѣ, яка-то я щаслыва, що мене любыть Семень Ивановичъ!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТЕ.

ГАЛОЧКА и ЗОРИНЪ.

Зоринъ (*входя при послѣднихъ словахъ*). Любить же, любить, и крѣпко любить!..

Галочка (*скочывши и оставышы роботу*). Охъ! се и вы прыйшы?.. Бачыте, и безъ васъ думаю объ своему щастіи.

Зоринъ (*взявъ ее за руку*). И я же Галочка, все объ одномъ думаю! поспѣшилъ къ тебѣ; о чемъ, ты говорила, нужно посовѣтоваться? Теперъ же Алексія нѣтъ...

Галочка. Воны пишлы за якимсь-то диломъ и скоро вернутця...

Зоринъ. Знаю, все знаю: куда онъ пошелъ и что скоро будетъ назадъ. Тутъ-то мнѣ и нужно съ тобою переговорить.

Галочка (*весело*). Чы сядете жъ, Семень Ивановичъ, чы ходючы будемо розговорюваты? Якъ хочете, вже вы не въ гостяхъ у насъ. Чы правда.

Зоринъ. Правда, милая моя Галочка, правда, я вашъ семьянинъ, вашъ на вѣкъ. (*Садится на скамейкѣ и Галочка подлѣ него. Онъ держитъ ее за руку*). Не стану я тебѣ, моя Галочка, рассказывать, какъ ты осчастливила меня своею любовью!.. Когда меня искренно любишь, такъ душа твоя знаетъ это счастье.

Галочка. Знае, мій соколыку! та нема такихъ ричей, щобъ его выказаты. (*Схыляе голову ему на плече*).

Зоринъ (*лаская ее*). Такъ, моя зоричка! И я не умѣю его изъяснить. Какъ знаю свое сердце, такъ понимаю и твое; какъ я буду любить тебя по весь мой вѣкъ,—и ты не оставишь и не забудешь меня никогда!..

Галочка. Хйба жъ я захочу своей смерти? знаю, що якбы я подумала тилкы менше васъ любыты, то тутъ бы зъ

нудьги и пропала. Черезъ те и жыву на свити, ще люблю вась!.. Чы прожыве рыбонька безъ водыцы, чы процвите якый цвиточокъ безъ рисонокы небесной?.. такъ и я не прожыву безъ вашой любви. Колы жъ вы перестанете мене любыты, то я тутъ и вмру, а и вмираючы также буду любыты, якъ и у сей чась.

Зоринъ. Когда меня такъ любишь... Галочка! сдѣлаеш ли все для моего счастья?

Галочка. Що хочете звелыть, на край свита пошлить, та нема на свити такой сылы, щобъ мене вдержала видъ любви до вась, а черезъ те, нема того на свити, чого бъ я не зробила для вась...

Зоринъ (*цѣлуетъ ее*). Какое блаженство—въ чистомъ, невинномъ сердцѣ, и найти такое чувство!.. Галочка!.. я не могу жить безъ тебя!.. выйдеш ли за меня? Я женюсь на тебѣ!..

Галочка (*тидняла зъ его плеча голову, одняла усильно свою руку, видѣла видъ его, руку прыжала до грудей, дрыжыть, важно дыше, блідна*).

Зоринъ. Куда же ты встала? скажи мнѣ, надѣяться ли на такое счастье? скажи! (*Хочетъ взять ее за руку*).

Галочка (*однимаючи руку, одступыла ище дальше и ледви може говорить*). Що се... вы, ваше благородіе?.. (*Пошатнулася, поспышыла до столу, и облокотывилысь на него, ледве удержалася, щобъ не упасть на сторону, зъ великою горестью*). Тяжкая година наступыла!.. сѣго я боялась!..

Зоринъ (*вскрикиваетъ внѣ себя*). Галочка, или мнѣ такъ услышалось... Кому ты это говоришь! Кого величаешь?

Галочка (*стараючысь укриньтыся*). Вась.

Зоринъ (*съ упрекомъ*). И ты мнѣ это говоришь!

Галочка (*съ бильшею твердостью и важно*). Я, Галочка, дочка простого обывателя Таранця, нагадю Семену Ивановычу, що винъ е панъ, благородного роду, поруччикъ... ёму и подуматы того не можна, що винъ сказавъ.

Зоринъ. Такъ ли ты меня любишь?.. Такъ ли теперь увѣряла!..

Галочка. И вмираючы буду те жъ казаты... охъ, бачыть Богъ, якъ крпико люблю вась, и такъ любытому по вѣкъ!..

Зоринъ. Когда же такъ любишь, почему не хочеш итти за меня?

Галочка. Затымъ, що люблю вась крпико, миры нема, якъ щыро люблю!..

Зоринъ. Почему же не хочеш своего и моего счастья?

Галочка. Мое щастя у моему серденьку: ниhto ёго не виднине. Якъ же я хочу, щобъ вы были щасливы, такъ тымъ не хочу слухаты ричей вашихъ.

Зоринъ. Когда желаеш мого счастья, то почему не идеш за меня?

Галочка. Щобъ не згубыты вась на вѣкъ, не завѣязаты вамъ свиту... Семень Ивановычъ! я вамъ не ривня!..

Зоринъ. Не говори мнѣ того. Любовь равняетъ всѣхъ.

Галочка. Може и такъ, покы жытимемо одынь для одного; такъ бо не можна сѣго зробыты!.. Объ мой доли, объ моимъ счастье вы не спомыняйте: я ихъ поховала; будемо говорыты про вась. Я не знаю, якъ у свити, мижъ панамы, водытця, а те знаю, що усюды будуць пытатыся про вашу жинку, видкыля вона и хто така е?—Нехай вы, люблячы мене, и не засоромытеса сказаты прямо: вона мужычка; та яково буде вамъ тоди? уси будуць зъ вась сміятыся, уси осуждаты, уси цуратымутця вась черезъ жинку, що у вась уся ридня мужыкы...

Зоринъ. Что мнѣ за дѣло? я не посмотрю ни на кого!

Галочка. Такъ вони подывлютця на вась. Попрѣкамъ та смиху зъ вась кинця не буде!.. Не стерпыте, схаменетеса... и ради бъ вже вернутыся, та вже не можна; отъ и возненавидыте мене!..

Зоринъ. Галочка! этого никогда не можетъ быть! Пускай меня засмѣютъ, растерзаютъ, я никогда не перестану любить тебя!..

Галочка. Такъ я жъ не камъяна! Хиоа мени легко буде дывытыся, що вы черезъ мене и за мене страждатымете? и я, усе тее бачышы, хиба зможу жыты? Однаковисынько вмру, якъ и тоди, якъ вы перестанете мене любыты. Та я объ собі и не вбываюся. Хочъ якъ хочете мене переряжуйте, навчыте, якъ буты панею, та вже натуры не перерооыте; усе выдво буде, що я коренна мужычка. Куды вы зо мною явытеса?

Зоринъ. Я всѣхъ брону, отстаю отъ людей; ты мнѣ только...

Галочка. Не такъ об, Семень Ивановычъ! Вы у сто разъ розумнаши одъ мене и вы знаете, що сѣго не можна и

не треба робыты. Вы соби богобоязлыви; вы знаете, що грихъ на свити даромъ жыты. Усякому треба жыты для дила, а не маятыся безъ дила. Вамъ и скучно буде, и вы появились бы межъ люды, такъ у васъ каминь на шыи, я!

Зоринъ (въ размышленіи смотря на нее). Такъ такъ-то, Галочка, ты любишь меня?..

Галочка. Боже праведный! Чымъ мени ще билшъ завирыты, якъ я васъ люблю? Чы й се вамъ ничего, що я для вашего щастя на выдыму смерть иду? Бо разлучытыся зъ вами—се смерть мени!.. (Зъ упрекомъ и утираючи слезы). Охъ, Семень Ивановычъ! хиба и се вамъ ничего?..

Зоринъ. Такъ зачѣмъ же намъ разлучаться?..

Галочка. Якбы я васъ любила такъ, легенько, а себе билше, чымъ васъ, такъ и часу не думала бѣ. Чого мени хотиты? Зъ мужычкы стала панею; мужъ въ мене молодой, хороший, якъ намалѣванный; хочъ на мисяць, а попанувала бѣ; а описля, щобъ зъ нымъ не зробылося, хочбы винъ и страждавъ черезъ мене, та хочбы и покынувъ мене, я соби байду же! Вишь видъ мене, а я видъ нѣго, и не кажи мени ништо ничего: я благородна!—Такъ я бо васъ не такъ люблю! Волосынка зъ васъ спаде, а въ мене серця шматокъ видирветця; вамъ ще находыть беда, а я вже страждаю! И тымъ то, лучше хочу цылый викъ мучытыся, горе терпыты, усякы муки сама прыняты, абы бѣ видъ васъ и маненьку биду видвесты...

Зоринъ. Ты сама наибольшую бѣду мнѣ дѣлаешь, ты губишь меня!.. ты ножъ въ сердце вонзаешь...

Галочка. А мени хиба легче?.. Нещасна моя доленька, що я родылась у мужыцтви!.. пожалуй, якбы я была панянка, тоди, любывшы васъ такъ...

Зоринъ. Все равно. Я говорю тебѣ: все равно, всѣ мы—Божія созданія!

Галочка. Такъ, Боже созданіе, та щось мени здаеця, що не такъ вы кажете, якъ воно есть. Не однакови зирочки на небесахъ, не однакови и деревья по садкахъ. Не буде вышенька пвисты яблуннымъ цвитомъ; е у ней свій цвѣтъ. Не прыньме березонька лыпового лыстячка. Не позбере соловейко другой пташечкы, якъ тилкы зъ своего роду. Усѣму свій законъ, чоловікови ще й найбилшъ того.

Зоринъ. Для чего же ты прежде о томъ не подумала? Зачѣмъ меня полюбила?..

Галочка. И не жалкую, що полюбила васъ, такого красивого, розумного и зъ доброю душею чоловіка. Щастячко мое, що я не кого другого, а васъ стала знаты... та ни; я другого и не полюбила бѣ. Вельике и въ тимъ мое щастя, що вы полюбили мене. Вы неначе мене знову на свитѣ народылы. Безъ вашей любви я не жыла бѣ, а маялась. Хиба жъ не можна намъ такъ шыро любытыся и не вводиыты одынь одного у биду?—Колы жъ намъ не можна побратыся черезъ те, що я казала, то (зъ жаромъ) будемо соби любытыся, якъ братъ зъ сестрою. Завсигда будемо у купи, и черезъ те будемо щаслыви. Треба вамъ буде куды видлучытыся, я знатыму, що и за моремъ вы скучатымете за мною, якъ и я за вами. Звернетесь,—якъ тилкы мы тоди зрадуемось!.. О Семень Ивановычъ! що-то за жыття наше буде!.. Бидности не знатымемо, панъ-отця мого шануватымемо: люды будутъ васъ почытаты, якъ и теперь; ништо васъ ни въ чимъ не осудыть, ничымъ не укоруыть. Колы вы будете сымъ щаслыви, то я души въ соби не чутыму зъ радосты, що такыи чоловікъ такъ крипко любыть мене, давку просту, нерозумну, тилкы тымъ того и достойну трохы, що любыть ёго—миры нема!.. Семень Ивановычъ! нашому щастю люды позавыдують, янголы порадуюця; бо наша любовь буде свята, чыста, безъ усякой дурной думкы... (Кынувшыся до него на шыю). Любиыть мене такъ, то и вы, и я будемо по викъ щаслыви!..»¹⁾

Зоринъ (ласкаючи еи). Вотъ же кстати панъ-отець пришесть, буду его просить. Онъ меня послушаетъ. Тогда что, Галочка?

Галочка. И я свое скажу ёму. Нехай розсудыть! (Утира слезы и одиходитъ одъ его).

¹⁾ Разговоръ, отмѣченный знакомъ „—“ на страницѣ 221—223, иногда на сценѣ выпускается.

ЯВЛЕНІЕ П'ЯТЕ.

Ти жъ и ТАРАНЕЦЬ, ГАЛОЧКА *стоитъ у стола, зложивши руки и схлынувши голову*, ЗОРИНЬ *дывытця въ окно*. ТАРАНЕЦЬ, *увійшовши, скинувъ верхню свиту, ставъ и мовчки дывытця на нихъ, дывуючысь*.

Галочка (*помовчавши, на сторону*). Таточко сердешный проходывся, обидаты хоче, та боюсь видселя выйты; стане просыты, а пань-отець и послуха его.

Таранець (*довго на нихъ дывывшись*). Що се вы таки чудни обоє? Неначе чого плакалы. Одынъ переличує шыбыкы у викни, а друга лычыгъ писчынкы на доливци. Га? (*Помовчавши, зъ огорченіємъ сидає*). А я, якъ батько, щобъ вамъ у чимъ не помишавъ, такъ мени не треба ничего и казаты. Га? може и такъ! Та глядять, щобъ описля на себе не жалкувалы.

Зоринь (*подойдя къ нему*). Не досадуй на насъ, добрый Алексій. Теперь только пришло время сказать тебѣ со всею чистотою сердца, что я полюбилъ твою Галочку безмѣрно. Узнавши ее, каждый день узнавалъ въ ней новыя добродѣтели, и, наконецъ, рѣшительно тебѣ скажу, что не могу жить безъ нея. Согласись на нашъ бракъ. Я имѣю состояніе: у меня душъ полтораста крестьянъ; ни отъ кого не завишу. Кромѣ одного дяди, который любить меня и уже согласился на мое желаніе, никто не можетъ мнѣ въ этомъ препятствовать. Люблю твою Галочку страстно, выше всего на свѣтѣ; такъ и по вѣкъ буду любить ее!.. Отдай мнѣ ее на мою радость, утѣху, для вѣчнаго счастья моего! Хочешь, выйду въ отставку, у тебя жить останусь; хочешь ко мнѣ переѣдемъ, будемъ также жить; буду тебя уважать, покоить!.. Ты видѣлъ уже мое почтеніе и любовь къ тебѣ: я не перемѣнюсь; а для счастья Галочки отдамъ послѣднюю каплю крови!

Галочка (*слухавши, плакала, и говоритъ на сторону*). Що-то почую?.. Чы не погыбель свою?..

Таранець (*схлынувши голову и помовчавши*). Знаю, що вы е чесна душа, и що ни розказуете, усѣму воно правда. Вы не такой, щобъ погыбылы дивку, котра любить васъ. Ви-

рю, що вы такъ полюбылы мою дочку; вирю, якъ отець, которому нема и на свити никого милишого, якъ его дочка. Якбы я бувъ другой батько, то може бъ зрадувався, що моя дытына, мое рожденые, буде благородна и ридъ мій буде пануваты. Я жъ положывся такъ: кого Галочка сама возбере, за кого похоче, то мій и зять. И теперь протывъ ей воли не пиду. Далєби, Семень Ивановычъ, що вона мыни про васъ ще ничего и не говорила. Я самъ тилкы учора и запримитывъ за вами обома щось; та и ей не пытавъ и видъ ей не чувъ. А бачу, що вже вы соби поговорылы объ усимъ. (*Усмивнувшись*). Такъ нехай такъ буде, якъ сказала Галочка.

Зорикъ (*ударивъ себя рукою по лбу*). Бѣда же моя, когда ты сдаєшься на Галочку!..

Таранець (*сміючысь*). А що, хiba по своему розсудыла? **Зоринь**. Она мнѣ многога наговорыла, но все нерезонно. Чего челоувѣкъ не хочеть, такъ найдетъ чѣмъ отклонить отъ себя...

Галочка (*плачучы*). Э, ни бо, Семень Ивановычъ, не гнивить Бога! Отгуть мій таточко риднесеный, такъ передъ нымъ и у такой часъ, збрехаты не зможу. Пань-отець мій зна, що я никого не любыла; нехай же и те зна, що васъ першого полюбыла и люблю, точнисинько якъ и вы мене. И колыбъ я була вамъ равня, я бъ сразу, не думавшы, кинулась бы до своего счастья, а то...

Таранець (*цилуєчы її въ голову*). Доню, мыла моя дытыно! Я ще учора знавъ, що ты ему скажешъ, и знаю, що ты ему усе и сказала, та тилкы свое.

Галочка (*на сторону*). Теперь мени polegшало на души! (*Выходять*).

Таранець (*помовчавши трохи*). Семень Ивановычъ! Бачыть Богъ, якъ крипко васъ люблю. Чы любывъ такъ сына, не знаю. Не то, що вы пань, богаты; не кажу и того, що вы для мене зробылы у моему дили: вырвалы мене зъ пекельной муки, зпидъ арешту; сидывъ бы я у тюрьми и доси, колыбъ не вы мене собою выратувалы; про се я мовчу. Чого бъ я для васъ пожалувавъ? ни; колыбъ вы—не положить гниву за мое просте слово,—колыбъ вы булы простымъ мужыкомъ, у бедности, то я, знаючы таку душу, якъ вы маєте, я бъ прійшовъ до васъ, поклонывся бъ вамъ и сказавъ: утиште отца; вы зробыте мою дочку щасливою, **оземить її!**

Зоринь. Я прошу тебя о томъ. Если такъ любишь, если такъ знаешь меня, устрой мое счастье на вѣки! Отдай за меня Галочку! она находитъ препятствіе, но это все пустое!

Таранецъ. Якъ! Галочка, любячы васъ, души одъ васъ не чуетъ; такъ вона тилкы обь васъ и вбываетця, а обь соби и не дума! Такъ я, якъ и отецъ, довжонъ обь ній и обь соби подуматы. Выйде вона за васъ, то черезъ мисяць, черезъ другый, мы и побачымо на столи!..

Зоринь. Отъ чего же такъ? Я буду оберегать ее, пылинкѣ не дамъ пасть на нее; отъ всего защищу!..

Таранецъ. Вы?—такъ. Вы будете и и любви, и шануваты. Такъ людэ зыдятъ ии своими языками! Вона въ нихъ зъ мужычокъ не выйде. «Черезъ те и черезъ те винъ ии узявъ; покрылы грихъ.» А вы, Семень Ивановичъ, грамотни; вы знаете, яково важко чоловикови переносыты худу славу безъ причины! Знаете и те, що и крапенька худой славы не сходьты зъ чоловика по вѣкы! А у женському полу ще и гиришь!.. Яково же буде ии, моему дятяти, що чыста и непорочна у симъ дили якъ голубыця, а ии ножемъ у сердце сегодни, та завтра у ту жъ яззу!.. Надовго ей стане?.. тоди... (Плаче).

Зоринь. Мы сами отречемся отъ людей, будемъ жить одинъ для другого, не будемъ знать никого! такая жизнь самая благочестивая, святая, счастливая!..

Таранецъ. Правда ваша: жытимете у любви, у щасті. Богъ благословитъ васъ диточками такымы, якъ и мене наградывъ дочечкою; отъ вамъ нова радистъ и утиха!.. Эге! та тугъ, замисць того, щобъ матери,—я ничего не кажу про васъ, а тилкы, про мое рожденіе,—матери веселытыся диточками, а имъ видъ людськыхъ языкивъ просвитку не буде. Уси на нихъ пальцями показуватымуть, уси запышлять: «маты ихъ зъ мужычого роду, ныща, и уся ридня сяка-така и диты таки будутъ!..» Уси стануть ихъ жыхатыся, цурапыця, поприкаты тымъ, у чымъ вони овси и невыновни!.. А яково се матери? черезъ нихъ, черезъ ихъ славу, вона держытця на свити, для ихъ щастя вона готова на усяку муку, усе перетерпыть; душу свою видастъ!.. О Семень Ивановичъ! Вы не знаете, що е диты для родителей!..

Зоринь (*ходившій въ размысленнѣ*). Хорошо!.. Сдѣлаю такъ. Увижу, чѣмъ тогда будутъ отговариваться! (*Зоветь*). Галочка, другъ мой! выйди къ намъ!..

ЯВЛЕНІЕ ШОСТЕ.

Ти жъ и ГАЛОЧКА.

Зоринь. Галочка! Я разстанусь съ тобою, не на толго. Долженъ завтра вхатъ къ себѣ.

Галочка (*встревожившись*). А якъ то не надовго?

Зоринь. Такъ, что недѣли двѣ-три проѣзжу. Не близко отсюда.

Галочка. Зачымъ же вы поидете?

Зоринь. Дѣло есть; поѣду домой, возьму отъ дяди такую бумагу, что онъ не только позволяетъ, но проситъ, чтобъ я женился на... на... обывательской дочери!..

Галочка (*гирько усмихнувшись*). Кажить бо, Семень Ивановичъ, просто—на мужички!.. Эге! вже вы заранни соромытесъ казаты, що на кому оженытеся!..

Таранецъ. Такъ, Галочко, правда, правда твоя. (*Цилуетъ въ голову*). Спасыби тоби; шймала у слови. Такъ, Семень Ивановичъ, такъ воно е.

Зоринь (*стараясь оправиться*). Нѣтъ!.. это не то!.. Взявши такую бумагу, возьму листъ и отъ духовныхъ, что нѣтъ грѣха жениться на неравной, какъ ты, Алексѣй, называешь. Возвратясь, буду просить своихъ начальниковъ, чтобъ уговорили тебя.

Галочка (*здыхнувши и утыраючи слезы*). Вы такы усе свое?

Зоринь. Не умру, пока не доведу до своего желанія и не уговорю тебя!..

Таранецъ (*размысляючи*). Побачу, що вамъ дядушка скаже; тоди скажу свое послідне слово, та и робить, якъ знаете!..

Зоринь. И такъ, прощайте, мои любезные!..

Галочка (*въ великомъ безпокойствѣ*). Охъ лыхо!.. хйба жъ вы заразъ и идете?..

Зоринь. Теперь же и выѣду. Мнѣ часъ дорогъ. (*Обнимаетъ Таранца*). Прощай, мой любезный Алексѣй Омеляновичъ. Дай Богъ найти тебя здороваго! Съ Галочкою позволъ проститься, какъ уже съ невѣстою!..

Таранецъ. Прощайте!.. а колы побачытеся?

Зоринъ (обнима Галочку, цѣлуется съ нею; она стоитъ безъ всякаго участія; блѣдная, трепещущая). Прощай, моя милая... моя ненаглядная Галочка! Не тужи.. не скучай... я скоро ворочусь... поспѣшу къ моему счастью... (Выходитъ).

Таранецъ (проводяючы его). Вертайтесь здоровы; нехай вамъ буде у дорози усе гараздъ... (Иде за нымъ).

Галочка (одна, зложившы руки и схылывшы голову, въ розмышленни, потимъ зразу скрыкуе). Такъ... Такъ зроблю!.. така смерть важча усихъ Семень Ивановычъ! Ище вернытеса. (Таранецъ и Зоринъ вертаютця; вона протягуе до его руки). У остане... (Рыдае. Зоринъ кыдаецця до нею въ объятя. Вона за слизамаы не може говорить; схылыва голову на плече ему). У остане... цилую васъ!.. У остане... прощаюсь зъ своимъ щастямъ... не можна мени буде такого слова сказаты.. не забувайте мене!.. Ни забудте... тилкы не забувайте, якъ щиро васъ любила... и що для вашего щастя зробила... Спасыби вамъ що вы мене любылы... дали мени знаты щастя на симъ свити... Прощайте на вий!.. (Оставля его и одвертаецця, рыдаючы).

Зоринъ. Богъ съ тобою, Галочка! не тревожься такъ... я скорѣе возвращуся, нежели ты думаешь.

Таранецъ (одводячы его). Годи жъ, годи!.. И самы не тревожьтеса и ей не вбывайте... Коны ихаты, то поспыпайте... (Выходитъ изъ нымъ).

Галочка (одна горесно). Всѣму кинецъ!.. (Зразу). Господы, дай мыни сылу докинчаты, що я думаю!.. Нехай побачыть, якъ крпико его любила.

Дѣйствіе четверте.

ВЕСИЛЛЯ.

На другой день. Та жъ декорация.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВЕ.

Таранецъ (одынъ входыть). Господы!.. Такъ тяжко на души, мисця нигде не знайду... выходывъ до робитныкывъ, ничего и не тямлю!.. Не спавъ усею ничъ, плакавъ объ своёму дытяти... Бачучы, якъ вона ёго крикко любыть и якъ жыва у домовыну йде, самъ на свою душу усякый грихъ озьму, а одружу ихъ... Коны бъ тилкы вертався!.. одна була мени порада—кныжка, теперь и дывлюся, и словъ не бачу... (Сидаетъ и задумаетця, здыхаючы инколы).

ЯВЛЕНІЕ ДРУГЕ.

ТАРАНЕЦЪ и ГАЛОЧКА.

Галочка (выходыть блідная; отчаяные и ризыимистъ на лыци; ледве може йты, падае батькови у ноги и залываючысь слезамаы). Поратуй мене, таточку, голубчыку!.. Не дай мени зовсимъ пропасть!..

Таранецъ (стараючысь пидняты и). Що таке? що, моя доненько? Устань, моя крышечко!.. моя лебедочко!..

Галочка (на колінахъ). Не встану, панъ-отченьку, помы мене не звеселышъ, помы не втипышъ, що обіцаешъ зробыты, объ чымъ у остане тебе попрошу...

Таранецъ. Усе зробию, моя зирочко! Хиба ты не знаешъ, що я душу свою радъ за тебе положиыты!..

Галочка. Спасыби тобі, мій таточку риднесенький! Не видкажи и теперечкы! (Цилуе руки его). Панъ-отченьку, голубчыку!.. Виддай мене замижъ!..

Таранецъ (обрадовавшысь). Добре жъ, моя доненько! Насылу жъ ты надумалася. Винъ не забаромъ буде... Або наймимъ кого та пошлимъ, щобъ швидче ихавъ...

Галочка (швидко). Ни, панъ-отченьку! сховай мене видъ сїя биды!.. Виддай... тилкы не за нѣго...

Таранецъ. За кого жъ тебе, доню, виддаты?

Галочка. За кого хочешъ, за кого здумаешъ, таточку! Поспишай, панъ-отченьку, помы винъ не вернетця...

Таранецъ. Що се ты, Галочко, надумала? Устанъ бо та иды до мене, прыгорнысь до мого серденька и роскрый мени свою душу: що се въ тебе за думка така?

Галочка. А отъ, таточку, яка въ мене думка. Винъ не забарытця вернутыся; прыстане до васъ зъ людьмы письменнымы, а ти,—що имъ за дило до нашого шастя?—стануть васъ уговорюваты, прохаты, зибьютъ васъ зъ думкы объ моему шастю, вы звелыте мени йты; а тутъ и мое серденько змовытця зъ вами. Я пиду, усе одно, що на выдыму смерть!.. Описля винъ буде вбыватця; яково мени буде глядиты на нѣго!.. Пишла бъ я у черныци,—скоро не пострыжуть, а винъ скоро буде. Такъ щобъ положиыты одынъ кинецъ, виддайте мене замижъ. Винъ, побачышы, що ничого робыты, самъ покыне свою думку, знайде де инде свое шастя.

Таранецъ. Чы будешъ же ты шаслива, доню моя, съ кымъ другимъ? чы не погубышъ же ты себе, виддашыся нелюбу на цилый викъ?.. Ты зажурыся. Мени важке твое шастя.

Галочка. И вже, мое шастя!.. Опе мыни теперъ тяжче уремья, помы усе сповнытця, а тамъ... переможу себе; я ще втишу тебе пры твой старости.

Таранецъ. О, що жалко мыни ёго!.. кришко хорошый чоловікъ!..

Галочка. То-то мое и горечко, що и вы зъ моимъ серденькомъ нападаете на мене! Треба, охъ треба поспишаты...

Таранецъ. За кого жъ тебе виддаты? Хочъ та тобі порадонька буде, що сама выбрала...

Галочка (зъ усилляемъ). Колы такъ, то виддайте мене... за Пятаковського...

Таранецъ (зразу). О, нехай Богъ бороныты! Лучче мени тебе на столи побачыты!.. Винъ мій врагъ, мучытель!

Галочка. Стане добрымъ, якъ буде... (Одвертаетця на сторону). О Боже мій!

Таранецъ. Винъ не тебе хоче—худобы моеи бажа; винъ тобі цины не знатыме, зайсть тебе швидче...

Галочка. Мени усякъ однаковисинький, усякъ свить мени завьяже... Моя доля терпты!

Таранецъ. Такъ мени не прыходытця такъ тобою орудуваты... Уже лучче иды за кого зъ тыхъ женыхивъ, що ще й недавно засылалы людей; скажи за кого?—заразь пошлю, и таке весилля справлю, що ну!

Галочка. Не хочу я, панъ-отченьку, ни за кого зъ нихъ. Вони пышни, богаты, будутъ вередуваты. Тяжко буде моему сердю у перши годы, а вони не дадутъ мени воленькы гарды и поплакаты объ мой доли!.. Чы не знаешъ, таточку, якого сыроты у бидности: озьмы ёго у прыймы, виддай ёму и худобу нашу, и мене нешасну!.. За добро, що ёму зробылы, винъ буде насъ повожаты и мною не съ-такъ орудуваты. Знайды такого, прыведы и скажи мени: се твій мужыкъ. Я у ноги поклонюся!..

Таранецъ (розмышляючы). Колы такъ... доню, Галочко! Иды за Мыколу!

Галочка (швидко). Добре, панъ-отченьку, пиду... (Зразу здрыгнула, пошатнулася на сторону). Кинецъ усѣму... (Зибравшыся съ сыламы, до батька). А хто жъ то... такой... Мыкола?

Таранецъ. Круглый сырота, чесного, хорошего роду. По бидности его узавъ я и прывчывъ до усего, на ему усе мое хозяйство лежить. Може ты колы и запримытцла: винъ соби чепурный, моторный и красывенький такы...

Галочка (горесно). И вже, таточку! мени сѣго хочъ и не кажы!..

Таранець. Такъ колы такъ, дою, то и такъ. Колы птты за кого-небудь, то лучче за Мыколу.

Галочка (*ломаючи руки*). Пиду, таточку, зъ великою радисто. Здилай же мылость, пань отченьку, поспитай швидче. Колы бь можна... щобь сёгодня насъ и звинчаль?..

Таранець. Якъ се можна? Колы хочь, у неделю...

Галочка (*швидко*). Приде, таточку, приде!.. тоди усе наше пропало!..

Таранець. Що жь робить? Для такого случаю треба прыбратись...

Галочка. Який тутъ случай?.. Яке прыбырання? Мое сыритське дило. Поклыкаты кого изъ старшихъ родычивъ, поблагословытыся, та и звинчайте... Се висилля—тижь похороны...

Таранець. Чы думавъ же я такъ свою Галочку, одну втиху, такъ видаваты? Поклыкаты ще жениха.

Галочка. Поклычте, таточку! колы почалы, треба и кинчаты. (*Таранець выходить*).

Галочка (*одна, плаче*). Що подума про мене Семень Ивановычъ? Чы оцинить, якъ щыро ёго любила, що видрилася видь нёго, топлю свои молодии лита, дивованничко, иду на вични слёзы, на тугу, на усяке мученые души, абыбь видь нёго видвесты усяке лыхо!.. прощай теперь на вични вики!.. Не скажу тоби: любви мене... не можна, се протывъ закону; а згадуй мене тымъ, що я зробыла... и якъ знаешь, такъ дякуй!.. Прощай! настае годына, що здуматы про тебе грихъ буде... Прощай, мій мыленький!.. (*Гирько рыдае и утирае слезы, чуючы що идуць. Стоить на сторони печальна, и не дывытця на Мыколу*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЕ.

ГАЛОЧКА, ТАРАНЕЦЬ и МЫКОЛА.

Таранець. Отже и Мыкола иде. (*Сидает*). Мыколо! ще малымъ тебе узавъ я на свои руки, выгодувавъ, навчывъ и обещаваъ, колы будешъ вирно и чесно служыты, наградыты тебе. Ты служывъ мени такъ, що, дай Боже, щобь и товаришъ такъ прыглядавъ добро, якъ ты вбывався за хазяйс-

кымъ. Спасыби тоби! (*Мыкола низко кланяется*). Прийшла моя черга слово здержаты и тебе наградыты... Мыколо! Отъ, одна моя радисть на свити, моя Галочка, однимъ одна дытына... Озымы и! Худоба моя—усе твое; озымы и мене у прышмы, не покынь. (*Гирько плаче*).

Мыкола (*дывуючысь, блиднѣ, дрижыть*). Щобь-то... якъ... дядушка?..

Таранець. Такъ, Мыколо!.. Будь мени зятемъ... кохай, шануй мою Галочку, що виддаю тоби у жону... Зробы и щаслывою,—и вична моя дяка тоби...

Мыкола (*такъ же*). Чы... бува... не сміетесь вы зъ мене?..

Таранець. У такой святой, важной часъ, який буде смихъ? Я, маючи однимъ одно дытятко, уручаю ёго тоби, надючысь, що не хто другой, якъ ты зробишь и щаслывою!..

Мыкола (*кыдаючысь въ ноги ему*). Чы я жь достоинъ такой чести? (*Таранець пиднима его*). Я круглый сырота!.. вы мене до розуму довели... я васъ знавъ, почитавъ, якъ отця ридного... Обь Олексіевни, ось обь Галочци, и подуматы не смивъ. Кто вона, и кто я мизерный? Якъ се можна?..

Таранець. Колы я тоби и уручаю... колы я прошу тебе. будь моимъ сыномъ, збережи мою Галочку!

Галочка (*тихо пидходыть до Мыколы*). Ни обь чимъ тебе не прошу, тилкы будь до мене добрый... не потурай, колы часомъ буду смутна; се мынетця. Я буду тоби покирна, поважатыму тебе, и доведу до того, що ты, бачучы мою добристь, полюбышь мене. Не поприкай мени, колы часомъ... я и сама не знаю, яка буду!.. Не вважай тымъ, а доведы мене до того, щобь я тебе... черезъ тебе мала хочъ маненьку втиху, не терпила бь ниякого горя. Поклонимось же нашому пань-отцеви; нехай поблагословыть и мольтця за насъ, за своихъ дитей!..

Мыкола (*удержуючы за руку*). Тривайте лышень, Омеляновичу, чы, якъ вы мени повеливаете, пань-отченьку и ты Олексіевна! Отъ я заприсягаюсь передъ вами любвиты васъ, шануваты, почитуваты не якъ е вы моя жона, а якъ протывъ мене господыня... Не тилкы якого слова,—думкы не буде въ мене ниякой протывъ васъ. Вы надъ собою волю маєте, вы розумниши, вы мене навчайте, Омеляновичу! Я батьба и матери не знаю: вы мени отецъ и благодитель!

Будте, ягъ и булы, мени хозяиномъ и повеливайте надо мною. Буду за вашымъ добромъ вбыватыся, однаковисинько якъ до сего часу Воно якъ було усе ваше, такъ и буде ваше; и я по увесь мій вискъ увесь вашъ. Теперь, на такую мою волю, благословите насъ, пань-отченьку! (*Кланяетця у ноги Таранцеви и Галочка зъ нымъ же*).

Таранецъ (*пиднявши, обнима ихъ*). Диты мои любезни! Нехай васъ Богъ благословить для вашого щастя и моеи радости! Теперь, треба бь васъ посадыты укупи, якъ звычайно посватаныхъ, та никола... ще насыдытесъ! Треба диломъ поспшаты. Галочка хоче, щобъ оце васъ и обвинчаты.

Мыкола. Щобъ сегодня?

Таранецъ. От-отъ заразы. Бижи, зяту, поклычъ, щобъ хутерько йшлы: мій братъ у первыхъ, зъ жинкою, нехай и дивча озмуть, свитылочка буде; та ще поклычъ свата Тараса тежъ изъ жинкою та зъ невесткою; та зовы племинныкивъ моихъ; та ще, кого хочъ, самъ видъ себе просы. Бижи жъ, сынку, не баргся.

Мыкола. Заразы, тату, усихъ оббигаю.

Галочка. Попередъ усего забижить до Олены моеи; нехай швыдче иде до мене.

Мыкола. Заразы, заразы и прышлю! (*На сторону*). Що се зо мною дїетця? Чы не сплю я?.. (*Выходитъ*).

Таранецъ. Лагодъ же, душко, колы такъ захотила, подарочки весилни, а я мотнуся, щобъ швыдче що зварылы попоштуваты весильныхъ гостей.

Галочка. Та яке, таточку, тамъ поштунанна! абы бь у законъ увесты.

Таранецъ (*выходячы*). Але! потурай. Ох-ох-охъ! Чы думавъ я такъ ии видаваты?..

Галочка (*одна*). Мои подарочки уси готови... Гарно дивчатъ ховають, обдарюють усихъ неначе на весилли. Такъ вона бо ничего не бачыты. Я щаслывиша усихъ: мои похороны я буду сама бачыты, сама я пообдарюю, сама и поховаю себе!.. (*Плаче*). Жаль батенька, кришко... жаль!.. Зостанетця одынъ на свити якъ былыночка... хто ёго доглядыты!.. (*Задумавшысь*). Ни, Галочко! не покыдай, що почала! лучше ёму разъ поховаты мене: чымъ по усякъ день бачыты мене, що вмираю... Швыдче, швыдче! помы ще е въ мене и сыла и памъять... От-отъ скоро стеряюсь зовсимъ!..

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТЕ.

ГАЛОЧКА и ОЛЕНА.

Галочка (*кыдаючысь до неи*). Швыдче иды, Олено. Лагодся мыни винця держаты... Посыды тутъ, я достану весильни подарочки... Вже скоро и поизжане прыйдутъ... (*Швыдко выходыты*).

Олена (*одна*). Що се вона каже? Каже винця ии держаты... що поизжане скоро прыйдутъ... побигла за подаркамы? Батракъ же ихъ ничего не казавъ, тилкы и сказавъ, щобъ якъ можна швыдче ишла до неи..

Галочка (*прыносыты рушныки и платкы*). Отъ, сестро и подарочки. А оце хустка молодому... (*Задумуетця*).

Олена. Та скажы мени, Галю, здилай милость, хто се у васъ иде замижъ?

Галочка (*дыко дывытця на сторону*). Та ни, не замижъ... Бачъ! яму копають... холодно буде. та нужды нема... Швыдче, Олено, швыдче..

Олена. Та ну бо не жартуй. Кажы, хто у васъ иде замижъ? Чы ты, чы хто?..

Галочка (*задумавшысь*). Не знаю, душко! щось и я чула... та не згадаю, хто.

Олена. Ты жъ мене зострила, кажешъ тоби винця держаты. Чы правда жъ?

Галочка. Э, э, э, э! теперь згадала. Я, душко иду замижъ. Подержъ мыни винця, якъ мы ще спершу змовылыся.

Олена. За кого же ты идешъ?

Галочка (*равнодушно*). Не знаю.

Олена. Якъ же се? Идешъ замижъ и сама не знаешъ за кого?

Галочка. Э, теперь усе згадала. Я, сестро, иду замижъ; не знаю, хто винъ такыи и е; чула, що винъ... чы Мыкола, чы хто; теперь впъять не тямлю... Олено, рыбочка моя! Меня за кого-небудъ, абы бь не за него!..

Олена. Та за кого, скажы? Я ничего не второпаю.

Галочка. Винъ мене, душко, любыты такъ кришко, якъ и я ёго... винъ хотивъ мене узаты... а я не хочу, щобъ не

погибъ черезъ мене... винъ побигъ за письмомъ, а я швидче выйду за кого-небудъ, щобъ ему руки разв'язаты.

Олена. Такъ се-то...

Галочка (*кыдаючысь до неї*). Цыть, душечко, цыть не згадуй ёго... вже не можна!—Винъ почуе, вернетця... озме мене... пропала я тоди!.. (*Плаче*). Не згадуй ёго!.. Тутъ и такъ мое бидне серденько тоскуе, бажа ёго.. Знаю, що кынуся прямо до ёго... не покыну ёго до вику!.. Ни, Оленочко! Не слухай мене! Звинчайте мене.. швидче звинчайте... чы не замовкне мое серденько!

Олена. Та тривай, сестро! Якъ тебе винчаты, колы ты не в своему уми?

Галочка. Тимъ-то и лыхо, що серденько мое орудие ше надо мною. Колыбъ воно замовкло, а я стала пры уми, якъ треба... не дайте воли серденьку, воно скоро мене посылуе!.. Здилай мылость, просы, щобъ швидче насъ звинчалы; боюсь, щобъ я зъ собою чого не зробыла! Де тато?

Олена. Онъ иде зъ людьмы. Иды жъ сюды, я тебе прыберу до винця, якъ звычайно...

Галочка. Не треба мени нїякихъ прыборивъ. Я такъ була учора, и не роздягалася; усю ничъ такъ просыдила... Винъ мене таку бачывъ, таку поццоловавъ в останне, нехай усє такъ и зостанетця.

ЯВЛЕНІЕ П'ЯТЕ.

Ти жъ ТАРАНЕЦЬ, МЫКОЛА приходитъ, ТВЕРДОХЛИБЪ, обыватели и обывателькы.

Твердохлибъ. дай Боже усимъ вамъ день добрый. Помогайби вамъ на усє добре!

Таранецъ, Галочка и Олена (*кланяючысь*). Спасыби.

Таранецъ. Просымо гости любезни, покы до дила, сидайте у насъ. (*Всї сидаютъ. Мыкола и Галочка зъ Оленою стоять въ разныхъ сторонахъ, на переди; Галочка задумавшысь, не дывлячысь ни на вицо*).

Твердохлибъ. Обычайно прыговорюють: сидайте, щобъ старасты сидалы. А у васъ, Омеляновичу, низа-для кого и садовытьця, одну дочку и ту видаете. Станный случай,

прыятелю любезный! Я йшовъ до васъ по другому дилу, та отъ на порози чую и бачу, що у васъ весилля. Доброе дило. За кого жъ вы видаете? Де вашъ зять?

Таранецъ. Онде жъ винъ, Мыкола мій. (*Мыкола кланяетця*).

Твердохлибъ. Благоразумне дило, Омеляновичу! Вы ёго зъ малу знаете: винъ узався за хазяйство и хазяйство ёго зна. Парень смырный, добрый. Галю, душко! (*Пидійшовишы до неї*). Полюбы ёго!..

Галочка (*выходячы изъ задумчивосты*). Кого, дядушка?

Твердохлибъ. Отъ, кого? Охъ вы, дивчата! Буцимъ и не знаешъ. Кого батенько дае тоби у мужа...

Галочка (*также*). Колы, дядушка?

Твердохлибъ. Оттакъ ище! отто не за того йде, за кого хоче, такъ ще и церемонитця! Потурай вамъ. Наши жинкы не хочы йшлы, и плакалы, и голосылы, а дали и не видибесся видъ ныхъ. (*Прыйшовишы усмихаютыся*). Ей такъ! А тутъ! чого? Парень важный и ставъ у великій прыгоди твоему отцю, защытивъ ёго передъ судомъ.—Ну теперь, помоему, Омеляновичу, зибралыся, такъ чого ждаты?

Таранецъ (*усє время печальный*). Можебъ попоштуваты чымъ.

Твердохлибъ. До винця не годытця; нехай якъ покинаемъ вашу радисть.

Таранецъ и Галочка (*обоє на старолу здыхнуваты*). Радисть!

Твердохлибъ. А теперь, колы ласка ваша, обдарить чымъ родычивъ. Галю душко! Се ваше дило, а ты, дружечко, поможи йй. (*Галочка прыступыла до подаркивъ и тилкы дывытця на ныхъ; Олена бере и пидносить кожному по рушныку, перев'язує имы черезъ плече, а парубкамъ в'язе платкы на руку. Свитылка, дивочка литъ чотырнадцаты: въ рукахъ у неї шпага обнаженная; ефесъ убранный травами и цвитами, а зверху горящая свича. Свитылку и мечъ еи также перев'язують рушныками. После усихъ Олена дає одличный одъ всихъ платокъ Галочци, и та пидносить его Мыколи. При усякому пиднесеніи Олена и вси прышедшии кланяютця*).

Твердохлибъ (*мижъ тымъ продолжає*). Важне дило весилля! Тутъ не можна ничого ни прыбавыты, ни вы-

пустыты. На усе чынь и порядокъ. Що-то нема вашого прыятеля офіцера? Винъ любопытный на се, роспрошувавъ у мене багато про сія порядкы. Колы бь пидь сей часъ пидскочывъ, добре бь було. Мы бь и ёму хустку почепылы.

Галочка (почувшы его слова). Олесю, душко, мерщій.. Зовсімъ, дяюшка! Що теперь робыты!..

Твердохлибъ. Добре, колы зовсімъ. Теперь, головатый батьку, беры хлибъ, сядь соби, а молоди станьте передь батькомъ. (Усе те роблять). А мы поблагословымось. (Уси прочи сьдятъ и Твердохлибъ тожъ). Старосты, паны пидстаросты!..

Два старыкы (зъ сьдящихъ вмисти). А мы рады слухаты. **Твердохлибъ**. Благословите молодымъ, батькови поклонытыця, благословеніе узаты, пидь винецъ статьи.

Ти жь старыкы. Боже благословы!

Твердохлибъ. У другый разъ.

Старыкы. Боже благословы!

Твердохлибъ. У третій разъ.

Старыкы. Трычи разомъ, Боже благословы!

Твердохлибъ. Ну-те, диты, кланяйтесь. (Мыкола и Галочка кланяются батькови въ ноги).

Таранецъ (благословляе ихъ хлибомъ, и отдавши его Мыколи, обнимае дитей). Диточки мои любезны!.. (Зарьдавши). Багато въ мене на серци.. Не здужаю сказаты!.. Галочко!.. гляды!.. Мыколо!.. Богъ зъ вами!.. (Выпуска ихъ; Галочка цилуе руку батька и гирко плаче; Олена насылу вже одрива и).

Твердохлибъ (межъ тимъ до прочыхъ). А вы соби выступайте на двирь и ждите. Пидете за молодымы, якъ порядокъ велыть. Теперь идить молоди у парсци. (Мыкола, взявши за руку, веде Галочку, ледве можущую йты. Олена пиддержуе и).

Твердохлибъ. Що-бь-то музыку достаты! хочбы одну сврыпочку..

Таранецъ (ледви може стояты). Не треба музыки! Се не висидля.. се похороны.. (Рыдае). Поховавъ я свою радисть навикы! Галочко, дытына моя! Ты мене покынула.. О, не покынь мене на симъ свити! (Изнемигшы падае на шлю Твердохлибу). Друже мій! поведы мене.. Я не здужаю.. роскажу тобі, що се за ангель, моя Галочка!..

Дієвїе п'яте.

ПОХОРОНЫ.

Черезъ дви недили.—Декорация та жь сама.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВЕ.

Мыкола (выходячы изъ боковыхъ дверей, тихо). Колыбже-то заснула хочъ трохы!.. Вже и я замитывъ, що якъ засне, то и крипча.. И вже ии крипосты! якъ свичечка пала, покы дыхне на неи витерець.. а витерь по усякъ часъ ии осылуе, Що зробыла зъ собою?.. Прямо що ангельска душа!.. О, що бь не робывъ, чого бь не виддавъ, щобъ такого ангела удержаты на симъ свити!.. Не таке мое щастя!.. (Задумуетця).

Галочка (за кулисами). Мыколо! а де ты?

Мыкола. Я тугъ, у хати. Я думавъ, ты заснула.

ЯВЛЕНІЕ ДРУГЕ.

МЫКОЛА и **ГАЛОЧКА** блидная, слабая; голова убрана, якъ у замуженей, въ очинку.

Галочка. Я такы и заснула трошкы.. та нибы и крипша стала.

Мыкола. Колыбъ ты довше поспала, то ще бь тоди полегшало; ато бачь видь витру валяеся. Сядь, дуть, посыдь. (Усажуе и).

Галочка. Добре жъ, я посыжу. Дай мени свою руку. *(Бере его руку и прыжымае до серця).*

Мыкола. Чы не болыть що въ тебе, що мою руку прикладаешъ?

Галочка. Въ мене ничего не болыть, опричь души... якъ самъ знаешъ. А вже жъ, переможу свое лыхо, пересылаю... Тымъ я за руку тебе держу, щобъ пам'ятюваты, хто ты мыни е, Мыколо!.. Я и твій викъ зав'язала!.. *(Задумується).*

Мыкола. Не думай сего, Галочко! Я тобою ставъ щасливый. Колыбъ намъ тилкы не журба твоя, що ты черезъ неи чахнешъ та сохнешъ, то намъ зъ пань-отцемъ тилкы бь радваться. Та ты сама богобоязна: ты и сама знаешъ, що здоровья треба зберигаты; знаешъ и те.

Галочка *(зразу одумується и быстро дывытця на его).* Що я знаю? Що ты кажешъ? *(Оставляе руку его и дывытця все на его).*

Мыкола. Знаешъ, що треба...

Галочка *(твердымъ голосомъ).* Скажи ты мени, здилай мылость, хто ты такой!

Мыкола. Мене пытае, хто я?

Галочка. Тебе. Та пожалуста не сердься на мене; я тямлю, що я просыла, щобъ на мене никто не сердывся. Ты мени усе роскажи, хто ты и хто я. Я усе знатыму. Теперъ же, далеби, усе позабувала.

Мыкола. Та я жъ Мыкола, твій мужыкъ, що отъ дви недели, якъ мы побралысь.

Галочка. Дви недѣли, кажешъ?.. А винь черезъ тры, казавъ, буде. *(Тоскуе).* Охъ лышечко мени! виддайте мене швыдче замижъ.. Ато прыйде винь, я пропаща тоди!.. и винь пропащый!..

Мыкола. Богъ зъ тобою, Галю, що се ты говоришь? ты вже замужемъ, я твій мужыкъ; згадай усе, та и не бійся ничего.

Галочка *(подумавшы).* Теперъ згадала усе... Мыколо!.. Не сердься на мене... Мени тяжко, дуже тяжко!.. Якъ пидступыть пидъ сердце журба, де бь я дилась!.. Охъ, горечко мое!.. мени его жалъ. Що-то винь скаже, якъ вернетця?..

Мыкола. Обь ему не вбывайся. Уже батько знатыме, якъ его розважаты. Мы не пустымо его до тебе заразъ.

Галочка *(печально).* И николи не водить его до мене, прошу тебе, Мыколо! Уже жъ мы попрощалыся на викъ, чого намъ ще?.. Здилай же мылость!..

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЕ.

Ти жъ и Т А Р А Н Е Ц Ь.

Таранецъ. Що у васъ тутъ доброго? чого вона въ тебе просытъ?

Мыкола. Щобъ не прыводыты до неи Семена Иванывча, якъ прыиде...

Таранецъ. А чому жъ се? Таки и ничего. Спершу бь такъ тропкы, а тамъ бы и прывыклы.

Галочка. Ни, таточку, не здужаю сего... И видъ одни думкы мени важко!.. тяжко мени щось дуже!.. полежала бь я тропкы; а ты, Мыколо, хотивъ у городъ иты, то и пишовъ бы; а я чы не заснула бь соби? Видведы мене... не здужаю... *(Мыкола веде ии тыхо).*

Таранецъ *(зъ горестю дывытця велидъ за нею, кыдається на ослинецъ и, облокотывшысь на стилъ, плаче).* Однимъ одно дытятко... И яке ще!.. И те потеряты!.. Охъ, тяжко мыни!.. Зачымъ бы старому жыты?.. Зачымъ батькови переживаты дитей своихъ? Воля Господня на все! Може минетця беда?.. Оце ий тяжка годына, тамъ потроху и прывыкла бь... О, чого бь я не давъ, щобъ видвесты видъ неи свою биду!.. Боявся гриха за неривню виддаты, а се жъ легче ий такъ страждаты?..

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТЕ.

ТАРАНЕЦЪ и МЫКОЛА.

Таранецъ. А що вона?

Мыкола. Лягла и ничего. Забажала яблука. Оце маю лты у городъ, то и прынесу. Осъ що, тату, хочу у васъ прохаты: подозвольте пидрадытыся пидъ хуру,—у Полтаву до войска муныцю везты. Заробитокъ хороший.

Таранець. Якъ знаешъ, сыну. Я тоби попереду казавъ и теперь скажу: робы якъ хочешъ, я ни учимъ не побороню. Усе твое. Мени вже небогато треба, и те не надовго. Чы и самъ думаешъ зъ хурою?

Мыкола. Бороны Боже! якъ ии такую оставыты? хочъ бы и пыле дило яке, узе кынувъ бы. Бачете, тилкы куды видвернувся, заразы и пыта: де ты, Мыколо? Оце и теперь иду, та яко-мога и поспешатому назадъ.

Таранець. Добре, сынку! Иды жъ здоровъ, нехай тоби Богъ увъ усимъ помога! Не барысь же! *(Мыкола выходитъ).*

Таранець *(одинъ).* Чого мы на симъ свити вбываемось!.. Чого жалкуемъ за нымъ? Що тутъ е хорошаго?.. Горе та лыхо, лыхо та горе, одно за другимъ иде, одно за однимъ напада на чоловика, душыть его, а винъ не хоче разлучытысь изъ свитомъ!..

ЯВЛЕНИЕ П'ЯТЕ.

ТАРАНЕЦЬ и ГАЛОЧКА *ледве може иты, несе въ рукахъ роботу, сидае коло вѣкна.*

Таранець. А що ты, доню, и не полежала?..

Галочка. Видпустыло мени тропечкы... Уже остыло и лежаты... Посыжу зъ тобою, таточку, та думаю, чы не пошыю чого-небудъ. *(Збираетця робыты).*

Таранець. Добре, душко, згадала. Поробы хочъ трощкы, розбывай свою тоску. То сымъ, то тымъ забавляйся, то и не счуеся, якъ оздоровиешъ. Мыкола пиншовъ у городъ, а я провидаю батракивъ и скоро вернусь до тебе. *(Выходитъ).*

Галочка *(одна).* Сердешный батенько дума, що моя журба мынетця, що я поздоровишаю колы-небудъ!.. Не на те я ишла... знала, що буде зо мною!.. Господы мылосердный! Я не вбываю себе; що бъ робыла, що бъ не гусыты здоровья! знаю що грихъ смертельный... що жъ мени робыты, колы нема въ мене стылкы воли... *(Схылывшы голову, задумуетця).*

ЯВЛЕНИЕ ШОСТЕ.

ГАЛОЧКА и ОЛЕНА.

Олена *(входитъ тихо и обгляда Галочку; на сторону).* Господы мылостывый! Уже зовсимъ не та. Мовъ свичечка догора. *(Утыра слезы, и прыжидуючысь веселою, кыдаетця до неи).* Здорова була, моя Галочко! Учора тилкы не була у тебе, та такъ зоскучылась, що не можно!.. Бачъ, теперь ты здоровиша; позавчора увесь день лежала, а сегодня, бачъ, за роботу бересся.

Галочка. И вже, мое здоровья! чую сама, що швидко усому кинецъ.

Олена. Та ну бо, Галочко, не вбывай себе, видганяй журбу. Помытуй, що ты ще тилкы почала жыты, и що е тоби для кого жыты. Батенько твѣй старенький!..

Галочка. Знаю, душко, усе знаю. И чого бъ я не робыла, щобъ подавыты свою тугу? Не можна, я чоловикъ. Якъ я любила его, ты знаешъ, Олено. Скажи ему усе, скажи, що и вмерты хочу швыдче, щобъ розввзаты его душу.

Олена. Та Богъ зъ тобою, що се ты думаешъ! ще поживемо...

Галочка. И, ни вже, Олено! Що день, що часыночка, то усе мени важче. Оце уранци такъ було мени пидступыло, що ледви не вмерла. Охъ, тяжко мени бува! Такъ и жду, що колы мене постыгне яка нова, хочъ манисинька, журба, або сполохаюсь чого, то тутъ мени и пидступыть до сердца, тутъ и кинецъ. Спасыби, душко, що задалегидь прыйшла до мене... *(Слабие, бере Олену за руку и сылытця говорить).*

Олена *(утыра слезы, на сторону).* Въяне наппа що-ни-найлучча квиточка. *(И).* Ты знаешъ, що и мени скучно, якъ я довго не бачусь зъ тобою!

Галочка. Спасыби тоби за усю твою любовь! Мы жылы промижъ себе мовъ ридни сестры, будь же мени и по смерти мой ридною сестрою. Озымы на свои руку мого нещасного батенька... замини ему мене... Згадайте мене, та не журитесь крипко... Доглядай его у престарилости, у немоцахъ... ему нема вже на свити нѣякой радости; доглянь его, щобъ не важко ему було его сыритство... Ты мене и тамъ сымъ звесельшь. *(Цилуе ии въ голову).* Зъ сымъ укупи прынымы мою

дяку за твою любовь, и прыньмы его на свои руки якъ отца. Винъ не знавъ моеи близькой смерти; винъ дума, що я пересылю свою журбу! Ни, вона мене зъила... Такъ скажи и Семену Ивановычу... Нехай спизнае мою волю,—живе, не журытця та шука свого щастя: для того ему и свить розвъязала.

ЯВЛЕНИЕ СѢМЕ.

Ти жъ и Т А Р А Н Е Ц Ъ.

Таранецъ (*самъ изъ собою*). Шкода такой работы! И дывлюсь, и не бачу ничего. Тилкы маячу на свити. (*Олени*). Спасыби тоби, Олесю, що провидала Галочку. Розважай ии, епивайте соби писенёкъ, якъ було попереду. (*Зъ усмишкою*). А що, Галочко, богато наробыла? Де вже тоби робыты! и не сылкувалась бы; ато и такъ крепосты мало. Сыды такъ; або я вамъ прочытаю що-небудъ. Ты було любышцъ слухаты, якъ чытаемо...

Галочка (*швыдко*). Ни, таточку, не чытай. Я теперь и не второпаю ничего... (*На сторону*). Мынулося те... (*Задуметця*).

Таранецъ. Або отъ що. Т бѣ, доню, пуще усёго треба яке дило, щобъ ты хлопотала объ чимъ; то и журба не такъ тоби допикатыме. Знаешъ що? Зробы такъ, якъ и покойна маты твоя. Заведы коверныць, або коцарёкъ. Ты зъ нымы будешъ управлятыся, то и думкы усякы видйдуть. И весело, корыстно; на коцяхъ заробитокъ дуже гарный,—де ихъ не требуютъ! (*Чуты поштовый дзвоникъ, замовкнувшый била викина*). Що се таке?.. Бачъ, неначе хто сюды прыбигъ? А выплянь, доню, у викино, що се таке е?

Галочка (*прыдывывишысь у викино*). Охъ лыхо!.. (*встае, пошатуетця, хоче иты и не може; Олена пиддержуе ии*).

Таранецъ. Що тамъ таке? (*Встае и подходитъ до Галочки*).

Галочка. Винъ, таточку!.. винъ!.. (*Изнемогае и падае на руки Олены*). Сховайте мене видъ нѣго!.. видъ самой мене!..

Таранецъ (*стпыить зъ Оленою видвесты ии, и вернушысь стоить въ недоумини*). Що мени теперь робыты? Ума не прыберу!..

ЯВЛЕНИЕ ОСЬМЕ.

ТАРАНЕЦЪ и ЗОРИНЪ входятъ послѣднимо.

Зоринъ (*кынувшись до Таранця, веселый, обнимаетъ его*). Здравствуй, мой почтенный Алексѣй Омельяновичъ!.. Каково поживаешь?

Таранецъ (*ледви одвичачуы на ласки его, въ заммишательствѣ*). Спасыби Богу... ще... (*На сторону*). Буде тутъ усёго!..

Зоринъ. Гдѣ Галочка моя? уже она теперь совершенно моя! Вотъ, мой любезный, привезъ отъ дяди моего письмо собственно къ тебѣ. Тутъ все доброе написано. Онъ просить и умоляетъ тебя не мѣшать моему счастью, и всѣ грѣхи, какихъ ты боишся, беретъ на свою душу. Вотъ это письмо, читай его, а я побѣгу и отыщу Галочку, что, можетъ, и не ждетъ еще меня такъ скоро. Отыщу и приведу къ тебѣ, а ты насъ благослови какъ дѣтей своихъ. Теперь ни въ чемъ нѣтъ препятствія... (*Хочетъ бѣжать*).

Таранецъ (*удержуючы его, зъ заммишательствомъ*). Не турбуйтесь, Семень Ивановычъ! Лучче сядьте... ось посыдте лышень... Якъ бы то вамъ сказаты?..

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЪЯТЕ.

Ти жъ и ГАЛОЧКА, котру веде Олена.

Зоринъ (*увидѣвъ ее, хотѣлъ броситься къ ней; она рукой даетъ знакъ, чтобы онъ не подходилъ, и онъ, пораженный уборомъ ея, остолбенѣлъ, руки сцѣпилъ и едва устоялъ на ногахъ*). Галочка!.. ты замужемъ? Что ты это сдѣлала?..

Галочка (*говорить зъ великимъ усиллямъ. Слезы ии мшають. Отець и Олена пиддержують ии*). Семень Ивановычъ!.. Панъ-отець мене благословывъ... и я, по самый чыстѣй воли, выйшла за чоловика чесного, добраго... не прыходитця намъ ничего спомынаты... Ще разъ довелось мени сказаты вамъ: прощайте на вики.. Забудьте усе!.. Забудьте мене.. Колы зможете, забудте и щыру любовь мою, черезъ котору

я зробыла усе для вашого спокою... Вы знайдете свое щастя... а я?.. (Слабѣе зовсімъ. Ти сажаютъ на лавку).

Зоринъ (ударивъ себя въ грудь, въ отчаяніи). Всѣ надежды на счастье исчезли!.. Пули неприятельскія успокоятъ меня! (Убѣгаетъ).

Таранецъ (пиддержуючы Галочку). Доню моя мыла!.. Галочка моя!.. Серденько мое!.. Що зъ тобою.

Галочка (опам'ятовавшысь, важко дыше). Охъ, тяжко мени!..

Таранецъ. Повду я тебе... може бь полежала?

Галочка. Ни, вже и пиднятыся не здужаю... (Лежыть на рукахъ батька, держачы Олену за руку). Де... Мыкола?

Мыкола (поспшино входячы, кыдаеця до неи зъ другою боку на колѣна). Озде й я... Що зъ тобою, моя Галочко?

Галочка (подае ему другу руку). Важко мени! уже до сердца пидступыло!.. Дай мени свою руку... Я вже не бачу васъ! Господы! я сповныла... святѣйшый законъ твѣй... Положыла душу за друга... Старалась себе зберегты... для васъ, тату... для тебе, Мыколо... не змогла!.. Я чоловікъ... Отець праведный, прыйме мене... (Умирае).

Таранецъ (зъ великою горестью рыдае надъ нею).

Олена (цилуе її).

Мыкола. Чы мы жь достойни булы, щобъ анголь небесный живъ изъ нами?.. (Цилуе її руку. Занавѣсь опускаеця)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Шельменко, волостной писарь (комедія въ трехъ дѣйствіяхъ)	3
Шельменко-денщикъ (комедія въ пяти дѣйствіяхъ)	49
Сватанья на Гончаривѣди (малороссійская опера въ трехъ дѣйствіяхъ)	115
Щыра любовь (драма въ пяти дѣйствіяхъ)	191

24

я
я

деж
мен

Галс

мен

онна
на р

боку

серця
вась!
жыла
тату...
праве

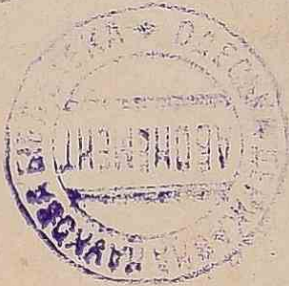
визна

ный ж

ж.

ОЛІВІЕНІЕ

ПР.
1953

1978

Н-232863

17

Томе, III

Варшаві, 17 ст. у офіційній справі, по сль. от 18.12.1917

Со сьма Стаса Варшаві у офіційній справі

Варшаві, 17 ст. у офіційній справі

Варшаві, 17 ст. у офіційній справі

Варшаві, 17 ст. у офіційній справі

Варшаві, 17 ст. у офіційній справі

Варшаві, 17 ст. у офіційній справі

але

Варшаві, 17 ст. у офіційній справі

Варшаві, 17 ст. у офіційній справі

Варшаві, 17 ст. у офіційній справі

ОЛІВІЕНІЕ

Имбер

на америк

ОУ МДА 110

ЧАСТНАЯ	Руб. К.	Руб. К.	Руб. К.
Почва 8 48			

2868.92 5200

88

10 10 8 8 8

по округам в руб. 200 42599 1640 8866 9672 43818 1357 1190324

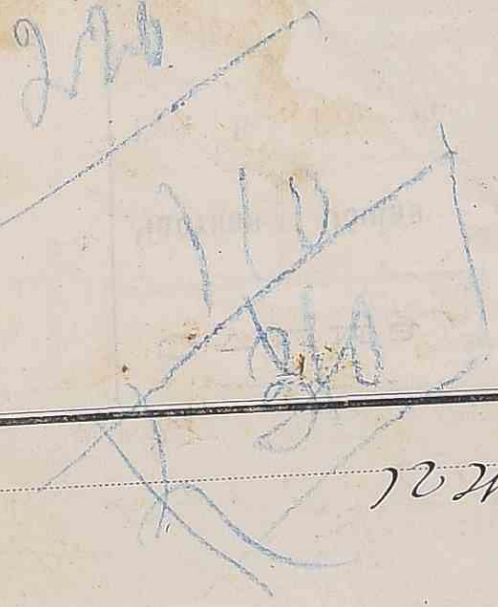
957.82

15 100 5 6 36.82 75 10 10

Американская Отраслевая Служба

Лос-Анджелес Калифорния

Бостон, Массачусеттс
Денвер, Колорадо
Даллас, Техас
Детроит, Мичиган
Филадельфия, Пенсильвания
Сан-Франциско, Калифорния
Чикаго, Иллинойс
Хьюстон, Техас

Los Angeles

Годъ	и	Мѣсяцъ
Число		

1902
Годъ по Лос-Анджелесу

Руб. 1.000.000.

Руб. 7.611.900.

двѣдѣляющаго и недвижимаго имущества всякаго рода.
денежные и цѣнностей, пересылаемыхъ по почтѣ.

Москва, Одесса, Рязань, Ростовъ н/Д., Саратовъ, Тифлисъ,

Берлинъ, Амстердамъ, Бременъ, Христиания, Стокгольмъ

Генуя, Гавръ, Дублинъ, Бельфастъ, Лидсъ, Бирмингамъ, Нью-
Йоркъ, Роттердамъ.

Англійскаго Ллойда (въ Лондонѣ).

ФАБРИКИ

ШИНА

МОСКВѢ.

съ 1875 года.

ИХЪ И БУМАЖНЫХЪ МАТЕРІЙ,
И КОЖИ

"АТИНЪ"

ПОЛЕНКОРА.

НЕМЕДЛ. ТРЕБ. АГРОНОМЪ

для управл. большимъ имѣніемъ въ Крыму. Пред-
ложенія адрес. О-ву Просв. Евреевъ, Петроградъ,
Загородн. по. 23. кв. 35.